

Александр и Ксения
Рудазовы

Паргоровские байки. Том 1

Александр Рудазов

Паргоронские байки. Том 1

«Автор»

2020

Рудазов А. В.

Паргоронские байки. Том 1 / А. В. Рудазов — «Автор», 2020

В черном-черном городе, где вечно идет дождь, есть ресторан, принадлежащий старому демону Янгфанхофену. Большой любитель выпить, закусить и поболтать, он целыми днями чешет языком со своими гостями. Кажется, он знает миллион занятных историй – и все они абсолютно правдивы! Историй о Паргороне, о Парифате, о иных мирах, о великих и малых их обитателях, о глубокой древности и о совсем свежих событиях... присаживайтесь, выпейте. Паргоронский Корчмарь любит новых слушателей.

© Рудазов А. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Демон в шкатулке	8
Интерлюдия	27
Великая охота	29
Интерлюдия	63
Рыцарь и ведьма	64
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Александр и Ксения Рудазовы

Паргоронские байки. Том 1

Пролог

Мпораполис – это город вечной грозы. Паргорон, мир демонов, имеет форму чаши, и Мпораполис находится на самом дне внешней стороны.

Эта область так и называется – Туманное Днище. Здесь всегда сумрачно, всегда туманно, всегда прохладно и часты дожди.

Местным обитателям нравится.

Улицы Мпораполиса крайне опасны. Эта территория не входит ни в один гхьет, две трети города – трущобы. Если ты не демон, сюда лучше не заходить. Лучше обойти трущобы стороной... лучше обойти стороной вообще весь город... впрочем, вокруг Мпораполиса сплошные болота, где тебя либо поглотит трясина, либо сожрут хищные растения.

Если ты не демон – лучше даже и не суйся в Паргорон. Этот мир не любит чужаков.

Но прямо сейчас по улицам Мпораполиса шагал тот, кого обходили стороной даже демоны. Похожий на очень высокого человека, человеком он не был, и это видел каждый, кому позволялось увидеть.

Сегодня в Паргорон явился лорд Бельзедор, Темный Властелин Парифата.

Один. Без свиты, без прихвостней, без приспешников, он шагал сквозь бурю, и вода стекала по бронзовой коже, по смоляным волосам. Даже не в официальных черных доспехах – в обычной повседневной одежде. Кожаном плаще с высоким воротником, таких же брюках и ботфортах. На поясе висел пылающий кнут.

Мимо промчалась карета-вехот с вальяжно развалившимся на подушках гхьетшедарием. На Бельзедора он глянул со смесью скуки и отвращения. Сразу понял, что перед ним не демон – но и не добыча. А Темный Властелин даже не замедлил шага и лишь отмахнулся от паргоронского котенка. Тот назойливо шептал на уху, что жизнь тлен и лучше броситься под колеса.

Иногда Бельзедору хотелось просто поболтать с кем-то, кто не будет раболепно ему кланяться или вопить от ужаса. Но когда ты Темный Властелин – выбор таких собеседников резко сужается. Приходится либо идти куда-нибудь инкогнито и общаться с незнакомцами, либо отпрапляться туда, где перед Темным Властелином не трепещут.

А таких мест не очень-то много.

Паргорон. Мир демонов. Многие считают, что жители Империи Зла и демоны – лучшие друзья, союзники, а то и вообще братские народы. Но это не так. Бельзедор никогда не испытывал симпатии к демонам.

Это существа совсем другого типа. Они не служат Злу, не понимают его идею. Демон служит только самому себе, преследует только собственные цели. Демоны вообще не оценивают свои поступки с позиции добра и зла – они просто делают все, что хочется, не испытывая нравственных мук.

Из стены дождя выступила темная громада. Тусклые лучи Нижнего Света озарили «Соелу» – то самое место, куда Бельзедор и шел.

Демонический трактир.

Огромные двери были распахнуты настежь. Наружу выливался шум, дым и кутеж, а внутри пылали огни, гремела музыка. На сцене дрыгали ногами обнаженные девицы, в центре кружились в танце пары и выясняли отношения дуэлянты, а за бесчисленными столами горлачили сотни демонов и других созданий.

Какофония и кавардак.

Общий зал «Соелу» – это настоящий бедлам. Гигантский комплекс, центр светской жизни Мпорополиса. Самая яркая и веселая точка всего Паргорона. Он не закрывается ни на час, ни на минуту. Работает круглыми сутками, гремит и трясется в иступленной пляске. Тут есть и кабаре, и дискотека, и казино, и спальные номера, и внутренний двор с озером и бумажными фонарями. Тут есть развлечения для любого – и здесь всегда клубятся толпы.

Но Бельзедор искал иного. Просто посидеть со стаканчиком хмельного и пообщаться с кем-то... равным. А поскольку в «Соелу» он уже много веков числился в особых клиентах, то сразу свернул к неприметной лесенке слева.

Обычные посетители ее даже не видят. Для них ее не существует. Только специальные гости – самые влиятельные персоны и личные знакомые хозяина заведения.

Лесенка привела в малый зал. Полутемный и полупустой. Всего-то четыре ниши с отделенными ширмами столиками и барная стойка с семью табуретами. Стены из некрашеного кирпича, цветные витражные окна, потрескивающие в камине поленья, стеллажи с причудливыми бутылками...

Здесь музыка не играла, песни не пелись, бокалы не звенели. Да и гостей было всего шестеро. Трое за одним столом, двое за другим, да еще огромный демон на самом дальнем табурете. Тот немного расширился, чтобы вместить хвостатое седалище.

Официантов же не было совсем. В малом зале «Соелу» гостей обслуживает сам хозяин заведения. Длиннорогий гохеррим, протирающий бокалы за стойкой цвета свежей крови. Был он лыс и пузат, с ярко-оранжевой кожей, алыми глазами и тяжелым мясницким тесаком на поясе. Из одежды лишь старый засаленный фартук, покрытый таким количеством пятен, что не разобрать изначального цвета.

Демолорд Янгфанхофен. Паргоронский Корчмарь.

– А, мой старый друг, – добродушно улыбнулся он Бельзедору. – Заходи, заходи. Тебе того же, что и обычно?

Он уже наполнил граненый стакан. «Жидкое Зло», любимый коктейль Бельзедора. Именно Янгфанхофен когда-то его изобрел и очень своим изобретением гордился.

Старый демон любил придумывать новые блюда, новые напитки. Толстый, ленивый и добродушный, он почти не занимался обычными демоническими делами. Целыми днями Янгфанхофен просиживал в своем трактире, слушая и рассказывая истории.

– Давненько тебя не видел, – сказал демолорд, вставляя в коктейль крохотный зонтик. – Года три... или четыре?..

– Пять, – ответил Бельзедор, садясь на табурет. – Все как-то недосуг было.

– Знаю, знаю, – кивнул Янгфанхофен. – Наслышан. Чем там закончилась та история с Антикати́сто? Большую часть я уже слышал, но концовка... не поделишься со старым приятелем? По секрету.

– Я бы рассказал, да ты же всем растреплешь, – усмехнулся Бельзедор. – Да и история уже старая, больше трех лет прошло.

– Ой, вот не надо, – возразил Янгфанхофен. – Годы не делают историю хуже. Байки – они как вино. С возрастом становятся только лучше. Выдержаннее. Конечно, иногда при этом обрастают какими-то фантастическими подробностями...

– С твоей легкой руки.

– Обижа-аешь! – возмущенно протянул демон. – Я ничего не выдумываю! Я рассказываю только чистую правду... может быть, чуть-чуть приукрашенную. Чтобы было интереснее.

– И все-таки. Какой-нибудь истории посвежее у тебя нет?

– Есть одна свеженькая байка, – с готовностью облокотился на стойку Янгфанхофен. – Пикантная такая. Давным-давно...

– Давным-давно – это начало свежей истории?

– Стандартное, – отмахнулся трактирщик. – Не придирайся, я всегда так начинаю. Так вот, давным-давно, в 66716 году от Разделения...

– Прости, перебую, – сказал Бельзедор. – Можно по Парифатской хронологии?

– Можно. А почему по Парифатской? Я могу и по вашей, по хронологии Зла.

– Она у нас принята только официально, – хмыкнул Бельзедор. – На самом деле ей никто не пользуется.

– Хорошо, как скажешь. Это было в... сейчас... 1520 году Новой Эпохи.

– То есть в прошлом году. Знаешь, это как-то не тянет на «давным-давно».

– Так, не придирайся к мелким деталям, а то вообще ничего не буду рассказывать.

– Ладно, не буду, – выпил свой коктейль Бельзедор. – Продолжай.

– Так вот, давным-давно, в 1520 году, в далеком-далеком мире...

Демон в шкатулке

1520 год Н.Э., безымянный мир.

Рикашьянамас бесшумной тенью кралась через джунгли. Она уже полчаса выслеживала одну местную тварь – а местная тварь, кажется, пыталась выслеживать ее. Глупое животное полагало себя охотником, а ее – добычей.

Оно привыкло, что в этих лесах опасней него никого нет. Привыкло, что если видит что-то движущееся – то это либо еда, либо игрушка. Создание любило позабавиться с добычей.

Как оно называется, Рикашьянамас понятия не имела. В поисках могучих чудовищ она забрела так далеко, что не знала даже, в каком мире находится. Ясно только, что от Паргорона он очень далеко.

Она почти два года странствовала по дальним мирам. Ей надоели мелкие набеги и бесконечная муштра, а крупных войн Паргорон не ведет уже давно. К сожалению.

Гохерримы любят путешествовать и охотиться. Вольное сафари развлекало Рикашьянамас довольно долго. Но постепенно ей стало приедаться, и она все чаще подумывала вернуться домой.

В конце концов, она вексилларий, у нее есть определенные обязанности.

Над головой промелькнула животное. Оно умеет летать? Неожиданно, но так только интересней.

Рикашьянамас вытянула из ножен рапиру. Клинок чуть заметно пульсировал. Демоница невольно коснулась языком верхней губы – ее тоже охватил азарт.

В этом мире она охотилась девятый день и поглотила кучу диковинных созданий. Фауна тут богатейшая. Из-за неправильной оси вращения планеты перепады температур огромные, и выживают только самые приспособленные. Монстры, способные выдержать и удушающую жару, и невыносимый мороз.

Более-менее комфортный тут только экватор. Его Рикашьянамас оставила напоследок, на сладкое. И, в общем-то, ничего особенного от него и не ждала, но как раз тут и отыскался зверь, способный состязаться с гохерримом почти на равных.

С обычным гохерримом, конечно. Вексилларию он не противник. Но все же охотиться интересней, чем обычно – Рикашьянамас увлеченно прыгала по воздуху, оставляя под ступнями светящиеся следы. Рапира дрожала в ладони, охваченная предвкушением.

Да, у добычи крылья. Огромные и перепончатые, как у летучей мыши. Только сложены скорее на манер жучиных – этакие гармошки вдоль спины. Потому Рикашьянамас и не поняла сперва, что создание летает... и очень быстро летает!

Зверь оказался неглупый. Да, он сначала напал на демоницу сам, но ему хватило одного укола, чтобы осознать разницу в их уровне.

Рикашьянамас даже не успела его поглотить – зверь слишком резко отпрыгнул. Да еще и выдохнул облако черного газа, заставившее демоницу расчихаться.

А когда она протерла глаза – создание уже улепетывало.

Теперь стало еще веселее. Рикашьянамас даже дала зверю полминутки форы. Позволила отлететь подальше, прежде чем побежать следом.

И погоня получилась на диво задорной. Напуганный монстр несся стрелой, резал воздух клыкастой мордой, а внизу мелькали пышные зеленые кроны, потом странные деревья-облака, а потом и море. Летучий зверь пытался сбросить Рикашьянамас с хвоста, оторваться, но та совсем не уставала, в отличие от него.

Погоня закончилась на каком-то острове. Демонице надоело, она резко ускорила и вонзила в зверя рапиру. Тот взвыл, забился в агонии, а Рикашьянамас захохотала в упоении. Сжала

крепко рукоять – и вспыхнула от восторга, ощущая свежую душу. Гохерримский клинок выпил ее жадно, с наслаждением.

Конечно, это всего лишь животное. Очень крупное, очень яростное, полное жизни и энергии – но животное. Не та добыча, что особенно ценна любому гохерриму.

Но разумных смертных в этом мире нет. Он необитаем. И все самые интересные трофеи Рикашьянамас здесь уже собрала... кажется.

Наверное, стоит возвращаться.

И она уже почти шагнула за Кромку, уже почти переместилась в мир Золотых Жуков, когда вдруг поймала чей-то зов.

Ментальный импульс. Приглушенный, но очень мощный. Иногда подобное означает опасность, но вексилларий Паргорона не боится опасностей.

И Рикашьянамас побежала.

Бег закончился на небольшой поляне. Деревья почти слопали этот пяточок земли, но меж ними еще оставалось место. И зов исходил откуда-то снизу, из травы... Рикашьянамас наклонилась и подняла небольшую шкатулку.

Ух-х!.. Та едва не выпала из ладоней. Рикашьянамас заморгала – так шибануло по пальцам благодатью.

Изделие кого-то из Светлых богов. Персональное. Авторское. Не такого типа, чтобы обжигало демона, но все равно чувствуется, что не для нее ковалось, не для гохерримских рук.

И там внутри кто-то сидит.

– Кто там?! – раздался взволнованный голос.

– А там кто? – спросила Рикашьянамас, крутя шкатулку.

– Кто бы ты ни был, выпусти меня, и я одарю тебя сокровищами всех миров! – посулил узник шкатулки.

– Я на такое не куплюсь. Я демон. Ты тоже, как мне кажется.

Из шкатулки донеслась грязная брань. А потом узник неохотно сказал:

– Ну ладно. Давай договариваться.

– Давай. Назови свое имя.

– Имя?.. Зачем тебе мое имя? Просто выпусти меня, и я отплачу тебе добром.

– Имя, – встряхнула шкатулку Рикашьянамас. – Истинное.

– Не скажу, – грубо ответил узник.

– Ну не скажешь – и не скажешь. Поставлю тебя на трофейную полочку. Или продам кому-нибудь.

– Пффф!..

Рикашьянамас немного подождала. Продолжения не было. Узник упорно молчал.

Демоница пожала плечами, сунула шкатулку в воздушный карман и зашагала сквозь Кромку.

Ее новый знакомый снова подал голос, когда до Паргорона оставалось еще полпути. Из шкатулки донесся крайне недовольный голос:

– Мое имя – Пазузу.

– А?.. – запоздало отреагировала Рикашьянамас. – Извини, не расслышала.

– Я ПАЗУЗУ! – заорал узник. – Моровой Ветер, архидемон Лэнга, сын бога Ханби!

– Да не вопи ты, – сдвинула брови гохерримка. – У тебя и так впечатляющий набор титулов, незачем их еще и выкрикивать. Я Рикашьянамас, вексилларий Паргорона.

– Вексилларий?.. Это что?

– Знаменосец легиона гохерримов. Лидер первой когорты.

– Как интересно, – вкрадчиво произнес Пазузу. – А расскажи побольше. Много в вашем Паргороне вексиллариев? Насколько сильны ваши гохерримы? Вексилларий – это самая высокая должность или над вами есть кто-то еще?

– А, ты прикидываешь, сможешь ли меня завалить, если выберешься? – догадалась Рикашьянамас. – Мне тоже интересно, поэтому я тебя пока что не выпущу. Но я тебя просвещу. Вексилларию у нас двадцать пять – по числу легионов. Гохерримы – демоны-воители, белая кость Паргорона. А насколько мы сильны, пусть наши враги судят. И вексилларий – это не самая высокая должность, над нами еще есть демолорды.

– Как интересно, как интересно... А сколько у вас демолордов?

– Двадцать семь.

Весь оставшийся путь домой Пазузу продолжал расспрашивать. Выпытывал все о Паргороне – как устроен, много ли там демонов, насколько могущественны его властители.

Это последнее его интересовало особенно.

Рикашьянамас охотно удовлетворяла его любопытство. Она прекрасно понимала, что ее новый знакомый прощупывает почву, пытается заранее узнать, какие у него против нее шансы и чего от нее вообще ждать. Но она все равно пока что не собиралась его выпускать, так что ничего и не скрывала.

Сведения не секретные. Что есть Паргорон, знают все, кто того желает.

Кстати, оказалось, что кое-что Пазузу о ее мире все-таки слышал. Не слишком многое, но имена Кагена, Лиу Тайн и почему-то Хальтрекарока оказались ему знакомы.

Вернувшись домой, Рикашьянамас заглянула в свой военный городок и убедилась, что за два года легионеры не слишком разболтались. Как полагается после долгого отсутствия, предложила желающим бросить ей вызов.

Желающих не нашлось. Несколько гохерримов помялись, посопели, но клинков из ножен не вынули.

Рикашьянамас еще ни разу не бросали вызова. Она сейчас самый молодой вексилларий, и гохерримы пока что приглядываются. Они воители бесстрашные, но поединок за звание вексиллария – не та вещь, которую устраивают сгоряча.

Либо ты вырываешь знамя из мертвых рук предшественника, либо он отправляет тебя к праотцам. Победа или смерть.

Однажды Рикашьянамас погибнет, как погиб Арветуред, которого она убила четыре года назад. Как погиб Метагидор, которого убил Арветуред. Как погибли почти все бывшие вексилларии.

Или она однажды выйдет в отставку, как вышел Тасварксезен и... Рикашьянамас не могла припомнить других имен. Вексилларии редко выходят в отставку.

Это... неправильно.

На квартире Рикашьянамас ожидал живописный бардак. Она не держала армию челяди, как те барственные гохерримы, что больше похожи на гхьетшедариев. Один Безликий для уборки, один крополеро для мелких поручений – больше слуг у нее не было.

Жилище Рикашьянамас вообще не выглядело домом гохеррима. Она не развешивала по стенам холодное оружие и головы убитых врагов. Не любила бессмысленных украшательств и огромных шкафов для трофеев. Предпочитала книжные полки.

Она и сражаться-то не очень любила. Охотиться – да, а сражаться – нет. Уж тем более по правилам. Кодекс гохерримов, иногда ей казалось, придумали демоны невеликого ума, которые страшно боялись, что более сообразительные их обскачат, а потому обставили битвы кучей ограничений. Туда не бей, сюда не бей, соски не выкручивай, табуретками не швырайся...

Возможно, правы злые языки, что утверждают, будто не все предки Рикашьянамас были гохерримами. Что кто-то еще там затесался, шельма, подпортил кровь.

Она действительно мелковата для гохеррима. И хлипковата. И рога нетипичные – золотистые с белыми кончиками. У большинства гохерримов они одноцветные.

Даже ее имя чуть отличается от нормальных гохерримских имен. Согласная на конце. Все новые знакомые спрашивали Рикашьянамас об этой согласной – а что она могла ответить? Как

назвали, так и назвали. Не совсем по кодексу... да, кодекс гохерримов регулирует даже имена для младенцев. Это не строгое правило, а скорее рекомендация, но нарушают ее немногие.

Оказавшись в Паргороне, Пазузу сразу притих. Из шкатулки не доносилось ни звука. Рикашьянамас кинула ее на полку, откупила бутылку синей наливки и вошла к верхним полкам. Кажется, где-то в ее коллекции была книжка... а, вот она. Двадцать восьмой том «Моих путешествий» баронессы Лоаллы, «Лэнг, Ацтлан и Додекаэдр». Рикашьянамас ее уже читала, но это было так давно, что она забыла практически все.

Она никогда особо не интересовалась географией.

Перечитывать целиком не стала – просто освежила память, полистав страницы. Ничего интересного в этом Лэнге нет, обычный захолустный Темный мирок. В двух шагах от Паргорона... в общем-то, почти сосед. Когда-то был куда богаче и сильнее, но те времена закончились задолго до рождения Рикашьянамас, так что он давно отошел на задворки метамировой политики.

Лоалла привела в конце список тамошних архидемонов. Те же демолорды, только с некоторыми отличиями. Полезная информация для путешественников.

– Йог-Сотхотх, Ньярлатхотеп, Акхкхару... о, Пазузу, – нашла своего нового друга Рикашьянамас. – Не соврал.

– Конечно, – ответили из шкатулки. – Я никогда не вру. В таких делах.

– Ты в самом конце. Почти что на последнем месте.

– Но все же не на самом!

– Да, ниже тебя Гелал... про этого я где-то слышала... и еще Лилит, но она в графе «изгой» и вроде даже не архидемон уже.

Рикашьянамас закрыла книжку. Трудно Лоаллы больше тысячи лет, информация наверняка давно устарела. Темные миры меняются не настолько стремительно, как государства смертных, но все-таки лучше обратиться к источнику посвежее.

Кэ-миало. Нейронная сеть Паргорона. В каждом более-менее приличном доме есть кэ-очи, и узнать из них можно все, что угодно.

Только это не задаром, к сожалению. Кэ-миало – не благотворители. Они делятся информацией – но и взамен требуют информацию.

Не слишком много. Просто какая-нибудь мысль, выдумка, сон. Любой информационный поток, они ими питаются. Кэ-миало не нужны души, как обычным демонам – они предпочитают память.

Приникнув к кэ-оку, Рикашьянамас оказалась лицом к лицу со своим провайдером – Уль’Таханом. Хотя не то чтобы к лицу – как и все кэ-миало, Уль’Тахан выглядел как раздувшийся летающий мозг с пучком гибких щупальцев.

Он ничего не сказал. Каждый кэ-миало одновременно обслуживает сотни входящих, ему некогда болтать. Просто молча протянул щупальце. Рикашьянамас, по-прежнему сидящая дома, коснулась его ментально и передала плату за вход – песенку, которая последние три дня упорно крутилась в голове.

– Это даже не целая песня, – укоризненно протелепатировал Уль’Тахан. – Это просто один куплет.

– Извини. Остальное не помню.

– Ладно. Возьму и это.

Кэ-миало ничем не брезгуют.

Намертво забыв куплет из песни, Рикашьянамас вошла в мыслепространство и запросила последнюю информацию по миру Лэнг. Бегло ее просмотрев – изумленно крикнула. Книжка Лоаллы и правда сильно устарела.

Особенно насчет списка архидемонов. Он очень сильно сократился.

– Пазузу, у меня для тебя две новости, – сказала она, оторвавшись наконец от кэ-ока. – Плохая и очень плохая.

– Начни с плохой, – донеслось из шкатулки.

– Ты больше не предпоследний в списке архидемонов. Ты последний.

– Гелал сдох? – равнодушно спросил Пазузу. – Ну и хер с ним. А очень плохая новость какая?

– Он там не единственный у вас сдох. Почти все сдохли. От Лэнга вообще мало что осталось. Там у вас недавно война большая была, катастрофы всякие природные, переворот, массовая гибель аристократов... из архидемонов уцелели только ты и еще двое.

Пазузу издал странный звук. Приглушенный... сначала Рикашьянамас показалось, что это всхлип. Но потом она поняла, что архидемон смеется.

Громко, радостно смеется.

– Что это ты? – удивилась Рикашьянамас. – Ты что, не огорчен? Твой мир погиб.

– Я знаю, – довольно ответил Пазузу. – Мир погиб, Йог-Сотхотх погиб... да все, кого я знал, погибли! Как же здорово. И знаешь, что лучше всего?

– Что?

– Что я – единственный, кто всего этого избежал. Как и должно быть. Как же все-таки вовремя я оттуда свалил!..

– Хочешь сказать, что ты спасался в этом ковчежце?

– Что?.. Да! Да. Это был мой план.

– Эээ... а почему ты тогда закинул его в необитаемый мир без возможности выбраться самостоятельно?

– Ладно, – неохотно признал Пазузу. – Это не было моим планом. Но это могло бы им быть – с соответствующими ремарками. Я просто не предусмотрел парочку деталей.

Рикашьянамас покачала головой. Нет, кем бы ни был этот демон в шкатулке, он точно не гохеррим. Вообще не похож. Даже самый гнусный демон-воитель не станет радоваться, если погибнет Паргорон. Зубы Древнейшего всегда были самой надежной опорой этого мира.

– А кто там те двое, которые выжили кроме меня? – спросил Пазузу как бы невзначай.

– Ктулху и Носящий Желтую Маску, – снова заглянула в кэ-око Рикашьянамас. – Тебе эти имена что-то говорят?

– Ага, значит, Йог-Сотхотх действительно погиб... – облегченно выдохнул Пазузу. – Зато Желтая Маска не сдох!.. Вот гнида!.. Даже тут вывернулся!.. Этот кусок маскимовой еды ничто не потопит, что ли?!

– Я понятия не имею, о чем ты говоришь, – сказала Рикашьянамас. – И теперь у меня еще меньше поводов тебя выпускать.

– Это почему еще?!

– Да так. Не нравишься ты мне. Однако попробуй найти какие-нибудь аргументы за свое освобождение. Я внимательно слушаю.

Пазузу в шкатулке надолго смолк. Подыскивал аргументы, а заодно обдумывал свое нынешнее положение.

Что Лэнг потерпел крах – это для него хорошо, конечно. Он не испытывал симпатии к своей... даже не родине, а скорее узилищу. Но скверно то, что вместе с Лэнгом разрушено и такульту. То самое, что делает каждого архидемона архидемоном.

Такульту не исчезло в никуда, а разрушилось. Развалилось. Перестало быть единым массивом. Личная доля Пазузу не пострадала, он бы почувствовал. Но теперь это не часть такульту, а «обломок». Неполноценный кусок, причем довольно мелкий. Его больше нельзя наращивать, он ни на чем не держится.

А вот усыхать он постепенно будет. Медленно, но верно.

Каких-то пять-шесть столетий – и Пазузу перестанет быть архидемоном. Станет просто высшим демоном, которым быть тоже неплохо, конечно, но это все-таки большой шаг вниз.

Надо срочно брать все в свои руки. Либо создавать собственное микро-такульту, либо присоединиться к какому-нибудь другому.

Теперь, когда такую культуру разрушено, Пазузу может это сделать. Его «кусочек» отныне отделяем от целого. Можно найти для него носитель и «зауклитель» или предложить себя другому Темному миру... вот хоть этому самому Паргорону. Он придет не с пустыми руками, его наверняка примут. У демонов такое часто практикуется.

Но пока он заперт в ковчежце Небесной Блудницы, он не может сделать ничего. Полное бессилие.

Рикашьянамас тем временем просматривала дальше новости. Теперь уже паргоронские. Кто умер за последние два года, кто родился, кто вступил в брак, кто получил новый титул или был низложен.

Просмотрела статистику демолордов – за время ее отсутствия список имен не изменился, но некоторые поднялись или опустились чуть ниже. Ксаурр набрал одну сотую процента, обойдя Гариадолла, а Фурундарок – целых две сотых, обойдя Ключерштатена и Хальтрекарока.

Эти сотые процента на самом деле невероятно важны. Рикашьянамас проверила свой счет в Банке Душ – за два года отсутствия он немножко просел. Было 0,10202 %, а стало 0,10191 %. Разница ничтожная, уровень все время чуть-чуть колеблется в зависимости от душевого курса, но лучше пока что в самоволку не отлучаться. Любому гохерриму капает на счет просто за то, что он вооружен и готов в любой момент выступить по зову трубы – но гуляющих за Кромкой это не касается. Пока отсутствуешь, жалование не начисляется.

Список вексиллариев за время ее отсутствия тоже не изменился. Она по-прежнему самая молодая. Официальных вызовов было два – один тупица пытался отнять знамя у Горгота-виры, и еще Демкельдегрор опять кого-то убил... этот почему-то то и дело получает вызовы. Довольно странные вызовы.

А в ее собственном легионе все нормально. Четверо убиты, пятеро новобранцев ждут утверждения, девятеро в отъезде, одна пропала без вести... пропала без вести?..

Рикашьянамас прозрела слух полностью. Марстагалина. Гохеррим из первой когорты, одна из лучших в легионе. Рикашьянамас ее помнила – голубая кожа, шесть маленьких рогов, именно оружие – длинный кинжал с костяной рукоятью. Чем-то похожа на саму Рикашьянамас – тоже субтильная, легкая, очень быстрая. Всегда предпочитала незаметные удары сзади, хотя это уже на грани кодекса. Подавала большие надежды – однажды, возможно, бросила бы вызов.

Любопытно, куда она могла подеваться...

Демоница обратилась к своему провайдеру лично. Уль'Тахан появился перед ее мысленным взором и выжидающе запульсировал.

– Один мой гохеррим пропал, – сказала Рикашьянамас. – Марстагалина. Что тебе известно?

К ней протянулось мозговое щупальце. Демоница вздохнула и отдала воспоминание об одном из посещенных миров. Каком?.. она уже не помнила. Кэ-миало слизнул информацию, как сладкую конфету.

– Марстагалина, – протелепатировал Уль'Тахан. – Входит в группу молодых гохерримок, исчезнувших без вести за последний год. Общее число – четыре. Марстагалина, Эрметосфера, Аливатара, Зидокуймена. Следы всех оборваны, судьба неизвестна. Розыском занимается Азей Дебаль, подопечная Дамы Смир Марр. Результатов пока нет или они засекречены.

Рикашьянамас задала еще несколько вопросов и покинула кэ-око. Ей стало интересно, куда это стали пропадать гохерримки.

Если бы те погибли, она бы даже не почесалась. Гохерримы часто гибнут. На дуэлях и во время набегов. Это нормально. Само слово «гохеррим» в изначальном смысле значит «воин» – а жизнь воина иногда внезапно прерывается. Даже сейчас, когда Паргорон почти перестал вести крупные кампании и почиет на лаврах... впрочем, не ее это дело, пусть у демо-лордов голова болит.

Те, что отправляются поохотиться за Кромку и исчезают навсегда – тоже не ее забота. Круговерть миров бесконечно велика. Там есть и смертные охотники на демонов, и воители из Светлых миров, и всякие чудища, опасные даже для гохеррима. Покинул Паргорон – заботься о себе сам.

Но если гохеррим бесследно пропадает в Паргороне...

Азей Дебаль, значит. Надо с ней пообщаться. Конечно, в легионе Рикашьянамас целых сто тысяч боевых демонов, но большая их часть – развраги, чрепокожие и другие рядовые бойцы. А гохерримов, белой кости, высшей воинской касты – всего-то тысяча с небольшим.

Нельзя ими просто так разбрасываться.

Подумав, Рикашьянамас сунула в воздушный карман шкатулку с Пазузу и шагнула на Призрачную Тропу. Тело словно обдало прохладным воздухом – демоницу понесло сквозь пространство. Вокруг мелькали туманные фигуры, возникали и исчезали образы.

Вот один стал четче. Рикашьянамас зафиксировалась на нем, подалась в нужном направлении – и через три секунды стояла посреди Мпорополиса, рядом с черной колонной Бюро.

В Паргороне нет четко обозначенных законов. Нет тюрем, телесных наказаний или денежных штрафов. В Паргороне каждый свободен и полностью волен в своих действиях. Просто помни, что даже у мелкого демона есть патрон, а ему не понравится, если обидят его клиента. Здесь никто не сам по себе, каждый кому-то подчинен и кому-то служит.

Патрон самой Рикашьянамас – Гаштардарон. Рыцарь Паргорона – патрон всех вексиллариев. А для пропавшей Марстагалины патроном является уже Рикашьянамас. Это налагает на нее определенные обязанности... ну как обязанности. Она может просто забыть об этом случае, и никто ей слова не скажет.

Но это отразится на отношениях с легионом. Между вексилларием и простыми гохерримами нет бесконечной пропасти. Нельзя просто плевать на их мнение... слишком долго. В обычной дуэли Рикашьянамас уделает любого, но если легион доходит до ручки, то он может избрать из своих рядов замену – и бросить вызов коллективно.

Формально это все равно битва один на один, но остальные поддержат ставленника духом клинков. А в таком бою шансов мало даже у вексиллария.

Но несмотря на почти неограниченную свободу для всех, даже в Паргороне кому-то нужно поддерживать порядок. В самом низу это делают храпоиды – они просто ходят и бьют дубинами всех, кто мешаает другим спать. На самом верху правосудие несет топор Бракиозора – и лучше не связываться с Палачом Паргорона.

А когда дело слишком крупное для храпоидов, но слишком мелкое для Бракиозора – в игру вступает Бюро. Служба Дамы Симира Марр.

Холодные цвета. Строгие линии. Исчезающий в необозримой выси потолок. Ледяные горгульи на стенах. Дремлющие на каждом углу храпоиды. Носящиеся с бумажными трубочками крополеро. Бюро ответственно за весь Паргорон – и оно всегда кипит жизнью.

Ларитры при виде вексиллария чуть заметно склоняли головы. Они не выглядели опасными, ни одна из них. Почти все – в обличье красивых молодых женщин. Реже – старушек, еще реже – девочек-подростков, совсем редко – мужчин.

Дела раньше не приводили Рикашьянамас в Бюро, но она и раньше видела такие стаи ларитр. Их полно в любом административном учреждении. Таможня, налоги, строительство, транспорт, контроль погоды – все в лапах ларитр, этого живого дыма, прячущегося за иллюзорными масками.

Азей Дебаль приняла Рикашьянамас без промедления. Вексилларий – это не демолорд, но это титулованный аристократ. Любой аристократ нетитулованный обязан склонять голову.

– Чем я могу служить, вексилларий? – спросила ларитра.

Рикашьянамас чуть промедлила, оглядывая кабинет. В классическом стиле. Книжные полки с потертыми томиками, пузатый секретер, письменный стол красного дерева. Сама хозяйка – лет двадцати пяти на вид, с пучком светлых волос, в тонких металлических очках.

Иллюзии. Все – иллюзии. Напрягшись, Рикашьянамас могла увидеть и комнату, и ларитру такими, как на самом деле – зияющий провал и обволакивающий все густой черный дым. Дыхание Древнейшего, воплощенная демоническая сила.

Но лучше не проникать под эту иллюзорную оболочку. Ларитры этого не любят.

– Небольшую справку, – попросила Рикашьянамас. – У меня в легионе гохеррим пропал. А ветром наваяло, что и в других легионах пропадали. Уже выяснено, куда?

– Информация конфиденциальная, но вам, конечно, я могу ее предоставить, – кивнула Азей Дебаль, материализуя стопку листов. – Примете напрямую?

Рикашьянамас кивнула, касаясь бумажек. В голове возникли новые сведения, замелькали картинки, записи, чьи-то голоса...

– Вы ничего не узнали, – подытожила гохеррим, «переварив» полученное.

– Есть несколько неподтвержденных слухов, – сказала ларитра. – Почерк соответствует гхьетшедарию.

Рикашьянамас снова кивнула – медленно, осмысливая. Да, бесследные пропажи – это любимая тема гхьетшедариев. В их бездонных брюхах пропадали целые армии и города.

И вряд ли речь о простом гхьетшедарии. Проглотить гохеррима, другого аристократа – очень непросто даже для них. Одного или двух, после долгой борьбы – еще может быть. Некоторые умеют. Говорят, Фурундарок пожирал равных себе задолго до того, как стал демолордом.

Но на то он и Величайший Господин. Для большинства это все же оборачивается битвой – и битвой тяжелой.

Значит, речь о бароне. Или даже демолорде. Кто-то повадился лопать гохерримов... и вряд ли просто так совпало, что они все – женского пола.

– Спасибо, – сказала Рикашьянамас. – Еще что-нибудь есть?

– Совсем неподтвержденный слух, – ровно сказала Азей Дебаль. – Было еще семь бесследных пропаж. Но не гохерримов. И не в Паргороне.

– И это связано с Марстагалиной, потому что...

– Сальван. Семь исчезнувших алайсиаг и Светоносных. Следы сигнатуры гхьетшедария.

Вот тут Рикашьянамас действительно удивилась. Да, это точно не простой владелец мелкого гхьета, которых в Паргороне больше сорока тысяч. Забираться в Сальван и жрать небожителей даже для барона крутовато.

А если это демолорд – ей лучше не рыпаться. Просто пожаловаться Гаштардарону, и пусть он со всем разбирается.

– А Светоносные тоже все женщины? – спросила Рикашьянамас. – С алайсигами-то все понятно.

– Этого мы не знаем.

– А кто знает? У них этим кто-нибудь занимается?

– Кийталана. Вершитель из Светоносных. И она сейчас прямо здесь, в Мпораполисе.

– Какое совпадение, – ухмыльнулась Рикашьянамас. – Вы с ней общались?

– Обменялись кое-какой информацией, – подтвердила Азей Дебаль.

– Не всей?

– Не всей.

– Ее адрес есть?

– Есть способ связаться, – нарисовала в воздухе кружок Азей Дебаль. – Золотое кольцо, пароль: кий-два-четыре. Еще могу чем-нибудь помочь, вексилларий?

– Нет. Спасибо.

Выйдя из Бюро, Рикашьянамас сразу же связалась с Кийталаной. Светоносная говорила предельно сухо, но встретиться согласилась. В «Соелу», через час. Заведение Паргоронского Корчмаря – условно нейтральная территория, там столуются даже небожители. И вообще отличное местечко. Одно из лучших на множество миров вокруг – превосходная кухня, уютная атмосфера, гостеприимный хозяин. Если хочешь приятно провести время – выбирай «Соелу», точно не ошибешься.

– А тебе так уж обязательно вставлять в свои байки рекламу? – спросил Бельзедор. – Я не думаю, что эта гохерримка в самом деле так уж лестно думала о твоём кабаке.

– Не перебивай, я как раз подхожу к самому интересному, – поморщился Янгфанхофен. – И она именно так и думала. Все именно так и думают о моем кабаке. Даже ты, хотя и не признаешься.

У Рикашьянамас оставался целый час. А в кармане снова засуетился Пазузу. Так что по дороге в «Соелу» она заглянула в магазинчик Рослой Госпожи.

– Куда мы идем теперь? – подал голос Пазузу. – Почему ты меня до сих пор не выпустила? Выпусти – и я пойду по своим делам. Тебе вредить не буду. Никому вредить не буду. Клянусь!

– Да мне все равно, – отмахнулась Рикашьянамас.

– Выпусти, – бубнил Пазузу. – Выпусти. Выпусти. Выпусти.

– Прекрати. А то выброшу в канализацию. Прележишь там еще... сколько ты просидел в шкатулке?

– Не знаю. Сколько длится паргоронский год?

– Год.

– Логично-то как! – восхитился Пазузу. – Не знаю, сколько я там просидел. Возможно, целую вечность.

Из шкатулки донеслись всхлипывания. Даже почти не фальшивые.

Зоомагазин Вишьи притулился на окраине Мпорополиса. В конце узкой улочки была неприметная вывеска и крохотная дверь. Над входом висела клетка, похожая на птичью, а в ней человечек размером с палец.

Внутри таких человечков оказалось еще больше. Да и не только человечков. Миниатюрные эльфы, кобрины, орки. Великан ростом в локоть. Дракон величиной с собаку. Несколько низших демонов. Одни сидели тихо, другие плакали или молились, третьи танцевали или кривлялись.

На этих Рикашьянамас смотрела с интересом. Ей даже захотелось купить одного. Из смертных получают забавные игрушки, особенно после обработки Вишьей. Рослая Госпожа похищает их из разных миров, особое предпочтение отдавая выдающимся мужчинам – воинам, волшебникам, иногда даже правителям. Проглатывает их и сразу же выплевывает – но уже в двадцать раз меньшими.

У нее настоящая коллекция лилипутов – а излишки продаются вот здесь. Любой желающий может купить съездившего до размеров пальца смертного или даже демона.

– Рика! – раздался звонкий возглас. – Какими судьбами?! Ты уже вернулась?! Я так рада тебя видеть!

Из-за плетеной занавески почти выскочила хозяйка заведения – баронесса Вишья. Крохотного роста девушка лет восемнадцати, светловолосая и голубоглазая. В мирах смертных ее посчитали бы милашкой.

Но Рикашьянамас видела в ее ауре истинный облик. Великаншу в сто локтей высотой и со змеями вместо волос. Рослая Госпожа – одна из властительных баронесс, хозяйка обширного гхьета в Туманном Днище, и этот магазинчик – просто ее хобби, средство развеять скуку.

Гхьетшедарии как никто горазды на странные развлечения.

– Привет, Вишья, – поприветствовала баронессу Рикашьянамас. – Да, вернулась.

– И это прекрасно! – почти что прозвенела от счастья Вишья. – Потому что только сегодня у меня для тебя есть предложение, которое ты не сможешь пропустить! Вот этот матерящийся колдун – то, чего тебе всегда не хватало в жизни!

Рикашьянамас с сомнением посмотрела на лилипута в клетке. Тот действительно матерился – пискляво и очень смешно. Топал ножонками, махал ручонками. Пытался колдовать. Что-то у него даже получалось – с пальчиков срывались искорки, на прутьях расплывались будто мыльные пузыри.

– Если будешь братъ, отдам за триста условок, – сказала Вишья.

– А если не буду?

– Ладно, двести пятьдесят.

Рикашьянамас подумала и отказалась. Слишком ломит цены Рослая Госпожа. Живая и активная душа чародея, конечно, стоит дороже условной единицы астральной взвеси, что булькает на демонических счетах, но уж не в двести пятьдесят раз. Да и рапира Рикашьянамас сейчас сыта, подкармливать пока не нужно.

А держать смертных в качестве игрушек она все-таки не любила. Несколько раз заводила, но они слишком быстро дохли.

– Извини, я сегодня продаю, а не покупаю, – поставила на столик шкатулку Рикашьянамас. – Ты, кажется, такое любишь.

Вишья осторожно коснулась ковчежца и отдернула палец, будто обожглась. Недовольно фыркнула, осмотрела вместилище со всех сторон и взяла в руки, но теперь уже осторожней. Как следует встряхнула – и ойкнула, услышав брань Пазузу.

– Кто там у тебя, Рика? – спросила баронесса. – Кто-то из наших? Это ты его туда?..

– Нет, случайно нашла на одном острове. Он голосил так, что я издали услышала. И он не наш, а из Лэнга... слышала о таком мире?

– Не слышала. Но он аристократ?

– Подымай выше. Оно претендует на демолорда.

– Я архидемон! – донеслось из шкатулки.

– Что рассечь, что разрубить, – отмахнулась Рикашьянамас. – Ну что, возьмешь?

– Не знаю, не совсем мой профиль... – задумалась Вишья. – Думаешь, я сумею его проглотить?.. хм, а если прямо вместе со шкатулкой?..

Пазузу отчаянно заверещал. Ковчежец чуть заметно дернулся – демон внутри бился, как муха о стекло.

– Тихо там, – встряхнула его Рикашьянамас. – Ну что, берешь?

– Двести условок, – предложила Вишья.

– Даже не смешно, – фыркнула Рикашьянамас. – Ты за своих карликов больше дерешь.

А тут демон. Взрослый. Титулованный. Почти что демолорд.

– Хорошо, триста... но не больше. Его ведь даже не выпустишь.

Рикашьянамас закатила глаза. Триста условных душеединиц. О, для какого-нибудь мелкого демона это громадная сумма, но для титулованного аристократа – гроши. На ее счету в Банке Душ пузырится одна десятая процента – одна тысячная часть всего капитала Паргорона. Это больше десяти миллионов условок!

Что для нее значат жалкие несколько сотен?

– Давай настоящую цену, – потребовала Рикашьянамас. – Ты поразмысли. Если сумеешь с ним договориться и получить хороший выкуп... эй, ты, сколько у тебя условок на счету?

– У нас нет счетов, – глухо ответил Пазузу. – У нас такульту.

– Но условия есть? Сколько у тебя их?

Молчание.

– Говори, а то закину в Центральный Огонь!

– Двадцать пять миллионов, – неохотно проскрипел Пазузу. – Примерно.

Рикашьянамас и Вишья переглянулись. Двадцать пять миллионов условных душ. Больше, чем у них обеих вместе взятых. До демолорда далеко, конечно, не настолько крупная рыба этот запечатанный, но все равно куш фантастический.

– А знаешь, что-то я раздумала его продавать, – вернула шкатулку в карман Рикашьянамас.

– Дам десять тысяч, – одновременно с ней выпалила Вишья.

– Не-не-не, – ухмыльнулась Рикашьянамас. – У тебя был шанс, пока я еще не осознала, насколько он ценный. А теперь даже за всех твоих карликов не отдам.

Лицо Вишьи исказилось от гнева. Она невольно распахнула рот, словно собиралась зевать – и Рикашьянамас чуть выдвинула рапиру. Пасть гхьетшедария – самое страшное его оружие.

– Давай не портить нашу дружбу полосованием твоего лица, – попросила Рикашьянамас. – Я же тебе моську проткну.

Вишья закрыла рот и сделала такой вид, будто сейчас заплачет. И смотрелось это с ее кукольным личиком довольно убедительно, но обмануть могло только того, кто ее не знает.

Рикашьянамас знала, так что не купилась. Проверив шкатулку, она сделала Вишье ручкой, помахала матерящемуся колдуну в клетке и вышла из магазина в куда лучшем настроении, чем входила.

Разумеется, она и до этого разговора понимала, что Пазузу богат. Но она хотела показать ему альтернативу. Показать, что с ним будет, если откажется платить выкуп.

К тому же точная сумма оказалась выше ее ожиданий... намного выше.

Она решила быстренько разобраться с пропавшими гохерримками и начать с Пазузу плотные переговоры. Теперь тот полностью от нее зависит и если хочет выбраться из своего узилища – раскошелится, как миленький. Даже если стрясти с него удастся всего процентов пять – это уже резко увеличит ее счет.

В «Соелу» Рикашьянамас пришла чуть раньше назначенного. Она сразу поднялась в малый зал и дружески поздоровалась с Янгфанхофеном – этим очаровательным демолордом-гохерримом, к которому всегда неровно дышала...

– *Серьезно?.. – приподнял бровь Бельзедор.*

– *Конечно, – невозмутимо ответил Янгфанхофен. – Я несколько раз замечал, как она на меня смотрит.*

– *Ладно, допустим. А почему ты говоришь о себе в третьем лице?*

– *Так аутентичнее. Я должен быть отстраненным рассказчиком, а не одним из действующих лиц.*

Кийталана появилась через пару минут. Рослая девица с грозным лицом и в доспехах из чистого света, в демоническом трактире она смотрелась чужеродно. Ослепительный диск над ее головой заставил Рикашьянамас поморщиться – эти штуки рассеивают Тьму, демонам на них больно даже смотреть.

– Ты хотела меня видеть, – сказала небожительница, садясь за стол. – Хозяин, пива!

Янгфанхофен поднес огромную кружку едва ли не раньше, чем она договорила. Светоносная отхлебнула и повела рукой, возжигая над столом семь костерков.

В каждом светилось женское лицо. Пять – в крылатых шлемах, два – с такими же дисками, как у Кийталаны. Пропавшие алайсиаги и Светоносные.

– А вот наши, – присоединилась Рикашьянамас, создавая копию одной из бумаг, полученных в Бюро. – Итого одиннадцать?..

– Вената и Солара разгневаны, – сказала Кийталана. – Это все были воительницы из лучших. Мне поручено сыскать их любой ценой – или принести весть о их гибели. Если она была причинена злоумышлением – свершить правосудие.

– А зацепки у тебя есть, вершительница? – тоже отхлебнула пива Рикашьянамас. – Лари-тры копают, но у них свой потолок, сама понимаешь.

– Это был барон гхьетшедариев, – сказала Кийталана. – Алайсиаг я лично не встречала, и эту Светоносную тоже знала лишь по имени, но эта – Сюнь Я, и с ней мы были накоротке. Я встряхнула ее очаг и прочла тени – в зрачках был барон.

Рикашьянамас важно кивала, словно понимала, о чем идет речь. Она плоховато разобралась в нюансах быта Светоносных, да и вообще Сальвана.

Главное – Кийталана уверена, что это был барон, а не демолорд. С бароном Рикашьянамас потягается на равных.

Но баронов в Паргороне сорок семь. Не два, не три – сорок семь.

Не так-то просто выбрать нужного.

– А это был именно барон? – уточнила Рикашьянамас. – Не баронесса?

– Мужчина, – коротко бросила Кийталана. – Пожилой. Я не увидела лица, но очертания были мужчины в возрасте. Возможно, старика.

Рикашьянамас задумалась. Это сужает выбор. Сразу выкидываем всех баронесс и молодых баронов. А таких большинство – гхьетшедарии обычно останавливают взросление в достаточно юном возрасте.

Но есть и бароны-старики. Те, что слишком промедлили или просто почему-то захотели всю вечность быть именно такими. Среди гхьетшедариев попадают самые разные извращения.

Кого же там можно назвать пожилыми или старыми... Динт, Зимм, Вудамман, Карзани, Шрандаритарий... возможно, еще Паштохаготх, он выглядит довольно старообразно.

Итого шестеро. А только что было сорок семь. Список подозреваемых быстро сокращается.

Оказалось, что Кийталана рассуждала точно так же и тоже успела составить аналогичный список. Но в том, кто есть кто на вершине Паргорона, она разбиралась хуже Рикашьянамас и вычеркнуть пока никого не вычеркнула.

А вот Рикашьянамас принялась вычеркивать сразу же.

Динт?.. Долой. Паргоронский Математик равнодушен к обычным порокам и похищает исключительно мыслителей, предпочитая любителей точных наук.

Карзани?.. Тоже сомнительно. Ваятель кайфует от изнурительного труда, в его гхьете постоянно что-то строят, пашут, конструируют. Рабы ему нужны всегда, но гохерримки и небожительницы – странные кандидаты для черной работы.

Паштохаготх?.. Нет, вряд ли. Прокаженный Поэт омерзителен даже по меркам гхьетшедариев, но его фетиши не включают женщин и вообще живых существ.

Так что остаются трое. Зимм, Вудамман и Шрандаритарий.

Любой из этих может. Запросто.

– Я навещала барона Зимма, – сказала Светоносная. – Он меня едва не убил. Но это не он, кажется.

Рикашьянамас посмотрела на Кийталану с невольным уважением. Добровольно заявиться в берлогу к Страшному Господину? А она не робкого десятка.

Но если это не Зимм, то остаются всего двое. И оба – на редкость гнусные типы.

Хотя для баронов это нормально. Вексиллариями становятся самые храбрые, банкирами – самые хитрые, а баронами – самые гнусные.

Это же гхьетшедарии. Капли спермы, смегмы и мочи, что исторг когда-то Оргротор, ужасный Фаллос Древнейшего. Гаже них нет никого.

– А ты вообще часто бываешь в Паргороне? – спросила Рикашьянамас. – Не видела тебя раньше.

– Да не вылезая практически, – угрюмо сказала Кийталана, откусывая кусок хлебца. – Я же к вам прикомандирована.

– И давно? – полюбопытствовала Рикашьянамас. – Я помню, у нас тут раньше из ваших мужик был. Здоровенный такой качок с короткой стрижкой.

– Вершитель Рийх, – кивнула Кийталана. – Он работал у вас до прошлого года. Но его столетняя смена закончилась, и меня назначили на замену. Теперь вот осваиваюсь.

– Ну по крайней мере не какой-нибудь варварский мир, – утешила ее Рикашьянамас. – У нас тут цивилизация, гражданские свободы...

Кийталана едва не подавилась.

– Виды красивые, – невинно добавила Рикашьянамас, глядя в окно, на залитую дождем улицу.

– Угу, – мрачно кивнула Светоносная.

– Какие дальнейшие планы?

– Наведаюсь к одному из оставшихся, – пожалала плечами Кийталана.

– Слушай, ты мне нравишься, поэтому я дам бесплатный совет, – поводила пальцем по столу Рикашьянамас. – Не лезь больше никуда. От Зимма ты ушла живой, но такое везение дважды не повторяется. Если какой-то барон повадился жрать гохерримов и твоих товарок-небожительниц – он и тебя сожрет. Или ты особенная? Ты сильнее этой... Свинь Я?..

– Сюнь Я, – холодно поправила Кийталана. – Нет, не сильнее. У нас нет вашей пирамиды каст, мы не пытаемся лезть вверх по головам.

– Тогда если он съел ее – он съест и тебя. Так что посиди в сторонке и дай гохерриму все сделать.

– Я пойду с тобой, – потребовала Кийталана.

– А зачем ты мне нужна? От тебя же благодатью за кульмину разит. Барон почует, едва переступим границу гхьета. Нет, ты уж сиди в «Соелу», пей коктейли Янгфанхофена. Особенное внимание удели «Алому рассвету» – это новый коктейль, недавно изобретенный, но он уже снискал огромную популярность у всех посетителей...

– Да прекрати ты вворачивать рекламу невпопад! – возмутился Бельзедор. – Я и так уже твой клиент!

– Извини, извини. Привычка. Больше не буду. Попробуешь «Алый рассвет»?

– Наливай уж, уговорил.

Уговорить Кийталану оказалось не настолько легко. Подданные Солары – народ упрямый. И Рикашьянамас, разумеется, не было дела до того, сожрет ли ее гхьетшедарий или не сожрет. Но притащить на хвосте Светоносную – сразу испортить начало разговора.

Баронов два. Виновен один. Или вообще никто из них. А Рикашьянамас в этом мире еще жить. Если о ней будут говорить, что она якшается с Сальваном, то это сильно подмочит ей репутацию. Могут и призвать, и спросить, не враг ли она Паргорона, не побеседовать ли ей с Лиу Тайн, а то и сразу с Бракиозором.

И потом, нечего этим сальванским резидентам таскаться по Паргорону и лезть не в свои дела. Если это демон – демоны с ним и разберутся. Самозванные судьи с нимбами тут никому не

нужны. Им только дай потачку – и не заметишь, как превратишься в их персональный воздвиг. Они любят делать грязную работу чужими руками.

Так что на Призрачную Тропу демоница ступила снова в одиночестве. И, несясь сквозь пространство, стала думать, кого навестить первым. Вудаммана или Шрандаритария?..

Она недолго думала. Просто начала с того, кто ближе. Гхьет Шрандаритария на другом конце мира – почти у самого Ледового Пояса. А гхьет Вудаммана – в Пекельной Чаше, неподалеку от Кубла. Перейти с внешней стороны Паргорона на внутреннюю – и ты на месте.

После Туманного Днища Пекельная Чаша ударила удушающим жаром. Промокшие от дождя волосы сразу высохли, над головой закружился пар. Рикашьянамас огляделась, прикинула направление – и понеслась к баронскому поместью.

На перекопанной земле трудились харгаллы. Металлические демоны что-то строили для своего господина. Очередной подвал для мерзких утех, наверное.

Король Любовников встречал Рикашьянамас на пороге. Вопреки своему прозвищу, выглядел он непривлекательно. Морщинистый старик лет семидесяти, с раздутым животом и покрытый седой шерстью. На всем его теле волос была лишена только голова.

Разумеется, он был совершенно гол. Гхьетшедарии не носят одежду. Даже самые уродливые из них так гордятся своими телами, что наотрез отказываются хоть чем-то их прикрывать.

– Рика, Рика, Рика, любимая моя девочка!.. – воскликнул Вудамман, распахивая объятия. – Сколько же лет ты не навещала старика, сколько времени мы не виделись?

– Мы никогда не виделись, барон Вудамман, – любезно улыбнулась Рикашьянамас. – Разве что мельком где-нибудь, на параде или на представлении Хальтрекарока.

– Ох уж мне эти гохерримы с их обескураживающей прямоотой! – надул губки Вудамман. – Неважно, проходи же в дом, проходи скорее, я напою тебя чаем и накормлю изумительными антарноховыми завиванцами!

Баронская усадьба стонала, захлебывалась от роскоши. Каждый пяточок, каждый кусочек стены или пола был чем-нибудь украшены. Элементы убранства часто не сочетались, выдавая редкое дурновкусие их хозяина, но Рикашьянамас пришла не критиковать.

Вудамман усадил ее на парчовый стул с золотой вышивкой и бараньими головами на подлокотниках. Рядом тут же возникли услужливые Безликие – они сразу подали столько блюд, словно барон заранее знал о гостье, причем сильно переоценивал ее аппетит.

Есть Рикашьянамас не хотелось совершенно. Да и не стоило – возможно, что именно этот хлебосольный гхьетшедарий сожрал тех, кого она ищет.

Так что только она сделала вид, что пьет чай, а сама исподволь рассматривала хозяина дома, его окружение, а главное – эфирные потоки.

Воздух клокотал миазмами скверны. Сладковато-душными, с едким запахом порока. Именно из-за них Рикашьянамас так не любила бывать у гхьетшедариев. Все демоны – создания Тьмы, но для одних это просто часть физиологии, а другие заключают с Тьмой брак и отдаются ей страстно, без остатка.

Хотя, возможно, она предвзята. Гохерримы и гхьетшедарии традиционно друг друга недолюбливают, это тянется еще с древних войн.

– Итак, душечка, что же привело вексиллария Восемнадцатого легиона в мое скромное жилище? – спросил Вудамман со слащавой улыбкой.

У него не хватало пары зубов, а оставшиеся были нездорового оттенка.

Рикашьянамас секунду промедлила, качая в руке чашку. Ей вспомнились уроки чайной церемонии в Школе Молодых. Ей обучала Цегатадера... больше трех веков минуло, а Рикашьянамас помнит ее, как сейчас.

Интересно, все ли еще она преподает?

Цегатадера учила не пить чай, и не наливать его. Она учила искусству поддержать беседу. Сказать только то, что хочешь сказать, и выпытать то, что хочешь услышать. И будь она сейчас рядом, то уж верно запретила бы Рикашьянамас задавать прямые вопросы.

Потому что, предположим, она спросит Вудаммана открыто: он ли похищал небесных и демонских воительниц? И Вудамман ответит «нет». Дальше что? Это может оказаться правдой, а может и ложью – Рикашьянамас узнать не сможет.

А если он ответит «да»... то опять-таки – дальше что? Натравить на него Сальван? Побегать с жалобой к Клубящемуся Сумраку или Темному Господину? Просто пырнуть рапирой?.. хотя этот вариант неплох.

На самом деле очень даже. Паргорон в этом плане устроен разумно. Если тебя убили – ты виноват сам. Зачем был слабаком и позволил себя убить?

Просто Рикашьянамас не нравилось, что какой-то гхьетшедарий решил: гохерримы – его личные игрушки. Это слишком уж нагло.

– Конечно, я понимаю, – сладенько сказал Вудамман, не дождавшись ответа. – Я все понимаю, душечка-пусечка. Ты навестила старика, потому что я похитил гохерримку из твоего легиона.

Рикашьянамас невольно моргнула. Все так просто?.. Он сам сходу все вываливает?

Рука легла на рукоять рапиры...

– Только ты зря пришла одна, – счастливо закончил Вудамман.

И бараньи головы в подлокотниках ожили. Раскрыли пасти, выдохнули серебристые облака – и Рикашьянамас потеряла сознание.

Она не знала точно, когда очнулась. Возможно, через минуту. Возможно, через несколько дней. В любом случае она была уже не в обеденном зале, а в одном из игровых подвалов Вудаммана. Бывать ей раньше тут не приходилось, но она много слышала об этих развлечениях Короля Любовников.

На стенах висели инструменты. Вокруг стояли пыточные приспособления. В дальнем конце виднелась ванна – набитая частями тел.

Клетка. Рикашьянамас сидела в клетке. Довольно тесной. Именная рапира исчезла.

Она схватилась за прутья, рванула – те не поддались. Попыталась пройти сквозь материю – тело не послушалось. Тряхнула пальцами – невидимых лезвий с них не сорвалось. Призрачная Тропа не отзывалась, уйти за Кромку не получалось.

Ей словно перекрыли демоническую силу.

– Ой, деточка, ты очнулась? – раздался ласковый голос. – Прекрасно. Превосходно. Сразу задам вопрос, который я задаю всем знакомым женщинам: тебя изнасиловать или убить?

– Убить, – сказала Рикашьянамас, пытаясь понять, что с ней сделали. – Если сумеешь.

– Конечно, от твоего ответа ничего не изменится, – сказал Вудамман, выходя на свет. – Я в любом случае сначала изнасилую, а потом убью.

– Тогда в чем выбор?

– Чтобы понять, с кем я имею дело. И твой ответ меня порадовал. Не люблю шлюх.

Рикашьянамас снова дернула прутья. Те не поддались.

– Не-не, не выйдет, – успокоил ее Вудамман. – Очень прочная сталь.

– Обычная сталь?..

– Да, даже не зачарованная, – подтвердил Вудамман. – Просто ты сейчас слабенькая совсем. Здорово, правда? Не сможешь сопротивляться даже чахламу старичку вроде меня.

– Как?..

– Ларитрин.

Рикашьянамас шумно втянула воздух. Ларитрин, конечно. Один из немногих ядов, опасных для высших демонов. Выделяется из живой ларитры, и если его проглотить или вдохнуть – лишает демонической силы на неограниченный срок.

Его очень сложно получить. Нужно долго истязать ларитру и в конце концов убить. Только тогда получается буквально щепоть, пузырек ларитрина.

Само собой, ларитрам не нравится, когда с ними так поступают, так что это очень дорогая и редкая эссенция. За одно ее хранение можно встретиться с Бракиозором.

А вот противоядие очень простое и доступное. Гохерриму, например, достаточно извлечь из ножен именной клинок. Одно движение, один взмах – и ты снова в полной мощи.

Но если сразу же за ларитрином применить снотворное...

Позор, конечно, что она попала в такую ловушку... но откуда она могла знать? Почти у всех демолордов и многих титулованных аристократов есть флакончик-другой ларитрина на крайний случай... но нужно быть совсем ненормальным, чтобы применять его для пустых развлечений.

Дальнейшие события стали худшими в жизни Рикашьянамас. Даже без демонической силы гохерримы крепче большинства смертных – но барону она, конечно, сопротивляться не могла. Вудамман творил с ней все, что пожелает – а желал он крайне странных и неприятных вещей.

В самые болезненные моменты сознание милосердно отключалось. Рикашьянамас уходила внутрь себя, а возвращаясь – обнаруживала, что прикована к очередному нелепому приспособлению, а пузатый старикашка порет ее огромной селедкой.

– Я предпочитаю закреплять ее следующим образом... – дружелюбно объяснял он, хлеща с оттяжкой.

Разглядывая свои отрубленные пальцы, Рикашьянамас размышляла, как до такого дошло. Король Любовников всегда был мерзким созданием, но членовредительством раньше не увлекался. Величайший знаток извращений, Вудамман часто похищал смертных девушек для своих утех – но потом милостиво возвращал их домой. Иногда даже с подарками, если те умудрялись хорошо его развлечь.

Потом он перестал их возвращать. Но это тоже нормально. Большинство гхьетшедариев банально пожирает свою добычу.

А теперь, видимо, ему уже и этого недостаточно. Он ведь один из самых старых баронов. Наверное, окончательно пресытился всеми обычными развлечениями. Да и смертные игрушки его уже не увлекают – они слишком быстро ломаются.

Вероятно, какое-то время он утешал себя низшими демоницами, но потом и их ему стало недостаточно. Мало риска, мало куража.

Вот высшие демоницы и небожительницы – дело совсем другое! Похоть вперемешку со смертельной опасностью... только потенциальной, конечно.

Гхьетшедарии в массе своей трусливы. Как вот этот.

– Как себя чувствуешь, лапулечка-красотулечка? – осведомился Вудамман, примериваясь ко второй ступне Рикашьянамас.

– А как должен себя чувствовать демон, которому отпилили ногу? – холодно спросила та.

Она чувствовала боль, но игнорировала ее. В Школе Молодых учат быть хозяином своего тела. Контролировать его полностью в любых обстоятельствах.

Даже когда от него медленно отрезают куски.

Вудамман разочарованно вздохнул. Равнодушие пленницы искренне его огорчало. Наверное, предыдущие гохерримки все-таки как-то реагировали – но вексилларий оказался орешком покрепче.

– Нет, так не годится, – сказал он. – Дай-ка я освобожу тебе одну ручку. Вот так нам всем будет удобнее...

Сам гхьетшедарий рук почти не использовал. Все происходило одной его волей. Инструменты сами двигались, сами летали по подвалу. Кисть Рикашьянамас резко отвернуло в сторону, над ней повисло тончайшее огненное лезвие...

Как милосердно. Рану сразу же прижжет.

– И как давно вы стали увлекаться ампутациями, барон? – спросила Рикашьянамас, пытаясь отдернуться.

– Да совсем недавно, всего женщин тридцать назад, – ухмыльнулся Вудамман. – Но это увлекательно. Добавляет остринку. К тому же так вас легче потом пожирать... я еще никогда не пожирал вексиллария. Думаю, нам обоим это будет интересно.

Лезвие обрушилось. Но Рикашьянамас каким-то чудом удалось двинуть локтем – и вместо всей кисти отсечены оказались только кончики пальцев. Указательного, среднего и безымянного.

– О, ты борешься! – восхитился Вудамман. – Прекрасно, продолжай! Я тогда даже еще чуть-чуть ослаблю!

И в самом деле, его нажим слегка ослаб. Рикашьянамас снова могла двигать рукой, хотя и только одной. Вудамман обрушил лезвие повторно – но теперь демоница легко увернулась. И во второй раз. И в третий.

– Превосходно! – счастливо хохотал барон. – Превосходно! Продолжай, душечка моя, порадууй старика своими увертками!

Пауза. Огненное лезвие застыло, пока Вудамман постанывал от восторга. И Рикашьянамас сунула руку в воздушный карман. Для этого демоническая сила не требовалась.

Туда гхьетшедарий залезть не смог. Рапиру забрал, но в ее личный пузырек подпространства не проник. Все равно там редко хранится что-то важное.

Но в этот раз рука сразу нашарила обжигающую шкатулку. Рикашьянамас достала ее – и оттуда послышалось:

– Ну наконец-то додумалась! Не теряй времени, выпусти меня!

Демонице до последнего не хотелось это делать. Пазузу запросто может оказаться еще более неприятным типом.

Но прямо сейчас... как может стать хуже?

Она даже не успевала о чем-то с ним договориться. Не успевала потребовать каких-то клятв, гарантий. Вудамман уже заметил шкатулку, уже протянул руку, чтоб перехватить...

И Рикашьянамас открыла крышку. Искалеченными пальцами – распахнула шкатулку.

И оттуда вырвался вихрь.

– Я Есмь Древний!!! – раздался громогласный рев.

Вудамман истошно завизжал и отшатнулся. Нелепый пузатый старикашка покатился кубарем, попытался схватить этого нового демона, втянуть его в пасть... но не сумел. Возвысившийся над ним Пазузу метнулся молнией – и оторвал Вудамману обе руки. Словно обычному смертному, а не всеильному гхьетшедарию.

Лицо барона исказилось от боли... и не только. Оно почернело, покрылось шерстью, глаз стало целых восемь, а нос и рот превратились в огромные жвалы. Из кровоточащих плеч вылезли мохнатые лапы с когтями-саблями.

Теперь четверть подвала занимал Вудамман в своем истинном облике – гигантского паука.

Пазузу это не смутило. Кажется, он даже обрадовался, что у противника прибавилось лап. Огромный демон снова ринулся в драку – и замелькал клубок из конечностей.

Рикашьянамас, по-прежнему висящая в нелепом приспособлении, запрыгала в нем по полу. Это было непросто – без обеих ступней, скованной по рукам и ногам. Да и весила эта штука порядочно.

Но она продвигалась изо всех сил. По шажочку. По чуть-чуть. К вожденной стене с висящей на ней рапирой. Вудамман специально повесил ее здесь, чтобы она видела. Чтобы сохранялась призрачная надежда.

Его это будоражило.

Позади сражались два огромных уroda. В истинном облике гхьетшедарии усиливаются в разы, и теперь Пазузу стало не так легко. Вудамман залил его мерзким паучьим клеем, рвал страшными лапами, окутывал давящими мороками.

Но Пазузу все равно одолевал. Вдвое выше гохеррима, с огромными крыльями и клювастой мордой, этот демон из другого мира бился с бароном – и побеждал!..

Кажется, у себя дома он действительно был крупной шишкой.

Но что он сделает с ней, когда победит? Лучше не проверять. Рикашьянамас сумела-таки достичь нужной стены и теперь пыталась хотя бы зубами уцепиться за рапиру.

Та висела слишком высоко. Скованная в неестественной позе, демоница беззвучно кричала от отчаяния. Она звала свой клинок, требовала вернуться – но тот не слышал обессиленную хозяйку.

А Пазузу увлеченно отрывал Вудамману лапу за лапой. Тот болезненно скрипел жвалами и сулил всякое, чтобы его не убивали. Явно пытался телепортироваться, уйти прочь – но Пазузу держал его не только руками.

– Когда ты сдохнешь, я тебя сожру, – злорадно сказал он. – Просто хочу, чтобы ты знал.

– Жаль, не узнаю, какой я на вкус... – простонал Вудамман.

– Как дерьмо, – сказал Пазузу, откусив кусок от одной из лап барона. – Но я очень голоден, так что сойдешь.

И он разорвал паучью тушу надвое.

Половинки Вудаммана будто заскворчали. Во все стороны хлынули тяжелые миазмы – то поглощенные гхьетшедарием души уносились на свободу. Их тела же сейчас разрушались с внутренним анклавом. Стирались в пыль смыкающейся пространственной складкой.

Пазузу хмыкнул при виде этой астральной фантазмагии, но не более того. Он действительно очень хотел есть. Ужасно. Нестерпимо. Он не успокоился, пока не оставил от гхьетшедарии только хитиновый панцирь.

После этого он съел селедку, которой пороли Рикашьянамас. Облизнул пальцы и сказал:

– Как селедка. Ожидаемо.

А когда он повернулся – на него смотрел кончик рапиры. Рикашьянамас таки сумела ее коснуться – и эффект ларитрина спал.

Ее раны на глазах заживали. Демоница уже крепко стояла на ногах – и пристально глядела на измазанного в крови Пазузу.

– Надеюсь, ты не против... – произнес тот, осторожно подбирая ее ступни. – Раз уж ты уже отрастила новые... тебе ведь не нужны эти... кусочки?..

И он их тоже сожрал. Рикашьянамас скривилась.

– Не с целью обидеть, – заверил Пазузу. – Я просто очень голоден.

И уставился на Рикашьянамас действительно очень голодным взглядом.

– Не пялся, – потребовала она, не опуская рапиры.

– От тебя так вкусно пахнет селедкой... и жареным мясом...

– Так. Без глупостей, или я вспорю тебе брюхо.

Пазузу щелкнул клювом, несколько иронично глядя на рапиру Рикашьянамас. Та напряженно размышляла, сумеет ли одолеть этого типа.

С Вудамманом он справился на удивление легко...

– Твое счастье, что тут есть еще селедка, – фыркнул Пазузу, поднимая огромную бочку и с легкостью вырывая днище.

Его осыпало целым дождем соленой рыбы. Не очень свежей. Но Пазузу это не смутило – он принялся жрать с поразительной жадностью.

– Древнейший, ну и вонь... – поморщилась Рикашьянамас. – И от селедок тоже.

– Ну извини, в ковчежце баня не предусмотрена, – ответил Пазузу.

– Грязь там тоже не предусмотрена. Значит, ты таким уже был.

– Что поделаться, застали не в лучшем состоянии, – сожрал еще горсть селедок Пазузу. Его клюв раздвинулся так, что стал больше всей головы.

– Ты похож на козодоя, – заметила Рикашьянамас.

Пазузу быстро закончил. И, вроде бы, наконец-то наелся. Усевшись посреди изгвазданного пола, архидемон Лэнга дружелюбно посмотрел на вексиллария Паргорона, потер руки и сказал:

– А теперь давай обсудим, чем ты можешь отплатить за мои услуги... и за то, что я никому не расскажу о твоём позоре.

– Хорошо, – чуть опустила рапиру Рикашьянамас. – Чего ты хочешь?

– Пустяка. Сведи меня с кем-нибудь из самых главных. У меня, как ты уже знаешь, больше нет дома... зато кое-что есть в кубышке. И я согласен немного поделиться...

Интерлюдия

– Бедная Рикашьянамас, – сказал Бельзедор, отхлебнув еще вина. – И что же, свела она своего спасителя с кем-то из демолордов?

– Да, конечно, – ответил Янгфанхофен, протирая бокал. – В Банке Душ очень заинтересовались таким крупным кусочком. Пазузу открыли там вклад, а Каген лично дал ему свое покровительство и помог получить гхьет Вудаммана. В обмен на свой процент, конечно.

– Гхьет? – удивился Бельзедор. – А разве ими могут владеть не только гхьетшедарии?

– Обычно только они, конечно. И гхьетшедарии были очень недовольны... особенно дети Вудаммана. Но узнав всю историю, за Пазузу заступился еще и Гаштардарон. Да и другие демолорды его кандидатуру одобрили... когда он поделился с ними душами.

– Все покупается, все продается, – философски сказал Бельзедор.

– На том свет стоит, – пожал плечами Янгфанхофен. – Благодарностей, конечно, пришлось раздать столько, что на архидемона Пазузу больше не тянет. На демолорда-то он и раньше не тянул – у него было примерно две десятых процента по курсу Банка Душ. Это всего лишь двойная баронская доля. И две трети ее ушло на то, чтобы убогатить всех демолордов. Правда, вместо этого он получил счет покойного Вудаммана... половину. Вторую половину разделили дети Вудаммана и опять же демолорды. Так что теперь Пазузу – полноценный барон, причем из сильнейших. Он пополнил ряды титулованной аристократии и верно служит своему патрону.

– И как ему живется в новой роли?

– Неплохо, – ответил сидящий в конце стойки демон. Все это время читавший какую-то книгу, он теперь повернулся – и на Бельзедора уставилась пара совиных глаз. – Только я обещал Рике, что никому не расскажу – а Корчмарь все равно откуда-то узнал.

– Гаштардарону вы же рассказали, – пожал плечами Янгфанхофен. – А он ко мне тоже частенько заходит. Как дела в новом гхьете?

– Строю башню, – пожал плечами Пазузу. – Выписал из Лэнга кое-кого из старых слуг и тетушку Нукхзе. Познакомился со своим бухгалтером. Обживаюсь.

Его бухгалтер как раз запрыгнул на табурет. Запрыгнула – это была молоденькая бушучка. Рядом с Пазузу совсем крошечная, она дернула его за палец и взволнованно пискнула:

– Хозяин, вам нужно завизировать отчетные листы! Пойдемте, вы и так слишком затянули! Если не подать сегодня, пойдут пени!

– Хорошо, хорошо, – проворчал Пазузу, грузно покидая табурет. – Держи, Корчмарь, это на чай.

Бельзедор проводил его взглядом и с удивлением посмотрел на горсть зубов, что кинул на стойку новоявленный барон. Янгфанхофен стряхнул их в мусорное ведро и развел руками.

– Каждый раз зачем-то оставляет, – пояснил он. – Видно, такой уж обычай у него на родине.

– И книжку забыл, – поднял томик Бельзедор. – А на вид и не скажешь, что увлекается литературой. Что это... «Психологическая помощь бывшим запечатанным: как справиться с пережитым стрессом и вернуться к полноценной жизни»... Поди, настоящий бестселлер у демонов?

– Дай-ка, – забрал книгу Янгфанхофен. – Верну ему потом.

За окнами продолжала бушевать буря и постепенно смеркалось. В Паргороне нет в прямом смысле дней и ночей: внутреннюю часть вечно освещает Центральный Огонь, а внешнюю – Нижний Свет. Но они светят не совсем равномерно, поэтому тут тоже есть часы более

темные и более светлые. Есть и условные сутки, носящие названия в соответствии с оттенком Нижнего Света.

Нижний Свет сейчас как раз бледнел. Витражные окна пропускали все меньше лучей, зато камин на их фоне пылал все ярче. Янгфанхофен лично поворочил поленья, подал демонам за одним из столиков еще вина и вернулся за стойку.

– Желтодень кончается, – сказал он. – Ты вообще надолго к нам? Я на этой неделе почетный гость на шоу Хальтрекарока. Не хочешь составить компанию?

– Думаю, нет, – чуть промедлив, сказал Бельзедор. – Это же еще четыре дня ждать. Посижу до утра, а там видно будет.

– Что, дома проблемы какие-то? Или хандра? Жены запилили? – подлил еще пива Янгфанхофен. – Ладно, раз никуда не торопишься, послушай еще одну байку... о, добро пожаловать!..

В малый зал вошел человек. Смертный. Лет тридцати пяти на вид, темноволосый, запахнутый в мокрый дорожный плащ. На поясе висел длинный меч, на пальце посверкивал перстень с камнем, а следом вышагивал крупный пес.

– Мир вам, мэтр Дегатти, – улыбнулся ему Янгфанхофен. – Давненько не виделись. Что вас сюда привело?

– Кое-какие дела, – сказал волшебник, усаживаясь за барную стойку. – Но у меня еще есть время, чтобы пропустить стаканчик... или два. Тифон, место.

Янгфанхофен уже налил ему виски на три пальца, а псу поставил миску с хорошим куском вырезки. Дегатти резко опрокинул стопку, заел оливкой и недружелюбно покосился на Темного Властелина.

– Лорд Бельзедор... не ожидал вас здесь встретить... – пробормотал он.

– Я сегодня не на работе, не беспокойся, – поднял бокал Бельзедор. – Давно не виделись, мэтр Дегатти.

– И еще бы дольше не видеться.

– Вижу, вы до сих пор носите этот плащ.

– Да, привязался к нему как-то.

– Чувствую какое-то напряжение между вами, – с интересом произнес Янгфанхофен. – Уверен, за этим стоит какая-то история.

– Уверен, что ты ее знаешь, – улыбнулся Бельзедор.

– Что-то слышал, конечно, но не в подробностях... но мэтр Дегатти, что вас все-таки привело в Паргорон? Вы же, кажется, не совсем желанная у нас персона с некоторых пор?

– Что, и у вас тоже? – заинтересовался Бельзедор. – А почему?

– Исключительно по своей собственной вине, – налил Бельзедору пива Янгфанхофен. – Хочешь услышать историю о том, как мэтр Дегатти поссорился с одним демолордом?

– Да что там может быть интересного, я самый обычный волшебник... – отвел взгляд Дегатти.

– Да нет, мэтр, вы уж не отнекивайтесь! Я вот сейчас расскажу! Прелюбопытнейшая история, доложу я вам! И случилась-то совсем недавно, двух лет еще не прошло!

– Тогда подлейте мне еще виски, – потребовал Дегатти.

Великая охота

1519 год Н.Э., где-то на стыке Кромок.

Небеса цвели огнями. Гремела вразнобой музыка, трубили охотничьи рога, лаяли паргоронские псы.

Вексилларий Тасварксезен проводил очередную охоту.

На самом деле не очень правомочно звать его вексилларием. Тасварксезен – один из тех немногих, кто сложил с себя чин. Ушел в отставку по собственному желанию. Не стал дожидаться, пока его проткнет кто-то из молодых гохерримов.

Но поскольку был он на тот момент чуть ли не самым сильным из вексиллариюв и считался почти непобедимым – за ним оставили почетное звание. Тасварксезен более не числится ни в одном легионе и не участвует в набегах и войнах – зато регулярно проводит свои знаменитые охоты. В популярности это зрелище уступает разве что представлениям Хальтрекарока... и как раз сегодня Хальтрекарок присутствовал среди почетных Тасварксезена гостей.

Он был не в духе. Все прочие охотники скакали на паргоронских конях – Хальтрекарок возлежал на вехоте, обернувшись комфортабельным летучим ландо. Приглашение Тасварксезена он принял только чтобы развеяться, отвлечься от черных мыслей – но у него не получалось.

Буквально несколько дней назад его обскакали в рейтинге демолордов. И кто?! Родной брат! Фурундарок внезапно поднялся на две сотых процента – и Хальтрекарок догадывался, как.

Теперь придется немало потрудиться, чтобы снова с ним сравняться – а Хальтрекарок не любил трудиться. Любые активные действия вызывали у него жгучее отвращение.

Кроме секса, конечно.

– Абхилагаша, разомни мне плечи, – лениво потребовал он. – Лахджа, подай виноград. Ассантея, мне надо вытянуть ноги. Сидзука, прекрати болтать с Тасварксезеном, ты не его наложница.

– Господин, я просто веду светскую беседу!.. – надула губы Сидзука, продолжая строить глазки скачущему рядом вексилларию.

– Веди ее со мной. Хотя нет, не веди, мне лень говорить. Просто заткнись и сиди рядом.

Тасварксезен неодобрительно хмыкнул. Он не понимал такую барственную охоту. Хальтрекарок, кажется, вовсе не испытывал азарта, хоть какого-то воодушевления. Будет добыча, не будет – ему и дела нет. Даже если сама рухнет к нему в коляску – он, поди, просто выпихнет ее из ландо и продолжит жрать виноград.

И как он обращается со своими наложницами?.. Отвратительно. Гохерримы тоже зачастую имеют множество любовниц, в том числе из смертных, но презрительного к ним отношения себе не позволяют.

Этим ты унижаешь не их, а себя. Словно открыто заявляешь, что связался с кем-то недостойным.

– С твоих слов получается, что гохерримы – просто образец для подражания, – заметил Бельзедор. – Все доблести и добродетели, настоящие рыцарственные демоны.

– Ну что поделатъ, уж такие мы существа... – скромно произнес Янгфанхофен, протирая чашку.

Сидзуке Хальтрекарок ничего не поручил, и она просто сидела, надувшись. Ассантея, на спину которой Хальтрекарок положил ноги, недовольно сказала:

– Сидзука, если тебе скучно, мы можем поменяться.

– Там мне тоже будет скучно, – отказалась Сидзука. – Делай то, для чего ты предназначена.

И тоже положила ноги на Ассантею.

Хальтрекарок ничего не заметил. Он вообще мало что замечал вокруг – ему массировали плечи и кормили виноградом. Он закрыл глаза и размышлял о том, как ослепительно сияет его персона.

Она буквально затмевает все мироздание.

– Пс-с-ст!.. – прошептала Лахджа Сидзуке. – Хочешь прикол?..

Ландо как раз пролетало над сосновым бором. Лахджа удлинила руку, на лету сорвала шишку и ласково вложила ее в губы Хальтрекароку. Тот съел ее, не меняя блаженного выражения лица.

У Сидзуки разгорелись глаза. Она подвинулась к столику, ломящемуся от яств и принялась подавать Хальтрекароку всякую гадость. Вложила кильку в эклер, намазала пирожное горчицей, окунула рыбу в мед. Достала из своих бездонных карманов бледную поганку и даже кусок кирпича.

Все это Хальтрекарок съел с искренним удовольствием. А наложницы тихонько хихикали.

– Сидзука, дай и мне пироженку, – попросила Лахджа. – И водки.

– Ты же беременная, – укоризненно сказала Сидзука. – Тебе нельзя пирожные.

– А водку, значит, можно?

– Можно.

– Дай угадаю. Это потому что водку ты не любишь?

– Вы, беременные, странные. В фом вовика? – торопливо запихнула в рот последнее пирожное Сидзука.

– Ладно, – вздохнула Лахджа. – Ладно. Тогда я сама сделаю пирожное. По рецепту моей бабуленьки.

Она отрезала кусок ржаного хлеба, положила на него несколько килек и хороший шмат сала, прикрыла сверху другим куском хлеба – и аж зажмурилась от удовольствия, откусывая кусок.

– Ну и странная же у тебя была бабуленька, – с отвращением произнесла Сидзука, делая себе такой же бутерброд.

Ей не понравилось. Ее почти что затошнило. Но Сидзука не была бы Сидзукой, если бы не собезьянничала.

– Лахджа, почему ты перестала меня кормить? – приоткрыл один глаз Хальтрекарок.

– Увлелась видами, мой господин, – кротко ответила Лахджа.

– Глупышка, зачем тебе еще какие-то виды, если ты можешь любоваться мной? – снисходительно улыбнулся демолорд.

– Просто чтобы убедиться, насколько все остальное ничтожно в сравнении с тобой, мой господин.

Абхилагаша и Ассантея аж застонали от зависти, а Сидзука сунула пальцы в рот и показала, что думает о такой жалкой лесте.

Зато Хальтрекарок милостиво кивнул. Он принял слова Лахджи за чистую монету. Любую похвалу Хальтрекарок принимал за чистую монету – даже если та была насквозь фальшива.

А Лахджа вздохнула и отвернулась, продолжая машинально пихать Хальтрекароку виноград. Она давно уже не надеялась найти в супруге и повелителе эмоциональный отклик. Даже не то что на нее или ее действия – а просто хоть на что-нибудь.

В первое время после перерождения она к нему тянулась. Да и сейчас еще иногда делала попытки. Возможно, это был стокгольмский синдром – ведь он ее похитил в бытность смерт-

ной. Сделал наложницей. Не дал выбора. Но она все равно пыталась найти какие-то светлые стороны в новом положении – даже стала ради этого демоном.

Увы, все светлые стороны приходится создавать самой. Хальтрекарок – он... ну, Хальтрекарок. Вряд ли он в принципе способен... даже не любить, а просто хотя бы привязываться. Сферический мудака в вакууме.

Жены для него – просто ходячие игрушки.

Иногда Лахджа подумывала о том, чтобы сменить хозяина и покровителя. Просто сбежать от Хальтрекарока – вариант плохой. У него память золотой рыбки и он фантастически ленив, но если все-таки узнает, если вспомнит... судьба будет страшной. Тем более, что уж Лахджу-то, как своего любимого агента, он помнит хорошо.

Демолорд – это стократ хуже любого мафиози и даже диктатора. Найдет где угодно, не защитит никто.

Кроме... другого демолорда. Наложницы иногда перебегают из гарема в гарем. Необязательно даже к демолорду – можно к титулованному аристократу помельче. Барону, вексилларию... даже банкиру, хотя женой бушука Лахджа себя не представляла.

А вот, скажем, гохеррим – вариант интересный. Лахджа с интересом посмотрела на скачущего рядом Тасварксезена. На редкость видный идальго. Молочно-белая кожа, завитые в косу русые волосы, шесть витых рогов цвета меди, алые глаза без зрачков, тяжелая шпага на поясе...

В Паргороне считается моветоном силой возвращать переметнувшуюся наложницу. Сбежала к другому, тот ее принял – все, конечно, забыто. Демоны из-за этого даже не ругаются. Если Лахджа уйдет к Тасварксезену или, например, тому очаровательному демолорду, что держит лучший в Паргороне и большинстве окрестных миров ресторан, в котором еще и такие приемлемые цены...

– Янгфанхофен! – укоризненно покачал головой Бельзедор.

– Что?.. Ты думаешь, я не замечал, как она на меня смотрит?

– Тебя слушаешь – на тебя все так смотрят!

– Что поделаешь, никак не могу справиться со своим мужским обаянием...

Конечно, Лахджа обдумывала это не всерьез. До недавнего времени она еще могла попытаться, но сейчас, когда носит будущего Хальтрекарока ребенка... воспитывать бастарда ни один демолорд не захочет. Несмотря даже на то, что самому Хальтрекароку на свое потомство наплевать – наложницы регулярно рожают ему детенышей, во дворце есть специальные ясли... надо будет наведаться туда, кстати. Посмотреть, в каких условиях они там вообще растут.

Загудел охотничий рог. Спереди донесся шум, и к ландо подлетела старообразная гохерримка с боевыми спицами на поясе и псом на поводке. Остановив коня в воздухе, она каркнула:

– Выследили голубчика! За мной!

Лицо Тасварксезена озарилось хищной радостью. Отставной вексилларий уже давно получал удовольствие только от охоты. Пришпорив жеребца, он помчался за Сунгурамулой – а следом понеслись другие гохерримы и ландо с жрущим виноград демолордом.

– Экая толпа, – лениво произнесла Лахджа. – Этак они сами там передерутся.

– А я бы охотно на это посмотрела, – прокряхтела Ассантея, все еще стоя на корточках. – Я бы охотно посмотрела... на что угодно.

– Я бы тебя подменила, но мне не стоит сейчас напрягаться, – погладила живот Лахджа.

На самом деле, пока что ничего не заметно. Всего-то третий месяц пошел. Превращения, правда, сильно затруднились – ее лучшее Ме будто частично заморозилось. Теперь работает только на конечностях, и то не слишком хорошо.

Наверное, дальше будет еще хуже. Пока не родит.

– Мой господин, может, вам лучше пуфик какой-нибудь под ноги? – все же спросила она Хальтрекарока.

– Да нет, спасибо, мне и так удобно, – поблагодарил тот. – Незачем так уж заботиться о моих удобствах, мы же сейчас на охоте. Приходится чем-то жертвовать.

Ассантея скривилась.

Тем временем впереди становилось все шумнее. Великая охота успела пересечь девять разных миров – началась в Паргороне, а сейчас скакала уже... Лахджа понятия не имела. Вроде недавно был сосновый бор, потом огромное озеро или вообще море, за ним раскаленная пустыня с фиолетовым песком, а теперь... лес гигантских грибов.

Интересно, куда их занесло?

И добыча была уже хорошо видна. В какой-то сотне шагов от авангарда гохерримов несся галопом конь – серый в яблоках, тонконогий, с великолепной гривой. В седле восседал человек... хотя как восседал? Он то и дело оглядывался, взмахивал мечом, выкрикивал оскорбления. Один раз даже вспрыгнул на коня, как цирковой акробат, метнул какое-то заклинание и тут же кувыркнулся обратно.

– Выделяется, – фыркнула Абхилагаша. – Жалкое зрелище.

– Ты его знаешь? – спросила Лахджа.

– Конечно, знаю, – загадочно улыбнулась Абхилагаша.

– Откуда? – приоткрыл глаз Хальтрекарок.

– А... да его же все знают, мой господин, – быстро ответила Абхилагаша. – Это же Дегатти, парифатский волшебник. Редкий проходимец. Он уже несколько раз обносил сейфы и бесчестил демониц.

– Тебя обесчестишь, пожалуй, – ухмыльнулась Лахджа. – И так пробы негде ставить.

– Называл куржуй свинью жирной, – с презрением поглядела Абхилагаша. – Смертно-рожденная.

– Меня хотя бы избрали и признали достойной, – выкинула подгнившую виноградинку за борт Лахджа. – Сознательно. А тебе просто повезло удачно родиться.

– Теперь мы знаем, какими словами ты себя утешаешь, глядя на нормальных аристократок, – насмешливо улыбнулась Абхилагаша.

Лахджа ничего на это не ответила, но еще одну зарубку в памяти сделала. Хотя Абхилагаша никогда не скрывала, что в грош не ставит Лахджу... да и вообще почти всех других наложниц.

Но особенно ее злят, конечно, ближайшие соперницы. Они четверо – любимые жены Хальтрекарока. Но при этом Лахджа – бывший человек, Ассантея – вайли, смешанная кровь, а Сидзука – вообще обычная смертная с нюансом.

Другое дело – Абхилагаша! Чистокровный гхьетшедарий! Родная дочь Совиты, Владычицы Пороков. И не от какого-то случайного любовника, а от самого Гариадолла, Великого Шутника.

Дочь двух демолордов! Генеалогия такая, что голова кругом идет!

И вынуждена делить общество со всяким сбродом.

А Лахдже теперь стало интересно, что это за Дегатти такой. Она передвинулась поближе к запряженным в ландо коням и попросила вехота чуть прибавить шагу. Выдвинуться во главу колонны – а то из-за этой толпы гохерримов толком и не видно ничего.

Вехот опередил паргоронских коней без труда. Тем более, что охотники особо их и не понукали – жертву травили со вкусом, по всем правилам. Увидев ускорившегося вехота и пережившую на переднего коня Лахджу, они одобрительно загомонили, кто-то даже кинул ей плетль.

Ленивые зрители их явно раздражали.

Теперь добычу стало видно еще лучше. Волшебник Дегатти все еще сохранял дистанцию, все еще опережал погоню. Его конь несся живой бурей – и Лахджа невольно восхитилась. Этот зверь держался на равных с вехотом и скакунами гохерримов – а это немало стоит!

Мир в очередной раз сменился. Лес грибов перешел в чистое поле. Внизу все стало оранжевым, далеко впереди шумела полноводная река. Какой-то смертный в оборванном армяке устался на процессию и с ужасом отбросил бутылку.

Дегатти продолжал мчать без продыху, но расстояние сокращалось. Гохерримы гоготали, осыпали его насмешками – и вдоволь получали их в ответ. То один, то другой вырывались вперед, почти настигали волшебника – и натывались на удары меча. Тот выюжил, точно живой, умудряясь отбивать даже гохерримские клинки.

Но атаки становились все чаще, все быстрее. Гохерримы давно могли уничтожить добычу, но специально растягивали удовольствие. Со всех сторон лаяли паргоронские псы.

Однако азарт нарастал. Глаза разгорались. Каждому хотелось стать тем, кто нанесет ключевой удар и поглотит душу добычи. Все меньше сдерживаясь, гохерримы набрасывались со всех сторон, как стая воронья – и Дегатти уже только чудом успевал обороняться.

Теперь он не козырял, не красовался. Свесившись с коня в бешеной скачке, волшебник ожесточенно работал мечом. Плащ за его спиной тоже ожил, вздулся пузырем – и вместе с ним вздулось защитное поле. Оно прикрыло Дегатти и его коня от вспышек – а то некоторые гохерримы уже начали в азарте метать «шлейфы» с клинков.

Один гохеррим подлетел совсем близко, прищпорил коня, замахнулся с неприкрытой стороны – и вылетел из седла. Из левого рукава Дегатти что-то высунулось... змея?.. она плюнула таким ядом, что обожгло даже демона! Незадачливый охотник зашипел и отшатнулся, держась за раненое плечо.

Его тут же оттолкнули другие. Сразу три атаки! Пропущенный укол! Чье-то копьё вошло Дегатти в подмышку! Тот тут же отшатнулся, не дал себя поглотить, но кровь залила плащ, а рука повисла плетью. Выползшая из рукава змея исторгла ядовитое облако – и гохерримы раздались, чуть поотстали.

Лахджа смотрела с чуть болезненным интересом. Ей стало жалко этого волшебника, которого через минуту-другую очевидно убьют, затравят всей сворой. Его уже ранили второй раз... третий... и это в дело еще не вступили ни Тасварксезен, ни Сунгурамула, ни Демкельдегрор. Вексиллярии наверняка добились бы добычу одним махом, но они хотели потешить молодых охотников.

Еще один гохеррим саданул серпом на цепи!.. Его перехватил взвившийся плащ Дегатти – но в нем осталась глубокая дыра. Мечом он едва успел отбросить другого гохеррима – тот ударил по волшебнику шипованными наручами. Дегатти оставил ему рану на локте, но та уже срасталась – с шипением, пузырясь.

– Какой же неравный бой, – покачала головой Лахджа.

– Даю ему еще полминуты, – равнодушно сказала Абхилагаша. – Хотя для смертного он хорошо держался.

– Мой господин, как великодушно с вашей стороны не участвовать в этом варварском развлечении! – льстиво пропыхтела Ассантея.

– Да-да, это недостойно моего величия, – зевнул Хальтрекарок.

Зато Сидзука была в восторге. Она возбужденно пищала, подпрыгивала и громко подбадривала самых смазливых охотников.

– Демкельдегрор, давай-давай!.. – орала она. – Проткни его насквозь! Мы все за тебя горой!

Демкельдегрор, кажется, услышал. Во всяком случае, он очень картинно тряхнул волосами – длинными, платинового оттенка. Сын Тасварксезена не слишком-то любил отцовские развлечения, зато обожал рисоваться. Особенно перед поклонницами.

И чтобы оправдать ожидания публики, он рванул вперед. Шпага, точь-в-точь как отцовская, вылетела из ножен, со свистом устремилась к добыче...

Он целил не в Дегатти. Он целил в его коня. Хотел перерубить тому ноги. Но в последний миг... Дегатти подпрыгнул. Взлетел в воздух, над клинками гохерримов, выхватил что-то из-за пазухи, и его конь... исчез. Втянулся будто в пасть гхьетшедария.

Сам же Дегатти кувыркнулся в воздухе, описал пируэт и приземлился на коня... точнее, на вехота.

Прямо за спиной Лахджи.

Та даже не испугалась. Ну что он сделает – меч ей к горлу приставит?.. а, ну да, приставил. Ну и что? Она демон. Вокруг такие же демоны. В ландо ее муж. Демолорд. Хальтрекарок просто откроет рот – и нет никакого волшебника. Вот уже и открывает... а, нет, он снова зевнул.

Впрочем, охотники зато чуть отпрянули. Задеть наложницу Хальтрекарока они не хотели. Тасварксезен пустил коня ввысь, замер так, что копыта почти касались лиц Дегатти и Лахджи, и гаркнул сверху:

– Отпусти благородную даму, и мы снова дадим тебе фору!

– Уже... давали... – прохрипел Дегатти, затравленно озираясь.

Он обливался кровью. Лицо быстро бледнело. Из оставленных демоническими клинками ран струился дымок. Даже для волшебника его уровня это было чересчур.

– Лахджа, чем ты там занята? – лениво почесал шею Хальтрекарок. – Прекрати это.

– Мой господин, кажется, я в заложниках, – извинилась Лахджа. – Я бы освободилась сама, но я сейчас... не в лучшей форме...

– Лахджа, ну опять, ну от тебя вечно одни проблемы! – закатила глаза Абхилагаша.

Дегатти тем временем посмотрел вниз. Процессия неслась над рекой. Из его рукава плюнула ядом змея – и конь Тасварксезена встал на дыбы. Плащ Дегатти взвился, он резко зажал шею Лахджи локтем – и вместе с ней вывалился из седла.

Его меч по-прежнему прижимался к ее горлу. А гохерримы не знали, что такое ее не убьет... хотя она и сама точно не знала. Клинок-то явно не простой, мало ли какие в нем чары.

Правда, Хальтрекарок наконец-то соизволил оторвать задницу, высунуться из ландо, даже начал взлетать... но было уже поздно.

Дегатти метнул вниз какую-то штуку. Что-то вроде кожаного кошель со шнурком. Тот раскрылся прямо в воздухе – и их затянуло внутрь!..

А сам кошель упал в реку. И пошел ко дну, словно был набит камнями.

Гохерримы остановились над водой. Паргоронские кони замерли в воздухе, паргоронские псы недоуменно приюхивались. Хальтрекарок вышел из ландо и начал было втягивать воду вместе с рыбами – но тут же смекнул, что так делает только хуже.

– М-да, – произнес Тасварксезен. – Так мои охоты еще не заканчивались. Неудобно вышло.

– Мои песики эту штуку не чувствуют, – сказала Сунгурамула. – И аура волшебника пропала. Что это вообще было, кто-нибудь успел заметить? Переносной портал?..

– Что бы это ни было – оно утонуло, – сказал Демкельдегрор. – Вместе с твоей прекрасной женушкой, Балаганщик. Будем разыскивать?

Гохерримы замялись. В поисках неизвестно чего на речном дне они не видели ничего увлекательного. Тем более, что это действительно может быть просто порталный артефакт, который им ничего не даст.

Все ожидали решения Хальтрекарока. Именно ему хотелось напрягаться меньше всех, но сейчас было задето его самолюбие. И он в конце концов неохотно сказал:

– Будем искать.

– Ладно, благородные гохерримы, охота на сегодня закончена! – хлопнул в ладоши Тасваркседзен. – Вместо нее начинается рыбалка! Кто-нибудь, позовите Хаварпагона, он такое любит!

Полет по черной трубе был недолгим, а падение – мягким. Собственно, Лахджа вообще опустило так нежно, что она ничего не почувствовала.

И оказалась она... в уютной гостиной. С мебелью из красного дерева, заставленными книгами полками, дорогим ковром... заляпанным кровью.

Рядом валялся ее похититель. Волшебник. Похоже, еще в полете он потерял сознание – и теперь быстро испускал дух.

Лахджа слегка растерянно поднялась на ноги. Шагнула было к Дегатти – сама еще не зная, помочь или добить. Но подойти не успела – между ними как из-под земли выросла собака. Похожая на овчарку, только еще крупнее, с угольно-черной шерстью... и оскаленной пастью.

Собак Лахджа недолюбливала с детства. Она слегка вытянула руки, превращая их в костяные лезвия... но тут и собака исказилась. Увеличилась раза в полтора и отрастила еще две головы.

Не зная, чего еще ждать от этого Цербера, Лахджа попятилась. А у Дегатти уже хлопотали другие два животных – крупный белый кот и стоящий на задних лапах енот-полоскун.

– Человек, ты опять перепачкал все ковры! – всплеснул лапками енот. – А ты что медлишь?!

– Ищу место, где не запачкаюсь, – ответил кот, брезгливо обнюхивая Дегатти.

– Быстрее! – пихнул его енот.

Лахджа отстраненно наблюдала, как говорящий кот укладывается на волшебника, и тот сразу начинает дышать ровнее. Его раны на глазах затягивались, хотя дымиться не переставали до последнего.

– Опять демонические клинки, – проворчал кот. – Работать придется долго. Тупой человек ничему не учится.

Енот тем временем приволок швабру, приволок ведро, приволок странное устройство, похожее на огромную флейту – и ожесточенно чистил ковер.

Лахджа плюхнулась на диван. Змея выползла из рукава Дегатти, поднялась на спину собаки, и уставилась на демоницу.

В дверь заглянула конская морда. И еще влетел попугай, похожий на крупного ара.

Енот снял с Дегатти плащ. Тот сам уполз на вешалку.

– Уверена, меня вытащат, – кивнула Лахджа, с интересом крутя головой.

– Не двигайся, – прорычала собака.

– Это очень жесткое требование, – спокойно сказала Лахджа. – Даже когда я дышу, моя грудная клетка немного вздымается. К тому же теперь, когда ты это сказала, у меня зачесалась коленка. И ухо. Почесать можно?

– Сказал, – рыкнула собака.

– Что?..

– Сказал, а не сказала. Я кобель.

– Извини, не было случая заглянуть тебе туда. Почесаться-то можно? Хотя ладно.

Она удлинила руку так, что ладонь унеслась в другой конец гостиной. А когда пес невольно туда обернулся – ударила в морды ногами. Те резко увеличились и покрылись роговой тканью.

Пес отшатнулся, даже взвизгнул от боли – но тут же бросился. Он вырос еще сильнее, пасти разверзлись... и разорвали на три части диван. Сама Лахджа успела перекатиться назад через спинку.

– Только не устрой снова пожар! – крикнул псу енот.

Лахджа пустила в оскаленные пасти ядовитых пчел и бросилась наутек. Из гостиной было два выхода, но один загоразивала лошадь – и она выбрала другой.

Сзади уже слышался лай и взвизгивания. В своих нынешних размерах пес не пролезал в дверь, так что он торопливо уменьшался – и у Лахджи появилась небольшая фора.

– Где тут выход-то?.. – бормотала она, распахивая все двери по пути.

Те вели куда попало. В какие-то кладовые, гардеробные, два раза в спальню, мастерскую, лабораторию, кухню... ого, какая огромная кухня!..

Куда угодно, только не наружу.

А потом Лахджа едва не врезалась в лошадиный круп. Она описала полный круг и вернулась на прежнее место. Конь лягнул – и она еле-еле успела отшатнуться. В коридор медленно вышел пес – от укусов пчел у него раздулся нос, но от этого он стал только злее.

– Твой побег зар-ранее был обр-речен на неудачу, – сказал попугай, паря у Лахджи над головой.

Она повернулась – и увидела змею. Ярко-зеленую, неизвестной породы, но страшно опасную – в этом она успела убедиться. Сейчас та стояла почти на кончике хвоста, да еще и как-то странно мерцала.

– Вы меня лучше не трогайте! – предупредила Лахджа, готовясь шархануть Электрошоком. – Я кровь кому угодно попортить могу! И меня будут искать!

– Здесь не найдут, – донесся из гостиной слабый голос. – Иди сюда. Поговорим.

Лахджа неохотно протиснулась мимо коня. Дегатти уже сидел в кресле – все еще бледный как смерть, все еще чуть дымящийся в местах ранений, но уже сидел, уже был в сознании. На коленях у него устроился кот – он так громко урчал, что слышно было с другого конца гостиной.

Только теперь Лахджа смогла как следует рассмотреть своего похитителя. Он выглядел уже не молодым, но еще не старым. Лет сорока пяти, может быть...

– Посмотрел бы я на вас после стольких ранений, – сухо заметил Дегатти. – Конечно, я казался немного старше.

– А сколько вам на самом деле лет, мэтр Дегатти? – уточнил Янгфанхофен.

– Восемьдесят два, – неохотно ответил волишебник. – Но я уже давно практически не старею.

...Лет сорока пяти, может быть. Ну или все-таки тридцати пяти, если сделать скидку на то, что ему пришлось пережить. Волосы темно-русые, довольно длинные. Черты лица строгие, правильные. Не то чтобы красавец, но довольно обаятелен. И взгляд умный, с хитрецей, хотя и усталый.

– Так-то лучше. Хотя насчет «не то чтобы красавец» я бы поспорил.

– Бери уж, что дают, – сказал Бельзедор.

– Где тут выход? – сразу взяла быка за рога Лахджа.

– Прямо над головой, – указал Дегатти. – Но он не откроется, если я не позволю.

– Ну так позволь! Выпусти меня!

– Не могу.

– Можешь, просто не хочешь. А ты захоти. А то я тебе тут все раздолбаю, – сказала Лахджа, пинком переворачивая журнальный столик.

Тот аж подлетел. Стоявшая на нем вазочка шваркнулась об стену – и разбилась вдребезги.

Даже беременная, Лахджа оставалась демоном четвертого сословия. Титулованным аристократом. Силы ей и безо всяких Ме было не занимать.

- Святые небеса, – вздохнул енот, семена за совком, чтобы собрать осколки.
- Ну и к чему эта экспрессия? – мрачно спросил Дегатти. – Прекрати. А то...

Он не сказал ни слова. Даже не шевельнул пальцем. Но Лахджа внезапно обнаружила, что на бедре сомкнулись собачьи зубы. И хотя кожу пока даже не оцарапало, она буквально почувствовала, какие эти зубы острые.

Нога потом отрастет. И довольно быстро. Но в своем нынешнем положении она не хотела лишний раз рисковать.

- Ладно, – сказала она. – Так почему ты меня не выпустишь? Выкупа хочешь?
- Не... хотя хорошая мысль, – вскинул палец Дегатти.

– Хальтрекарок не даст, – сразу предупредила Лахджа. – Ему проще новую жену найти.

– Э, демоны... – поморщился Дегатти. – Но дело не в этом. Просто сейчас я тебя выпустить не могу. Мой кошель, видишь ли, сейчас где-то на дне реки... должен быть. Я чувствую вокруг него воду. И понемногу сдвигаю по течению. Но он все равно пока недалеко от места, где упал. Демоны тоже наверняка где-то неподалеку. Они не могут почувствовать кошель, но если я тебя сейчас выпущу – меня найдут. Да и что помешает тебе самой просто взять меня вместе с кошелем и преподнести своему... Хальтрекарок твой муж, так ведь?..

– Да... а если я пообещаю, что этого не сделаю?

– Я тебе, извини, не поверю. Я давно вырос из возраста, когда верят демонам.

– Я могу поклясться! Есть клятвы, которые мы не можем нарушить!

– М-м-м... нет. Надежнее все-таки подержать тебя тут.

– Надежнее ли?.. – прищурилась Лахджа. – Они же ищут в первую очередь меня. Отпустишь – станет меньше причин тебя искать.

– Они гнались за мной целой ватагой задолго до того, как я с тобой познакомился, – напомнил Дегатти. – Кстати, как тебя зовут?

– Лахджа, – плюхнулась в другое кресло демоница. – Только не думай, что знание моего имени даст тебе надо мной власть. И у тебя тут есть что-нибудь выпить? Я бы тяпнула водки.

– Есть виски, ром и гарийское вино, – сказал Дегатти. – Я тоже буду.

Енот неохотно приволок поднос с большой бутылкой и двумя рюмками. Рядом была тарелка с нарезанным сыром и копченостями. Лахджа выпила, заела ломтиком сыра, угостила пса кружком колбасы и закинула ногу на ногу.

Ситуация начинала налаживаться.

– Как тебя самого зовут-то, кстати? – спросила она, нервно постукивая по столу. – Не фамильничать же мне.

– Майно Дегатти, – представился волшебник. – Из Мистерии.

– Я уже поняла, ты у нас чародей. Парифатский?.. Бывала я у вас, красивый мирок. Что заканчивали, мэтр Дегатти?

– Унионис.

– А, фамиллиары... ну да, могла и сама догадаться. Магистр?.. Профессор?.. Не меньше уж, судя по всему.

– Лауреат премии Бриара, – с затаенной гордостью произнес Дегатти. – Правда, только третьей степени.

– Все равно очень неплохо! – одобрила Лахджа, наливая еще виски. – За знакомство!

– Тебе вообще можно настолько крепкое? – спросил волшебник, пристально глядя на ее живот. – Ты же... хм... ну да, точно...

– Можно, можно, – отмахнулась демоница. – Если хочется бухать – значит, ребенок просит. Наверное, мое дитя будет алкашом.

– Ладно, я в демонической физиологии не спец, – пожал плечами Дегатти. – Тебе виднее.

– Ага, мне виднее. Ну раз уж мы тут вынужденно застряли и ждем, пока мой муж и повелитель найдет твой кошель и оторвет тебе башку... расскажите немного о себе, мэтр Дегатти.

Как так вышло, что за вами гоняется половина Паргорона? Тасваркsezену, конечно, много поводов не нужно, но все-таки.

– Просто пара инцидентов, – отвел взгляд Дегатти. – Перешел дорогу кое-кому из вашей верхушки.

– Это-то понятно. Но я надеялась на какие-нибудь пикантные подробности.

– Позаимствовал пару мелочей, которые их хозяевам все равно не были нужны. Возможно, слегка задел самолюбие парочки демолордов.

– Да уж слегка, – фыркнула Лахджа. – И как ты его задел? Рога им наставил?

Дегатти ничего не ответил. Но судя по тому, как он стушевался, Лахджа попала в точку.

Она даже невольно восхитилась своим собеседником. Экий отбитый. Наставить рога даже не одному, а двум демолордам... редкостный сорвиголова.

Хотя это смотря кому. Хальтрекароку рогов только ленивый не наставлял. Ему все равно. Он сам своих наложниц гостям предлагает. Угощает, как трубочкой табаку.

Но кто-то вроде Гаштардарона, Янгфанхофена и других более пуританских демолордов сразу открутит башку обоим любовникам.

– И кому ты наставил рога, если не секрет? – спросила демоница, наливая себе еще виски.

– Гариadolлу. Кошленнахтуму. И троим баронам... или четверым, – неохотно перечислил Дегатти.

– Ишь ты, сплошные гхьетшедарии. Ты что-то против них имеешь?

– Нет, просто у них гаремы самые большие. Проще наладить контакт.

– Рисковый ты парень... но ты бы хоть у простых гхьетшедариев тогда. Не у демолордов же.

– Ты не понимаешь, – покачал головой Дегатти. – У простых как раз сложнее. У них тоже гаремы, но не настолько большие. Там каждая наложница на глазах господина, так что пристроиться трудно. А вот у баронов и особенно демолордов гаремы такие огромные, что за всеми уследить трудно. Вот я и совершаю иногда на них набеги.

– Ничего себе ты прошаренный. А зачем? Попроще-то никак? Ну там со смертными пашни завести. С небожительницами, с духами. С демоницами в свободных отношениях. Или просто трахнуть ламу. Почему обязательно жены демолордов?

– Зачем... зачем люди вот на горы карабкаются? Ради духа приключений. Риск. Азарт. Я люблю азарт.

– А пытки? – с интересом спросила Лахджа. – Ты любишь пытки? Вот Хальтрекарок любит.

Дегатти вздохнул. Помрачнел. Он и сам уже жалел, что так дерзко играл со смертью. Воспоминания, конечно, бесценные – но чем это для него закончилось? Он так всех достал, что устроили показательную порку – сделали целью великой охоты Тасваркsezена.

Такой чести удостоиваются немногие смертные.

– Вор. Прелюбодей. Государственный преступник, – покачала головой Лахджа. – Грешно-то как. Вы ужасный человек, мэтр Дегатти. Просто отвратительный. Я демон, но даже мне противно на вас смотреть.

– Неправда! – возмутился Дегатти, приняв ее слова за чистую монету. – Я хороший человек!

– Ты почему в этом так уверен-то?

– Ну... Плохой человек не может любить животных...

– Знаешь, я как-то раз встречала одного парня – он очень любил свою собаку и двух персидских котов. Но еще больше он любил резать глотки.

– Для Паргорона это норма, полагаю, – заметил Дегатти.

– О, я его не в Паргороне встречала, – покачала пальцем Лахджа. – Давно, еще когда была человеком.

- Ты была человеком?..
- Давно. Семь лет назад.
- Да не так уж давно... Ты тоже с Парифата?
- Люди живут не только на вашем Парифате. Из другого мира.
- И много у Темного Балаганщика жен из других миров?
- Да минимум половина, – откинулась в кресле Лахджа. – Он тырит баб откуда ни попадя.

С вашего Парифата у него тоже полно.

- И всех превращает в демонов? – заинтересовался Дегатти.
- Не, мне просто повезло... или не повезло. Смотря как ты к этому относишься.
- Но он тебя заставил?
- Да не, это я его попросила. Когда у него хорошее настроение было.

Дегатти окинул ее странным взглядом.

– А что?! – вспыхнула Лахджа. – Ты сам посмотри. Халявное бессмертие. Удачный дизайн тела. Возможность летать. Куча крутых способностей. Уважуха от местных.

- Ну если тебя все устраивает... Родных-то навещаешь хоть? Или ты сирота?
- Папу с мамой. Раз в год. Я им наврала, что вышла замуж за инопланетянина.
- Кого?..
- Ну жителя другой звезды.
- Зачем?

– Про демона они не поняли бы. А как-то объяснить же надо, куда я делась.

– А почему не сказать, что просто переехала очень далеко? На другой континент? Или в твоём мире повсюду порталы?

– Порталов нет. Но если я переехала – почему я тогда не звоню? Почему мне позвонить нельзя?

– Позвонить?.. В колокол, что ли?

– У нас там есть дистанционные средства связи. Широко доступные.

– А, понял. Как дальнотерка.

Енот убрал остатки дивана. Необычайно сильный для зверя его размеров, он очень демонстративно кряхтел и тужился.

– Ему там помощь не нужна? – спросила Лахджа.

– Нет, он просто прибежидается. Всегда так делает перед новыми людьми.

Енот повернулся и пристально посмотрел на Дегатти. Отряхнул лапки и недовольно засопел. Несколько секунд они с Дегатти словно вели мысленный разговор, а Лахджа переводила взгляд с одного на другого.

– Ну и все, – неожиданно сказал Дегатти, и енот вернулся к уборке.

– Телепатический сеанс?.. – уточнила Лахджа. – Как у вас это все, у фамилиарных магов?

– По-разному, – ответил Дегатти.

– Я пару раз встречала фамилиарных, – поделилась Лахджа. – Но у них было только по одному зверьку – белка, кажется, и... забыла, еще кто-то. И они не разговаривали. А у тебя их сколько?

– Вместе с неодушевленными – десять.

– Неодушевленными?.. – удивилась Лахджа.

– Меч. Плащ. Кошель. Они тоже фамилиары.

– А так разве бывает?..

– Бывает, как видишь. Фамилиар – это что? Это существо или предмет, с которым я поделился частичкой души. Обычно существо. Но предмет тоже можно, только труднее.

– Надо же, как интересно. А одушевленные – это конь, пес, кот, енот, змея, попугай... и?.. – искала глазами Лахджа. – Еще кто-то?

– Еще рыбка есть. Она в аквариуме.

Кот спрыгнул с его коленей. Волшебник поднялся на ноги и смахнул со лба испарину. Был он все еще бледен, но выглядел на удивление бодро.

Словно и не пронзили несколько раз гохерримскими клинками.

Дегатти напряженно размышлял, как поступить в сложившейся ситуации. Украдкой подглядывая из кошеля, он видел только темную воду – значит, демоны его все еще не нашли. Этот крохотный фамиллиар специально создавался, чтобы скрывать хозяина даже от очень могущественных врагов, так что прятаться тут можно долго.

Но не бесконечно. Так что лучше всего начать смещение к другой точке привязки. «Запасному выходу». Этим Дегатти и занялся, войдя с кошелем в полную синхронность и плавно настраивая его координаты в пространстве.

Для Лахджа это выглядело, как если бы волшебник обожрался веществ и ушел в нирвану. Он по-прежнему сидел в кресле, но руки безвольно свесились, губы беззвучно шевелились, глаза мелко дрожали под веками.

Но продлилось это совсем недолго. Уже через минуту волшебник очнулся, довольно потер руки и заявил:

– Ну все, теперь демоны нас не найдут. Я переместил кошель в безопасное место.

– Ой, как замечательно! – обрадовалась Лахджа. – Значит, я могу идти, да?

– Нет-нет, ты погоди, – покачал пальцем Дегатти. – Во-первых, если я тебя выпущу, ты знаешь, где моя запасная точка привязки. А во-вторых, должна же у меня остаться какая-то компенсация? За перенесенные страдания.

– Я тебе не компенсация! Ты меня похитил!

– Вы пытались меня убить, – напомнил Дегатти. – Вы все.

– Конкретно я – нет. Я была просто зрителем.

– Ну да, просто смотрела, как меня травят псами. Еще и в ладоши, поди, хлопала.

– Да всего-то пару раз... Но это не очень-то гуманно – рассматривать как компенсацию живое разумное существо.

– Да кто бы говорил! – искренне возмутился Дегатти. – Вы, демоны, нас вообще рабами делаете! Жрете! Пытаете! Души поглощаете! Даже посмертия нам не оставляете!

– Я! Ничего! Из этого! Ни разу! В жизни! Не делала! – аж запрыгала на месте Лахджа. – Отпусти меня! Или я снова начну тебе хату разносить!

И ее руки резко удлинились, разветвились, закрутились пропеллером. Сразу три кулака врезались в сервант, расколотили стекло, принялись крушить посуду. Другие хватили книги, швыряли их во все стороны.

– Не надо-о-о!.. – в отчаянии завопил енот.

Фамиллиары набросились на нее всей кучей. Навалился сам Дегатти, кинулся сзади пес, а горло захлестнул оживший плащ. Даже попугай бил ее по лицу крыльями и клевал в ухо.

– Я вас тут всех порешу! – разозлилась Лахджа.

Теперь ее руки обратились костяными лезвиями. Она снова выпустила ядовитых пчел и раскидала фамиллиаров, как горох. Отшатнулась к одной стене – шарахнулась к другой. Метнула палец-копье точно в глаз Дегатти – и только благодаря взметнувшемуся плащу тот остался жив.

Бунтовала Лахджа где-то с минуту. Потом ее окутала странная слабость. Дегатти применил какие-то сковывающие чары – все-таки они были прямо внутри одного из его фамиллиаров.

– Мудак, – вяло сказала Лахджа. – Чего ты от меня хочешь? Выкупа Хальтрекарок не даст. А я демон юный и мало что умею. Своего имущества у меня нет.

– Мало что – это не совсем ничего... – пробормотал Дегатти, обходя вокруг нее. – Особенно когда речь о демоне... Расскажи, что ты умеешь.

Лахджа неохотно перечислила свои способности и Ме. Призыв Дождя, Землевладелец, Защита Разума, Зов Еды, Электрошок, Пятиминутная Копия, Закрывание Портала, Ядовитые Пчелы, Создание Ложки, Отслеживание, Флора, Регенерация и Метаморфизм.

– Итого тринадцать? – быстро сосчитал Дегатти. – А говоришь, что ничего не умеешь.

– Кое-что умею, конечно. Хочешь ложку? – сотворила ложку Лахджа.

Дегатти продолжил въедливо ее расспрашивать и рассматривать ауру. Даже вырвал волосок, тут же погрузив в светящуюся жидкость.

– Это зачем? – с подозрением спросила Лахджа.

– Просто пытаюсь установить, какой у тебя класс по шкале ПОСС.

– Шестнадцатый, – тут же ответила демоница.

– По-моему, все-таки пятнадцатый, – усомнился Дегатти, разглядывая отблески в жидкости.

– Отвали, шестнадцатый. Я просто не в форме сейчас. Ну сам понимаешь.

– Не, прямо сейчас я бы тебе больше десятого и не дал бы. Но когда вернешься в норму... да, думаю, пятнадцатый...

– И зачем тебе это знать? Думаешь, за сколько меня продать, что ли?

Дегатти отвел взгляд. И Лахдже не понравилась такая реакция. Она часто слышала о волшебниках, что похищают демонов, сажают в разные сосуды, глумятся, используют для всякого, иногда делают частью артефактов или еще как-то пристегивают к работе...

Они еще удивляются потом, что демоны платят той же монетой.

И Дегатти оправдал ее худшие опасения. Достал из развороченного серванта что-то вроде вазы, заткнутой пробкой, поднес ее к Лахдже...

– Прекрати... – запротестовала она, тщетно борясь с парализующими чарами. – Я тебя сейчас...

И шарахнула Электрошоком. Это ей сделать удалось – и Дегатти упал навзничь. Разряд оказался хорошим, крепким... но большую его часть принял плащ-фамиллиар. Когда волшебник поднялся, у него слегка тряслись руки, и волосы чуток встали дыбом, но не более того.

И на этот раз он пробку открыл.

Лахджу втянуло в вазу с противным хлюпаньем. Она только понадеялась, что это не повредит в ее положении.

– Мудак, – повторила она, глядя на Дегатти сквозь стекло.

– Да уж, справился с беременной женщиной... – покачал головой Бельзедор. – Да ты герой, Дегатти. Такого себе даже я не позволял.

– Она не оставила мне выбора! – запротестовал волшебник. – И она была не просто женщиной – она была демоном! Титулованным аристократом! Кто знал, чего от нее ждать?!

Чувствовала Лахджа себя странно. Ее еще никогда не запечатывали в такие вот сосуды. Она словно... размазалась по нескольким измерениям. Заняла в вазе все пространство, стала то ли жидкой, то ли газообразной.

Говорить это не мешало. Видеть не мешало. Но сделать она не могла ровным счетом ничего. Даже Ме перестали слушаться.

Хотелось сесть и разреваться.

– Без обид, – отвел взгляд Дегатти. – У меня сейчас очень плохо с деньгами. А существо пятнадцатого класса стоит дорого.

Лахджа ничего не сказала.

Пока енот ожесточенно убирал разгромленную гостиную, а кот рассматривал Лахджу сквозь стекло, Дегатти сходил куда-то умыться и переодеться.

- Пс-с-ст!.. – прошипела Лахджа. – Эй, кот!..
- Что? – лениво спросил фамиллиар.
- Ты пидор.

Кошачьи глаза возмущенно расширились, и он ударил вазу лапкой. Лахджа еще раз его обозвала – и кот снова толкнул вазу. Та была уже почти на краю стола, уже почти... но тут как раз вернулся Дегатти.

- Нет!.. – воскликнул он.

Кот посмотрел на него... и столкнул вазу со стола. Фамиллиар волшебника, разумное существо, он все равно оставался котом.

- *Не слишком ли тупой у тебя кот? – спросил Бельзедор.*
- *Он просто играл, – ответил Дегатти. – Стол все равно был низкий, а на полу мягкий ковер. Ваза не разбилась.*

Ваза не разбилась. Шикарный был план, но на его пути встала объективная реальность. Дегатти подобрал Лахджу, изучил ее сосуд и поднял руку.

На потолке будто расстегнулась молния. Оттуда пролился свет – не очень яркий, но явно дневной. Прижав вазу к груди, волшебник подпрыгнул – и через секунду Лахджа уже смотрела на кошель снаружи.

Они больше не были на дне реки. И вообще перенеслись в совсем другое место. Крошечная комнатенка без мебелировки – пустой пол и стены. Единственное окошко грязноватое, места совсем мало. Почти что чулан.

- Добро пожаловать в Валестру, – сказал Дегатти.

Он открыл дверь и вышел в полутемный коридор. Здесь тянулись целые вереницы таких дверей – малюсеньких квартирок, в которых живут волшебники, тем или иным способом расширяющие пространство или создающие порталы. Земля в Валестре дорогая, большое жилище многим не по карману, но к чему оно, если можно просто купить места ровно столько, чтобы поместилась дверь?

- А потом... сооружай за ней хоть целый дворец.

Главное, что точка привязки находится в столице Мистерии. Самом волшебном городе на планете.

Для Лахджи это не предвещало ничего хорошего. Сначала она еще не понимала, куда их занесло, но когда Дегатти вышел на улицу, и она увидела все эти причудливые башни, то сразу поняла – Мистерия. Лахджа тут раньше не бывала, но многое о ней слышала.

Это плохо, что Мистерия. Тут безопасность на высшем уровне, демоны без спросу не сюются. Войну ради нее Паргорон точно не начнет, да и группу командос вряд ли отправит.

- Дегатти тоже явно чувствовал себя в безопасности. Шагал себе, насвистывал.

- Куда мы идем? – подала голос Лахджа.

- К одному моему знакомому. Тут недалеко.

Это оказался магазинчик. Похожий на алкогольный – вдоль полок громоздились бутылки и банки с... хм, в некоторых что-то шевелилось. Почти во всех. Какие-то искаженные рожи, крошечные уродцы... интересно, Лахджа сейчас так же выглядит со стороны?

– Добро пожаловать!.. – повернулся к посетителю хозяин – долгобородый гном. – У нас сегодня скидки на аппонцев и духов зависти!.. а, это ты, Майно. Денег не дам.

- Мир тебе, Артубба, – произнес Дегатти. – Я на этот раз не в долг просить.

- А как насчет погасить старый? – прищурился гном.

– Ну вот сейчас и разочтемся. Ты мне еще и сверху доплатишь, – поставил на стойку вазу Дегатти. – Смотри, какой экземпляр.

Гном уставился на Лахджу. Лахджа уставилась на гнома. Артубба обнюхал вазу, постучал по стеклу и деловито спросил:

– Вид, мир, класс?

– Паргорон, пятнадцатый класс. А вид... какой у тебя вид?

– Уникальный, – гордо ответила Лахджа. – Но вам с этого проку не будет, ублюдки.

– Дворняга, понятно, – кивнул Артубба. – Аж пятнадцатый класс, не врешь?.. Титулованная, что ли?.. Барон, вексилларий?..

– Жена демолорда. Любимая.

– Ого! – аж отшатнулся Артубба. – Опасно играешь, Майно. И сколько хочешь за нее?

Они начали обсуждать цену. Дегатти особо нажимал на то, что демонов тут фактически два – внутри зреет еще один, причем не от кого-нибудь, а от самого Темного Балаганщика.

– Ну это еще вилами на воде писано... – с сомнением протянул Артубба. – Я даже насчет беременности не уверен, через стекло ауру плохо видно... но тут поверю уж тебе на слово. Но что от Балаганщика... да он от кого угодно может быть. Хоть от тебя самого.

– Ты это на что намекаешь, сморчок?! – возмутилась Лахджа.

Волшебники снова принялись торговаться. Демоница уныло рассматривала окружение. Бесчисленные бутылки и банки. В тех, что стояли рядом с ней, пузырилась какая-то зеленая мерзость. Почти переливалась через край.

– А в этих банках тоже демоны? – спросила она. – Они сейчас сбегут, кажется.

– Нет, там корм для демонов, – ответил Артубба. – Хотите?

И он хлебосольно зачерпнул целый половник и отправил в вазу. Пробку при этом как-то ухитрился поднять так, что она словно и не сдвинулась с места. Лахджа вообще не поняла, как у него так вышло, но гном, похоже, крепко разобрался в консервировании демонов.

– Меня потом тоже на полку поставят? – уныло спросила она, поглощая зеленую дрянь. Та оказалась безвкусной, но не противной.

– Конечно, – кивнул Артубба. – Причем вот в этот шкафчик, особый. Тут я держу высших демонов.

– Поэтому он заперт на ключ? Чтоб не сбежали?

– Нет, чтоб не крали. Знаете, сколько несунув развелось? И все тянут руки именно к самым лучшим демонам! Кстати, Майно, убери-ка руки.

– Да не трогаю я ничего! – возмутился Дегатти.

– *Слушай, Янгфанхофен, а тебе не кажется, что ты повторяешься?* – спросил Бельзедор. – *В предыдущей истории Пазузу продавали, тут вот Лахджу...*

– *Ну что поделать, если в обществе процветает работоторговля?* – пожал плечами Янгфанхофен. – *Поневоле будешь повторяться. Я же ничего не выдумываю.*

– *Насчет той истории не знаю, но в этой он пока ничего не выдумал,* – подтвердил Дегатти. – *Только приукрасил кое-где.*

Дегатти и Артубба не сошлись в цене. Первый хотел двойную или хотя бы полуторную ставку. Второй соглашался надбавить процентов десять – причем большую часть собирался просто зачесть в счет долга. Майно Дегатти был в кредитах по самые уши.

– ...А насчет пятнадцатого класса – это еще проверить надо! – махал сморщенным пальчиком Артубба. – Ты, Майно, ушлый!.. Ты мне один раз уже пытался шука за бушука всучить!

– Да это шутка была! Шутка!

– Шутки ему все. Шуточки. Я твоих шуток, Майно, не понимаю. В Карцерике, может, и поймут, а я не понимаю. Я старый гном, Майно, я...

– Тебе шестьсот лет с хвостиком! – перебил Дегатти. – Для гнома это вообще не возраст! У тебя седых волос еще нет!

– От общения с тобой они прибавляются, Майно, они каждый раз прибавляются! Твое последнее слово!

– Короче, – рубанул ладонью Дегатти. – Тысяча орбов. И забирай.

– Майно, я не дам тебе тысячу орбов, – потер переносицу Артубба. – Я дам тебе... шестьсот. Сколько мне лет, столько орбов тебе и дам. Причем на руки только двести, потому что ты уже должен мне четыреста!

– Да ты же ее в своей лавке выставишь минимум тысячи за полторы! – возмутился Дегатти.

– Ну и выставлю. И будет она стоять на полке годами. Ты думаешь, на такой товар легко найти покупателей? Она же у тебя не покоренная, нет?..

– Нет...

– Ну и?.. Список ее способностей я посмотрел, хорошие способности. Но ее же усмирять надо! Или договариваться! У меня такие веками иногда стоят непроданными, потому что не нужны они никому! Бери шестьсот, пока я добрый.

– А, ну тебя! – разозлился Дегатти. – Найду кого поговорчивей!

Он схватил вазу – и Лахджа чуть приободрилась. Она с опаской поглядела на гнома – но тот, кажется, не слишком расстроился. Даже не подумал прибавить еще хоть полсотни.

Это Лахджу почему-то задело.

– Продашь – не забудь должок занести! – крикнул им вслед Артубба.

Снова мрачный волшебник шагал по улицам Валестры. Лахджа тихонько сидела в вазе. Ее обуревали смешанные чувства – в основном жажда убийства, но и отчасти сочувствие. Ей стало чуточку жалко Дегатти... хотя он сам, конечно, виноват во всех своих проблемах. Никто его не заставлял совать голову в пасть демонам и делать непомерные долги... кстати, почему он их наделал столько, интересно? Не на прокорм же зверью.

– Если дело только в деньгах... – осторожно сказала Лахджа. – Знаешь, есть один бушук... думаю, он меня выкупит...

Дегатти ничего не ответил. Он толкнул очередную дверь – и вошел в просторный офис. Декорированный в пещерном стиле, с растущими на потолке сталактитами, но при этом мягкими диванами. Все стены были увешаны портретами – от них просто рябило в глазах. Самые разные люди, эльфы, тролли, демоны, драконы, великаны, другие разумные индивиды и вообще непонятные существа.

– Вератор!.. – окликнул Дегатти. – Где ты, храков орчара?!

Хозяин заведения отыскался в самом дальнем конце, за огромным письменным столом. Сидел там, писал что-то в толстой тетради – а на него орал какой-то разодетый толстяк.

– Это мой сын, ярить! – стукнул он по столу. – Какого кира ты меня не известил?!

– Ваш сын совершеннолетний, мессир Арми, – холодно сказал Вератор. – Он заключил со мной контракт. Теперь мы с ним друзья. Извините уж.

– Разорви его, тупой недоносок!

– Почему?

– Потому что... потому что я так сказал!

– Мессир Арми, я понимаю, у себя на родине вы привыкли так решать вопросы, но здесь Мистерия. Договоры важны. Ваш сын – дееспособное лицо, я дал ему перстень, он его принял. Если он сам пожелает разорвать договор – мы это обсудим. С ним. А с вами мне говорить не о чем.

Толстяк аж побагровел от ярости. Он схватил Вератора за воротник, дернул из-за стола – но тот шевельнул бровью, и рядом вырос огромного роста тролль. Кажется, его оторвали от чего-то важного – портки были спущены ниже колен.

– Ы!.. – рявкнул он. – Мир те, Вератор!.. Што мне сдерлать?! Кого избить?!

– Вот его, – указал Вератор. – Только сперва надень штаны. И не бей его – просто покажи выход.

Мессира Арми проволокли к выходу в весьма унижительной позе. Вератор поправил воротник и приветливо улыбнулся Дегатти. Тот уселся напротив и поставил на стол вазу.

– Спасибо, – кивнул тот. – Хотя не совсем в моем вкусе. Я не люблю абстракции.

– Это не подарок, – ответил Дегатти. – Просто решил, что ты заинтересуешься.

Лахджа с напряженным любопытством разглядывала этого Вератора. Одет он был куда лучше Дегатти. В отутюженном костюме с иголки – очень дорогая на вид ткань, прекрасный покрой. Идеальный пробор, удивительно ровные ногти, аккуратно расчесанные усы.

Орк-метросексуал. Удивительное зрелище.

Хотя... он, кажется, и не орк вовсе. Или не совсем орк. Слишком бледный для орка, слишком тонкие черты лица. Словно его матушка согрешила с человеком... или даже эльфом, судя по ушам.

– Кстати, не успел поздравить, – сказал Дегатти, пока Вератор наливал ему чай. – Ты же вторую степень в том году получил.

– Было дело, спасибо, – скромно кивнул Вератор.

– Ого, у вас премия Бриара второй степени? – удивилась Лахджа.

– Честно говоря, не очень заслуженная, – чуть ревниво сказал Дегатти. – Просто у Вератора очень много друзей.

– Ты оскорбил меня сейчас, Майно Дегатти, – печально сказал Вератор. – Обидел до глубины души. Но я не держу зла, потому что мы с тобой друзья. И можем стать еще более близкими друзьями, если захочешь.

– Нет, не хочу, – быстро отказался Дегатти. – А вот она, может быть, захочет.

Лахджа в вазе невнятно заворочалась и буркнула:

– Единственное, что я захочу – это разодрать тебе хлебало, когда вырвусь. И разговор у вас гейский какой-то.

– Нет-нет, ты неправильно поняла, – хмыкнул Дегатти. – Просто Вератор – дружбамаг.

– Звучит как диагноз. Это что вообще?..

– Магия дружбы, – учтиво ответил Вератор. – Все очень просто – мы становимся друзьями, между нами образуется магическая связь, и мы помогаем друг другу.

– Я тебе, а ты мне?

– А также все остальные мои друзья. Если проблема у тебя – я прихожу на помощь или присылаю кого-то из друзей. Если проблема у меня или кого-то из других друзей – на помощь приходишь ты.

– Кажется удобным.

– Это удобно. Но это палка о двух концах, – сказал Дегатти. – Ты сможешь вызывать себе на помощь друзей Вератора, да. Но тебе тоже придется ходить на вызовы. Тебя в любой момент смогут дергать. Заставлять делать всякое. Вератор жадный, он все подсчитывает и за каждый вызов потом заставит расплачиваться. И еще свой процент содрать не забудет.

– Знаешь, обидно, – заметил Вератор.

– Но у него все-таки крупнейшая дружбосеть в мире, поэтому там многие состоят. На любой вкус – от боевых драконов до ландшафтных дизайнеров. Даже из нашего ученого совета кое-кто есть.

– И ты решил меня ему заложить? – вздохнула Лахджа.

– Именно. Что, Вератор, дашь за нее тысячу орбов?

Дружбамаг поднялся из-за стола и наклонился над вазой с демоницей. Осмотрел ее примерно так же, как до этого Артубба.

– Тысячу... – медленно повторил он. – Это должно быть нечто впечатляющее, раз ты столько запрашиваешь.

– Титулованная, из Паргорона, – заявил Дегатти. – Метаморф. Тринадцать мощнейших Сущностей.

– Видел бы ты, какие я ложки создаю! – похвасталась Лахджа.

– Цыц мне там, – шелкнул вазу Дегатти. – Берешь?

– Ложки – это, конечно, соблазнительно, – покивал Вератор. – Но ты слишком заламываешь, Майно. Тысяча орбов... Ты подвергаешь нашу дружбу суровому испытанию. Сколько лет она будет потом это отрабатывать?

– Ну и напрягай ее по-всякому. Она много чего умеет. В самых разных областях.

– Врет, как дышит! – подала голос Лахджа. – Я жена Темного Балаганщика! Мы там все избалованные дуры – только жрать умеем, да на диване валяться!

– Да не порть ты сама себе! – взвыл Дегатти. – Мы все останемся в выигрыше!

– Это как? – не поняла демоница.

– Я получу деньги. Ты получишь свободу. А Вератор получит нового друга. Он просто будет время от времени поручать тебе ну вот совсем ни капли не обременительные задачки.

– А, как тому троллю, который даже задницу подтереть не успел? – догадалась Лахджа. – Нет уж, спасибо. Как-нибудь без вашей дружбы обойдусь, мэтр Вератор.

– Майно, она не хочет со мной дружить, – пожал плечами Вератор. – Да и я не очень хочу – за такую цену. Я понятия не имею, что от нее ждать. Вдруг она не отработает и десятой части? Майно, я дам тебе двести... ну, двести пятьдесят.

– Да это же еще меньше, чем Артубба! – разозлился Дегатти.

Лахджа тихонько хрюкала от смеха.

– Майно, ты лучше сам давай руку на дружбу, – протянул ладонь Вератор. – Ну что ты ломаешься? В четвертый раз предлагаю.

– А я в четвертый раз отказываюсь, – отрубил Дегатти. – Мне своего зверинца хватит.

До вечера Дегатти обошел еще нескольких торговцев живым товаром. Везде он запрашивал всю ту же тысячу орбов – и везде получал отказ. Кто-то предлагал ему три сотни, кто-то – четыре, но даже шестьсот орбов Артуббы больше никто не предложил. Да и тот, как поняла Лахджа, посулил так много только потому, что не чаял иначе вернуть ту гору бабла, что Дегатти ему задолжал.

За этот день Лахджа усвоила две вещи. Первое: у демонов в Мистерии нет собственных прав. Пленных демонов можно продавать и покупать, как животных. Это нормально, преступлением не считается.

В то же время любой демон может такие права занять. Для этого достаточно найти волшебника-поручителя, зарегистрироваться и получить паспорт волшебного существа. После этого ходи по Мистерии, как по своему огороду, никто косога взгляда не кинет. Но поручитель теперь за тебя отвечает, и если что-то нарушишь ты – расплачиваться будете оба.

Второе, что она поняла: курс мистерийского орба чрезвычайно высок. Лахджа не уверена была, чему он равен в паргоронских условиях или деньгах ее родного мира, но тысяча орбов – это громадные деньги. В одной лавке она видела первоклассного мультифункционального голема – тот стоил всего пятьдесят орбов. В другой продавалась загнанная в колбу живая ларитра – и цена ей была двести орбов.

Так что на запрашиваемую Дегатти тысячу не соглашался никто. А он упрямо отказывался сбавить хоть орб.

Они вернулись в кошель только поздно вечером. Енот подал ужин, Дегатти мрачно ел, а Лахджа тихонько скреблась в стекло.

Ей тоже хотелось кушать.

Дегатти посмотрел в ее жалобные глаза, вздохнул и спросил:

– Если я тебя выпущу, не будешь больше мебель ломать?

– Да, пожалуйста, не надо! – взмолился енот.

Похоже, он весь день горбатился, наводя порядок. И все равно стекла в серванте заменить не успел.

– Не буду, – виновато сказала Лахджа.

– А меня убивать не будешь? И под «меня» я имею в виду и фамиллиаров тоже.

– Не буду. Выпусти.

Дегатти снова вздохнул и вытащил пробку.

Следующие десять минут за столом царило напряженное молчание. Лахджа ела, Дегатти ел, фамиллиары тоже ели. У кота и енота оказались собственные высокие стульчики, попугай устроился на специальной жердочке, а змея высовывалась иногда из рукава Дегатти. Псу хватало роста, чтобы сидеть на полу, а коня кормили отдельно – у него было собственное стойло где-то в недрах квартиры.

– Может, не надо меня продавать? – наконец попросила Лахджа.

– Не надо, – вяло согласился Дегатти. – Все равно тысячу никто не даст, а пара сотен меня не выручит...

– Ну и отпусти меня тогда просто, а?..

– Хм... – поднял голову волшебник. У него вдруг задорно заблестели глаза. – А как насчет... сделки?..

– Сделки?..

– Пари, если хочешь. Мы сейчас... сыграем на твою свободу. Побеждаешь ты – идешь куда хочешь. Побеждаю я – ты моя собственность и сбежать больше не пытаешься.

– Мне не нравится ход твоих мыслей, – прищурилась Лахджа. – А что за игра?

– Можно в манору. Умеешь?

– Нет. Даже не знаю такой игры.

– А какие знаешь? Из таких, чтоб для двоих и в помещении.

– Шахматы. Шашки. Покер. Скрэбл. «Скажи иначе». «Звезда Африки»... хотя вряд ли у тебя найдутся доски и фишки... – сказала Лахджа, разглядывая сервант. – Еще «Съедобное и несъедобное»... это такая паргоронская игра, тебе не понравится. Дженгу знаю...

– Что за дженга?

– Такая игра с маленькими дощечками. Строим из них башенку, а потом по очереди вынимаем по одной из середины и кладем на самый верх. У кого башенка развалится, тот и проиграл.

– А, башенка! – обрадовался Дегатти. – В моем мире ее тоже знают. Только у нас играют не дощечками, а специальными жетонами. Иногда монетами.

Енот уже вытащил из серванта коробку. Лахджа открыла ее и пошевелила пальцем жетоны. Они выглядели иначе, чем бруски для дженги. Металлические, все немного разной формы, но в целом почти круглые.

– То есть их надо просто класть друг на друга? – спросила она.

– Да, по очереди. У кого упало, тот проиграл.

– Примитивно как-то.

– Так детская игра же. Еще пьяные ее почему-то любят. Играем?

– Давай. Только если я проиграю, договор не безвременный. Один день.

– Один день?! Э, ну нет! – запротестовал Дегатти. – Я рассчитывал хотя бы на десять лет!

– Ты вот так годами чужой жизни раскидываешься? Десять лет отдать тебе на служение?

– Так ты же бессмертная.

– Это да, но молодость ума, знаешь ли, вечно не продлится.

– Дури кого-нибудь другого, а? – устало сказал Дегатти. – Ну не десять лет, так хотя бы три.

– Без обид, но мне рожать через полгода. Я не хочу, чтобы мой ребенок родился в рабстве у какого-то хмыря. Я согласна на один месяц, но это все.

– Месяц – это сколько?

– Одну луну.

– То есть двадцать шесть дней. Не, несерьезно. Давай полгода. Как раз пока не родишь.

– Тогда я сама найду выход из твоей халупы! Вентиляция же у тебя тут есть откуда-то!

Вот ее я и найду!

– Можешь не искать, она под ковром, – насмешливо ответил Дегатти.

Лахджа тут же откинула край ковра и уставилась на испещренный рунами пол.

– Обновляющая воздух гексаграмма, – пояснил волшебник. – Мне один приятель недорого сделал. В замкнутых подпространствах такие часто ставят.

– Туше, – признала Лахджа. – Ладно, согласна на три месяца... луны. И только если проиграю. И ты все равно от меня ничего полезного не получишь.

– Хм...

– Может, лучше не на время, а на желания? Давай три желания – и в расчете?

– Идет, – подумав, согласился Дегатти. – Условия какие-нибудь выставишь?

– Да. Спасибо, что спросил. Никакого интима, никакого закабаления, никакого насилия по отношению ко мне и ничего такого, после чего вся Мистерия захочет моей крови. Ну сам понимаешь.

– Справедливо. Как даме – тебе первый ход.

Это оказалась не дженга. Вообще не дженга. Жетоны не надо было вынимать – просто ставить друг на друга, строя все более высокую колонну. В коробке их было полным-полно, но сразу стало понятно – без клея или магии башенка рухнет задолго до того, как те закончатся.

– Это не дженга, – мрачно сказала Лахджа, когда после очередного ее хода башенка рухнула.

– С тебя три желания, – довольно сгреб жетоны в коробку Дегатти.

– Ладно, только ты сразу учти – я не так уж много могу исполнить. Я не бушук и не гхьетшедарий. Я не могу просто щелкнуть пальцами и наколдовать что захочешь. Я... ну, я ближе к гохерримам. Больше по грубой силе.

– Это я уже понял, – кивнул Дегатти.

Он напряженно думал.

Енот пихнул ноги Лахджи шваброй. Ему не нужно было убирать именно в этом месте, но его раздражала разрушительная демоница.

Лахджа переместилась на диван и подобрала ноги. Но енот продолжал недовольно пыхтеть.

С ним отношения как-то не заладились. И это очень жаль, потому что он тут – главный податель еды.

А Дегатти ходил по гостиной и размышлял. Даже если бы Лахджа была бушуком или гхьетшедарием – наколдованное золото ему бы не помогло. Ни один его кредитор такое не примет.

В общем-то, станет только хуже – могут и в магиозы записать.

А нормальных денег у демоницы с собой нет. И отпускать ее за ними в Паргорон опасно – даже с заключенным договором.

– Пошли, – наконец сказал волшебник. – Только оденься во что-нибудь.

Лахджа не видела в этом особой нужды, но безропотно согласилась. У Дегатти нашлось неплохое шелковое сари – он признался, что покупал его в подарок одной девушке, но... не пригодилось.

– А куда мы идем? – спросила демоница, когда они снова покинули как кошель, так и дом с квартирами-чуланами.

– Туда, где ты исполнишь мое первое желание.

– Это какое?

– Помочь мне выиграть денег.

– Выиграть?.. В казино?..

– В игорный дом.

– Ага... ну, у меня есть Ме Отслеживания... – медленно кивнула Лахджа. – В принципе, я могу находить так карты или...

Дегатти глянул так, словно услышал плохую шутку. А когда они вошли в игорный дом, стало ясно, почему.

Здесь играли не в карты, не в кости и не в рулетку. Вообще ни в одну из обывательских игр. Волшебники играли в манору – логическую игру, в которой сплетались мановые узоры. В просторном, но полутемном помещении сидело с полсотни пар, из рук в руки переходили монеты, по проходам расхаживали девушки с напитками, и поднимался в воздух дым.

Курили очень многие.

– Правила знаешь? – спросил Дегатти.

– Разумеется... нет.

– А, точно, ты же говорила... Тогда сыграем пробный кон, – сел за свободный стол Дегатти. – В первый раз все проигрывают, так что не переживай.

Большая часть стола была пуста. Но перед каждым игроком было шесть выемок – в одной лежала земля, в другой плескалась вода, в третьей горела свечка, четвертая пустовала, в пятой рос цветок, а шестую заполнял могильный прах.

– Земля, вода, воздух, огонь, жизнь и смерть, – провел рукой Дегатти. – Шесть самых распространенных видов маны. Использовать можно любую. Ходы делаем по очереди.

– Так. Пока все понятно. Только... я не умею использовать ману.

Дегатти запнулся и растерянно посмотрел на Лахджу. Кажется, сам он колдовал так давно, что уже плохо представлял, как это – не уметь использовать ману.

– Я демон, – участливо напомнила Лахджа. – Я использую демоническую силу. Мне не нужна мана, я просто... желаю чего-то, вот и все.

– Да я знаю, как она работает... – поморщился Дегатти. – Ладно, ладно. Сейчас что-нибудь придумаю...

Он принялся ожесточенно тереть виски. А затем достал трубку и нервно закурил.

– Слушай, откуда у тебя вообще проблемы с деньгами? – спросила Лахджа. – Ты же волшебник. И не из последних. Вы все чудные и богатые, я слышала.

– Не все, к сожалению...

– О, Дегатти! – остановился у стола какой-то пузатый орк. – Вернулся за реваншем? Мэтресс, вы с ним лучше не играйте.

– А что такое? – заинтересовалась Лахджа.

– Так это ж Дегатти. Жулик он. Отчаявшийся человек. Он тут уже всем задолжал, с ним больше никто не играет. Ему и поставить-то больше нечего.

– Звиркудын, отвяжись! – огрызнулся Дегатти. – Я еще отыграюсь!

– Дегатти, ты всегда так говоришь. Прими уже: манора – это не твое. Ты даже моей внучке проиграл, а ей двенадцать лет.

Лахджа изумленно посмотрела на Дегатти. Так он лудоман. Что ж, это объясняет вечные проблемы с деньгами.

Орк, посмеиваясь, двинулся дальше – искать партнера получше. А демоница вздохнула, положила осунувшемуся Дегатти ладонь на руку и сказала:

– Если ты лудоман, я могу попробовать тебя вылечить. Хочешь сеанс психотерапии? Я умею.

– Нет, – отказался Дегатти. – Я поставлю на кон... тебя.

– Э, чего ты начинаешь-то сразу?!

– А если я проиграю – ты от него сбежишь и вернешься ко мне.

- Если получится, то сбегу, конечно... но с чего ты решил, что я к тебе потом вернусь?
- Так теперь ты принадлежишь мне, пока не исполнишь последнее желание.
- Принести стакан воды к твоему смертному одру? Это долго ждать...

Дегатти вздохнул. Его обуревали сомнения.

А к столу подошел еще один типчик. На этот раз гном... а, нет, лепреккон. Попыхивая пеньковой трубочкой, он уже шагнул к выходу – но резко повернул, услышав обрывок разговора.

– Мир вам, мэтр Дегатти, – вкрадчиво произнес он. – Я правильно понимаю, что вы хотите поставить на кон этого демона?

– Фу, лепреккон, – невольно отстранилась Лахджа. – Уйди. Уйди отсюда.

Она почему-то недолюбливала лепреконов. Какие-то они неприятные. Обманчиво похожие на бушукон, болезненно жадные до золота, но при этом не демоны... формально.

Презренные существа.

– Я согласен сыграть против пятисот орбов, – аж облизнулся на нее лепреккон.

– Она стоит тысячу, – по привычке сказал Дегатти.

– Согласен и против тысячи!

– Что?..

– Давайте сыграем, мэтр Дегатти! Чем вы рискуете?

– А зачем она вам, мэтр Сталеклык?

– А это уж мое дело, – хищно ухмыльнулся лепреккон. – Играем?

– Не надо, – попросила Лахджа. – Ты же проиграешь.

– Но вдруг нет! – поспешил сказать лепреккон.

– Слушай, давай я просто тебе кучу денег найду! – зашепила Лахджа. – Легально! Без всяких «вдруг»! Я знаю, где затонул один клад!

– Так-так... – заинтересовался Сталеклык. – А где?..

– А это уже не твое дело, – встал из-за стола Дегатти. – Это уже наши дела.

Лепреккон потом еще полквартала тащился за ними и уговаривал взять в долю. Но Лахдже иметь с ним дело не хотелось, и Дегатти, похоже, тоже. Явно же мутный тип.

– Так что там насчет клада? – спросил Дегатти, когда разочарованный Сталеклык наконец отвязался. – Ты же не солгала, надеюсь?

– Это будет первым желанием? – осведомилась Лахджа. – Просто не хочу неясностей.

– Да-да, это будет первым желанием, – поморщился Дегатти. – Давай без формальностей.

– Ты уже пытался меня и продать, и на кон поставить. Формальности будут.

– Хорошо. Где клад?

– Строго говоря, это не клад...

Дегатти закатил глаза и застонал.

– ...Это затонувший корабль. Но золото там есть, лично видела.

– Хорошо... – медленно сказал Дегатти. – Я не стану спрашивать, как затонул этот корабль и откуда ты о нем знаешь. Если там достаточно золота – мы будем в расчете.

Они отправились уже наутро. Лахдже не терпелось развязаться с этой мелкой проблемой, да и Дегатти хотел побыстрее запустить руки в золотые монеты. Настоящие. Не наколдованные, не призванные, не иллюзорные, ни у кого не украденные.

Легитимные с точки зрения Мистерии.

В обычное время демоница сама по себе могла перемещаться быстрее почти любого существа. Но из-за чужеродного организма внутри превратиться полностью не получалось, отрастить нормальные действующие крылья не выходило. Пришлось лететь с Дегатти – либо сзади на коне, либо внутри кошеля, пока Дегатти... опять же на коне.

Хороший конь оказался. Быстрый. Лахджа уже убедилась в этом во время охоты, а теперь оценила повторно. С легкой толикой хвастовства, явно гордясь своим фамилиаром, Дегатти

рассказал, что это и прежде был один из самых резвых рысаков, а теперь он бежит быстрее ветра, движется по воздуху и даже перемещается между мирами.

Сейчас он скакал среди волн. Прямо по бушующему океану, отталкиваясь от бурунов, как от холмиков. Вокруг пенилась вода, хвост и грива развевались, в лицо летели брызги, и волшебник почти что танцевал на конской спине.

Поводьев он не держал. Их тут и не было – Дегатти вошел со своим конем в унисон, они слышали даже не слова, а мысли друг друга.

Потому и сбруя почти не использовалась. Только седло, чтобы удобней сидеть.

Причем в данный момент – двойное. Лахджа и не знала, что такие существуют – а поди ж ты. О своих фамиллиарах Дегатти заботился с трогательной нежностью, не жалел для них ничего – и у коня скопилась целая коллекция украшений. Какие-то шнуры, цепочки, кисти, вплетаемые в гриву и хвост жетоны, цветные ленты, султаны...

И полный комплект седел. На все случаи жизни, в том числе – и если придется везти двоих. Выносив был фамиллиар чудовищно, а поднять мог, кажется, целого слона.

– А что умеют остальные фамиллиары? – спросила Лахджа, когда они остановились пообедать. Дегатти дождался небольшого островка, спрятал в дупле дерева свой кошель – и нырнул туда вместе с конем и демоницей. Енот уже накрывал на стол.

– Рад, что ты спросила! – оживился Дегатти.

Кажется, ему страшно хотелось рассказать подробнее.

Енот оказался так называемым бытовым фамиллиаром. Он работал по дому. Стряпал, стирал, драил все до блеска, обслуживал своего человека и остальных фамиллиаров. Магия у него была соответствующая, бытовая. Мелкая в основном, но очень полезная.

Пес, напротив, был боевым фамиллиаром. Он мог довольно сильно увеличиваться, отращивать дополнительные головы, изрыгать огонь и мороз, покрываться броней или иглами. Обладал страшной остроты клыками, мог растягивать пасти, перегрызать даже сталь.

Кот был фамиллиаром целительным. Своими мелодичными вибрациями он производил настройку и очистку организма своего человека и тех, за кого тот просил. Сращивал раны, выводил скверну, убивал заразу, лечил отравления. Мог даже воскресить, если смерть случилась только что.

Попугай был фамиллиаром-справочником. Он хранил в голове настоящую бездну информации и помнил все, что когда-либо видели и слышали сам Дегатти и остальные фамиллиары.

Рыбка служила так называемым фамиллиаром-накопителем – постоянно собирала извне ману и передавала ее своему человеку. Также она подменяла коня, если Дегатти вдруг путешествовал под водой.

Змея была секретным оружием Дегатти. Он носил ее в рукаве и использовал в крайних ситуациях. Ее яд, как Лахджа уже убедилась, выводил из строя даже бессмертных, хотя и не навсегда. Любого смертного же она легко могла парализовать, усыпить... и, конечно, убить.

– Секретное оружие? – с иронией переспросила Лахджа. – А ты каждому встречному о нем рассказываешь? Знаешь, секреты работают немного не так.

– Да ты все равно ее уже видела, – поджал губы Дегатти.

– Все равно тебе бы стоило так-то уж не болтать. Мало ли – вдруг я ужасная сплетница и всем теперь этот секрет расскажу? Будем мы вместе на балу, а я начну людям в уши шептать: видите, у Дегатти в рукаве выпуклость? Вы не думайте, что он опять столовое серебро крадет. Просто он там прячет своего змея.

– В тебе яда больше, чем в этом крохотном создании, – недовольно отпарировал Дегатти. – И почему «опять»? Я в жизни столового серебра не крал.

– Ты это не мне рассказывай, а агентам Кустодиана.

Про неодушевленных фамиллиаров Дегатти после этого говорил уже неохотно. Впрочем, они и в целом были попроще, да и по сути мало отличались от артефактов. Их всего лишь не мог использовать никто другой – они тоже обладали толикой разума.

Меч сам сражался и мог перерубить почти что угодно. Первоклассный клинок, не уступающий гохерримским.

Плащ исполнял защитные функции. От мороза, от зноя, от непогоды – и от порчи, от вредных заклинаний. Мог отбить и удар клинка – был прочней любой кольчуги. Мог и невидимым тоже сделать.

Ну а про кошель Лахджа уже все поняла.

– Ничего себе у вас тут большая семья, – подивилась она. – А как их всех зовут?

– Кота – Снежок, – пожал плечами Дегатти. – А остальных – никак.

– Почему?

– А зачем фамиллиарам имена?

– Э-э... а нам с тобой зачем?

– Так мы-то люди... человек и демон. А они фамиллиары.

– И?..

– Имя нужно для того, чтобы кого-то позвать. Вербально. Голосом. А мне достаточно отдать мысленную команду. Я могу общаться отдельно с каждым из своих фамиллиаров, и могу общаться сразу со всеми – и каждый будет понимать, к кому я обращаюсь.

– А у кота тогда почему имя есть?

– Он очень настаивал.

– А остальным нельзя дать, что ли?

– Зачем? Фамиллиарам обычно не дают имен.

– Но я-то не могу общаться с ними мысленно, – возразила Лахджа. – Я им тогда сама имена придумую. Можно?

– Делай, что хочешь, – отмахнулся Дегатти.

После обеда он продолжил скачку – но теперь один. Лахдже поднадоело трястись в седле и она осталась внутри кошеля. Сначала как следует вздремнула, потом осмотрела квартиру, не обращая внимания на ходящего по пятам енота. Тот следил, чтоб демоница ничего не украла и не сломала.

А когда Лахджа снова плюхнулась в кресло, ее колена коснулся мокрый нос.

– Есть хочешь? – спросила Лахджа.

Она-то уже хотела.

– Нет, – ответил пес. – Можно мне первому?

– Что? – не поняла Лахджа.

– Имя. Я хочу имя.

– У хозяина-то стеснялся попросить? – с пониманием посмотрела Лахджа. – Ладно. Хочешь быть Пончиком?

– Нет! – возмутился пес, чуть увеличиваясь в размерах.

– Зря, красивое имя. Ладно, тогда Цербер... хотя нет, банально. Тифон. Будешь Тифоном?

Пес подумал, покатал имя во рту и кивнул. И даже позволил Лахдже почесать себя за ухом.

– А ты совсем и не злой, – с легким удивлением заметила та, расчесывая густую шерсть. – А чего хозяина не защищал, пока его гохерримы рубили?

– Я не такой быстрый, как конь, – стыдливо ответил пес. – Человек меня сразу в кошель отправил.

– Кстати о коне, – нависла над плечом Лахджи лошадиная морда. – Если у пса есть имя, я тоже хочу.

– А вы разве уже вернулись? – удивилась демоница.
– Я вернулся, – ответил конь. – Человек остановился в караван-сараяе. Играет в манору.
– Да чтоб его!.. – возмутилась Лахджа. – Я тут, понимаешь, имена его зверинцу придумываю, а он там опять играть сел!

– А зачем им всем имена? – ревниво спросил кот Снежок. – Они же не люди и не коты.
– Ладно... ладно... – задумалась демоница.

Она вспоминала все конские клички, которые когда-либо слышала. Буцефал, Пегас, Слейпнир, Черный Красавчик... в животе бурчало, мешая думать. Вот вроде и недавно ела, а опять хочется.

– Я назову тебя... Чеснок, – сказала она.

– Нет! – возмутился конь.

– Ладно, тогда... Сельдерей.

– Нет!

– Тогда... Огурец. Быстроногий скакун Огурец.

– Ты издеваешься? – обиделся конь. – Давай нормальное. И без овощей.

У Лахджи снова заурчало в животе.

– Ладно, – покорно сказала она. – Буран?... Тайфун?..

– Слишком банально, – отказался конь. – Я хочу что-нибудь... такое... необычное.

– Необычное ты сам давно мог бы себе придумать. Или хозяин твой. А теперь бери, что дают.

– Ну пожалуйста!..

– Ладно... Как насчет... Сервелат?

– Вот, – медленно кивнул конь. – Красивое имя. Мне нравится. Что оно означает?

– Ну... в моем родном мире так называют коней... заслуженных... которые... уходят в отпуск...

– Мне нравится.

– Мне тоже, – сказал пес. – Мир тебе, Сервелат.

– Мир тебе, Тифон, – кивнул конь.

Лахдже стало чуть-чуть неловко. Она понадеялась, что свалит отсюда до того, как Сервелат выяснит, что на самом деле означает его новое имя.

Но Дегатти все еще был снаружи. А есть хотелось все сильнее. Она снова попыталась применить Зов Еды, но внутри кошеля-фамиллиара это Ме по-прежнему не действовало.

Вздыхнув, демоница посмотрела на енота и попросила:

– А можно мне что-нибудь покушать? Только нормальное. Не сырную нарезку. Супчика или мяса. Я бы сейчас лошадь съела...

Сервелат осторожно отступил в коридор. А енот вздохнул и поплелся на кухню. Лахджа решила пока что придумать ему особенно красивое имя. Поддерживать хорошие отношения с поваром – это всегда мудро.

Рыбку в аквариуме она пока так и не увидела. Неодушевленным фамиллиарам имена явно не нужны. Так что остаются только змея и попугай... и попугай как раз уселся на подлокотник кресла. Повертел головой, глядя очень умными, совершенно не птичьими глазами, и предупредил:

– Учти, я знаю, что такое сер-рвелат.

– А что ж ты коню не сказал?

– А зачем? Ему же понравилось. Но мне ты имя пр-ридумаешь получше.

Вот теперь Лахджа особенно надолго задумалась. Взгляд бегал по фамиллиарам, по мебели, по книжным полкам... она встала и принялась рассматривать корешки. Дегатти собрал у себя в кошеле неплохую коллекцию – исторические труды, научно-магические, классическая литература... причем не только парифатская, было кое-что и из других миров.

Нашлась даже книжка про Паргорон. Очень старая, с выцветшей обложкой. Лахджа полистала ее, хрюкнула несколько раз от смеха и поставила обратно. Клюква же. Тот, кто это писал, в Паргороне точно ни разу не был и знал о нем в лучшем случае понаслышке.

– Имя, – напомнил о себе попугай. – Пр-ридумай имя для птицы.

– А ты самец или самка? – спросила Лахджа.

– Мы все тут самцы, – ответил попугай. – Даже мамба.

– Кто?..

– Змея. Пор-рода – зеленая мамба.

– Ясно, сугубо мужская компания... Джентльменский клуб... Ладно... как насчет... Коршун?..

– Называть птицу названием др-ругой птицы – дур-рной вкус, кр-ра-а!..

– Ишь ты, какие мы важные. Тогда... не знаю... Люцифер?..

– Имя вер-рховного владыки одного из близлежащих Темных мир-ров. Нежелательно. Нежелательно.

– Ну так придумай сам, если такой умный!

– Я фамиллиар-р-спр-равочник. Я не умею пр-ридумывать.

– Ну хорошо. Карл?.. Коко?.. Тапани?.. Матти?..

– Мне нр-равится Матти, – милостиво кивнул попугай.

Енот вернулся, когда уже стало подводить живот. Принес жареную яичницу с беконом.

Лахджа просила суп или мясо. Она думала, что он все это время варил, парил, запекал в духовке... короче, с толком проводил время.

А он, похоже, просто пошел по своим делам, и где-то на обратном пути смастрячил яичницу. Вкусную... да, очень вкусную. Но почему так долго? Это же дело пяти минут.

– Я придумала тебе имя, – сказала Лахджа, наматывая бекон на вилку. – Ты будешь Ихалайнен.

Енот Ихалайнен посмотрел на нее так, как умеют смотреть только еноты. Подозрительно и с неприязнью.

Но новое имя принял стоически.

Теперь осталась только змея, которая зеленая мамба. Но она, кажется, не была заинтересована. Фамиллиар-рептилия вообще не стремилась общаться с демоницей.

– А тебе надо имя? – окликнула ее Лахджа, когда Дегатти наконец вернулся и начал ее кормить.

– Не надо, – отказалась змея.

– Ну ладно. Перестанешь стесняться – я тут... пока что.

Они достигли прибрежных вод Фантарии только на пятый день. От Мистерии это очень далеко, почти на другом конце мира. Именно здесь, в открытом море, приютился Тхай-Тхий-Тхагекаш – маленькая страна блрков, жидких разумных существ. Лет пять назад у Лахджи были тут приключения, во время которых она нечаянно потопила один корабль... пиратский! Он был пиратским!

Хотя как нечаянно... Она там устроила резню. И корабль утопила сама, ладно.

Но это были пираты. Пиратов можно.

– Это сейчас мысли Лахджи, или ты сам ее оправдываешь? – осведомился Дегатти.

– В ее мысли я залезть не могу, сам понимаешь, – объяснил Янгфанхофен. – Но, думаю, я близок к истине. Она у нас, видишь ли, немного с приветом. Совестьливый демон. Бывает такое у обращенных, когда остается что-то от прежней личности. Со временем обычно проходит.

– Ты говоришь про совесть, как про какой-то прыщ, – мрачно сказал Дегатти.

Клад пришлось поискать. С тех пор минуло пять лет, Лахджа помнила место только приблизительно, да корабль еще и угодил в расщелину. В Тхай-Тхий-Тхагекаше дно ими просто испещрено – кругом сплошные трещины и гейзеры.

Блррки любят тепло. Они потому и встречаются так редко, что в холодной воде им некомфортно. Жить еще могут, а вот растить детей уже никак.

Кошель оставили на острове в самом центре Тхай-Тхий-Тхагекаша и начали подводные вылазки. Дегатти напялил дыхатель и предложил второй Лахдже, но та вежливо отказалась. Свободно дышать она могла в любой стихии.

Вместо коня волшебник в этот раз приспособил рыбку. В аквариуме та выглядела крохотной, размером с аквариумную, но когда ее выпустили в океан – выросла размером с белугу. Дегатти ухватился за нее, как за подводный скутер, и пошел за Лахджой в глубину.

Процесс затянулся. Первые дни они бороздили дно усердно, но потом стали все больше отлынивать. Причем оба, как-то не сговариваясь. Почти все фамиллиары тоже выбрались из кошеля, обустроили на пляже временный лагерь. Конь пасся на свежей травке, енот варил уху и жарил барбекю на открытом огне, а кот и пес дожидались, пока он отвернется, чтобы слямзить очередной кусок.

– Ох, даже не знаю, что сделаю, если ты меня обманула, – лениво говорил Дегатти, лежа в гамаке и кормя попугая орешками. – Упаси тебя Кто-То-Там мне солгать.

– Да зачем мне тебе врать-то? – хмыкала Лахджа, лежа в соседнем гамаке. – У меня Ме Отслеживания тогда еще не было, так что я просто запомнила примерную область и этот остров. Передай кокос.

– А может, ты просто не хочешь отдавать мне свои сокровища, демон?

– Ну да, специально на дне припрятала, чтоб возвращаться иногда и жадно потирать ручки. Не хотела бы отдавать – так и не рассказала б тебе ничего.

– Логично, – признал Дегатти. – Давай-ка еще разок нырнем перед сном.

Лахджа с кряхтением вывалилась из гамака. Демоническая беременность протекала на удивление легко, но двигаться все же стало труднее. А ведь это еще только третий месяц... или уже четвертый? Она сбилась, сколько уже провела с Дегатти.

Тем более, что она теперь демон, так что насчет человеческих девяти месяцев даже и не факт. Она может родить и через месяц, и через десять лет.

Последний вариант нежелателен, конечно.

– Какой срок беременности у паргоронских демонов? – спросила она попугая. – Высших.

– Кр-ра-а!.. – открыл клюв попугай. – У гхьетшедар-риев – десять лун!.. У гохер-римов – двенадцать лун!.. У бушуков – семь лун!.. Лар-ритр-ры и кэ-миало не вынашивают живых детенышей!.. Насчет кульминатов достоверных сведений нет!

– Кажется, у кульминатов лет семь, – наморщила лоб Лахджа. – Или даже больше. По ним не поймешь ничего, они с гору размером.

– Я запомню, кр-ра-а!..

По мере того, как сменялись дни и ночи, это все больше напоминало какой-то курортный роман. Дегатти и Лахджа общались все свободнее и дружелюбнее, уже не вспоминая, как неудачно началось их знакомство.

Блррки их почти не беспокоили. В воде иногда подплывали, с удивлением разглядывали твердых сухопутных. На сушу выбирались редко, сразу теряя форму, кое-как ползая в виде разноцветных луж. Лахджа пробовала найти тех блррков, с которыми имела дело пять лет назад, но те не понимали ее, а она – их. В прошлый-то раз перевод осуществлял один Морской Епископ, но его отыскать тоже не удалось.

По вечерам играли в карты. Дегатти пытался научить Лахджу своей любимой маноре, но это оказалось невозможным. Так что играли обычно в «Зодиак» – ему Лахджа научилась быстро.

Когда нашлась нужная расщелина, енот уже расчерчивал площадку для постройки бунгало. Но в один прекрасный день Лахджа и Дегатти выволокли на пляж увесистый сундучок.

Пиратский корабль не был полон сокровищ. Просто личная капитанская нычка – где-то пол-овцы золота. Но и это стоило очень немало.

– На тысячу орбов это не потянет, – попытожил Дегатти, запустив пальцы в монеты. – Но шестьсот-семьсот выручить можно.

– Но первое желание мы засчитываем? – уточнила Лахджа. – Я старалась.

– Засчитываем.

– Тогда загадывай второе желание, – кивнула Лахджа, помогая скинуть добычу в кошель. – Только я больше кладов не знаю.

– Точно?..

– Точно, точно... хотя погоди-ка! Есть у меня один знакомый дракон... у него точно есть гора золота, он сам говорил!

– Драконы сокровищами обычно не делятся.

– Этот поделится, будь спок. Он мне по гроб жизни обязан.

– ... Чем это я тебе обязан?! – гневно взревел Орказарок.

– Я спасла тебя от гнева демолорда! – уперла руки в бока Лахджа.

– Так ты его сама и вызвала, дура!

– Потому что ты плохо себя вел. Попытался меня сожрать просто из-за фотки.

Дегатти стоял поодаль и готовился запахнуться в плащ. Сразу стать невидимым и огнеупорным. Дракон и демоница так орали друг на друга, что было удивительно: почему все еще не дерутся?

Добирались они сюда довольно долго. У Дегатти теперь завелись деньги, так что путь до Джарии они сократили порталом. Но где находится пещера Орказарока, Лахджа точно не знала, пришлось искать с помощью Ме Отслеживания. К счастью, с царем-драконом она познакомилась уже после того, как ту заполучила.

А когда они эту пещеру нашли – та оказалась пуста. Дракон еще в прошлом году переехал в другое место. На старом не оставил ни одной монетки – пусть даже самой заваливающей.

– Слушай, ну как же наша дружба?! – вопила Лахджа. – Как же все то, что мы вместе пережили?! Разве это ничего не стоит?!

– Меркантильный демон! Почему вообще дружба должна что-то стоить?! Она не измеряется в золотых монетах!

У Дегатти с самого начала не было надежд на эту авантюру. Драконы болезненно жадны до золота. Жаднее цвергов, жаднее лепреконов. Проще забрать первенца у матери, чем горсть монет у дракона.

При том, что сами они не делают с золотом вообще ничего. Просто спят на нем.

– Ладно, Орказарок, значит, правду о тебе говорил твой племяш... – вздохнула Лахджа. – Извини, что побеспокоили. Пока.

– Что он говорил? – изогнул шею гигантский черный дракон.

– Да так, ничего...

– Что он говорил?!

Дегатти дернули за штанину. Улыбающаяся кобольдша протянула поднос с грибным кофе и канапе. Другой кобольд предложил принять плащ – но его Дегатти снимать отказался.

Кобольды вообще здесь кишмя кишели. Как-то так вышло, что они теперь служили дракону. Лахджа этому тоже удивилась.

– Да ничего он не говорил, успокойся уже! – раздраженно сказала Лахджа. – Ладно, давай будем деловыми людьми... демоном и драконом. Есть что-нибудь, что ты хотел бы купить?

– О, начинается, – закатил глаза Орказарок. – Демон предлагает мне сделку. Только это же обычно как раз вы покупаете, разве нет?

– Сейчас не та ситуация, мне срочно нужно бабло. А у меня на Парифате не так много богатых знакомых.

– А в Паргороне деньги закончились? – фыркнул Орказарок.

– Я туда пока не могу вернуться, – поджала губы Лахджа. – Короче. Денег не дашь?

– Не дам, – отрубил Орказарок.

– А если в обмен на право призыва? Однократное.

– А зачем мне однократное? Зачем ты мне вообще нужна?

– Затем, что ты – не метаморф. Ты здоровый и жирный. Не везде сможешь пролезть.

– Мне и не нужно никуда пролезать. А если что – у меня теперь слуг столько, что я могу ими питаться.

Кобольды при этих словах невольно сжались. Но Орказарок, кажется, просто пошутил. Еще немного поорав для остротки, он слегка дохнул пламенем, грохнул об пол хвостом – и выгнал волшебника с демоницей взашей.

Спасибо, что хоть не убил.

Но в коридоре их уже ждали. Совсем маленький кобальд с толстенной папкой под мышкой. Лахдже показалось, что она его уже видела раньше... но она может и ошибаться. Кобольды все почти одинаковые, их легко перепутать.

– Это ведь ты был там?.. у того портала?.. – уточнила она.

– Возьмите, госпожа, – вместо ответа протянул кобальд мешочек.

Там лежали алмазы. Целая горсть алмазов идеальной чистоты. Настоящих, природных. Не наколдованных.

Дегатти бросил на них быстрый взгляд и кивнул. За такие можно выручить орбов пятьсот, если не больше.

– Спасибо, – чуть растерянно кивнула Лахджа. – А это за что?

– Мы очень много должны вам, госпожа, – тихо сказал кобальд. – Я очень много вам должен. Это лишь малая часть моего долга.

– Ничего себе ты разбогател, раз такие подарки делаешь...

– Это по распоряжению его величества, из его личной казны, – пояснил кобальд. – Он ненавидит расставаться даже с крохотной толикой богатств, поэтому запретил рассказывать ему, сколько из нее берется.

– Надо же, как тесен мир, – заметил Бельзедор. – Это ведь даже не шесть рукопожатий, а всего три.

– Рукопожатий?.. – не понял Дегатти.

– Ты знаешь Лахджу. Лахджа знает Орказарока. Орказарок знает меня. Мы с тобой знакомы всего через три рукопожатия.

– Мы с тобой знакомы напрямую и довольно давно, – мрачно ответил Дегатти. – Только до рукопожатий дело как-то не доходило.

После исполненного второго желания оказалось, что третье Дегатти пока что не придумал. И он пригласил Лахджу вместе отметить. На остров Шайх, мировую столицу развлечений. Туда, где сплошные курорты, театры, парки развлечений, казино...

Дегатти интересовали в основном казино.

Лахджа не хотела, чтобы он обнулил все ее старания, поэтому из казино выволакивала волшебника за шкуру. Тот немного протестовал, но больше для проформы. Даже испытывал облегчение, потому что прекрасно понимал: у него реальная проблема, с ней нужно что-то делать.

Фамиллиары принимали это с одобрением. Лахджу они уже считали за свою, и даже енот почти простил ей раздолбанный сервант.

И если не считать обилия игорных соблазнов, на Шайхе оказалось здорово. Развлечения на любой вкус. Возвращаться в Паргорон демоница уже не особо торопилась – тут было ничем не хуже.

– Ну и что теперь будешь делать? – спросила Лахджа, когда они сидели в кафе на морском берегу. – Долги раздашь?

– Первым делом, как вернусь в Мистерию, – кивнул Дегатти. – Еще и останется. Начну с чистого листа.

– Как ты вообще до этого дошел? Ты же могучий маг. Разве тебя не обязаны везде с руками отрывать?

– Обязаны. Отрывали, – мрачно кивнул Дегатти. – Я уже несколько раз зарабатывал не меньше, чем вот мы с тобой сейчас. Но каждый раз снова все спускал.

– О-о-о, мэтр Дегатти, как все запущено-то... Ну ладно, у тебя все равно еще третье желание не загадано. Побуду уж с тобой, проконтролирую. Пока с долгами не расплатишься хотя бы.

– Спасибо.

Они еще посидели и помолчали. Дегатти крутил в руках чашку, Лахджа задумчиво грызла куриный окорочок.

– Как думаешь, Хальтрекарок тебя ищет? – вдруг спросил волшебник. – Тебя уже довольно долго нет...

– Возможно, он уже забыл о моем существовании, – пожала плечами Лахджа. – А возможно, нет.

Лахджа не была уверена. Хальтрекарок – личность вроде бы и простая, но угадать, что ему взбредет в следующий момент, часто бывает непросто. Он непредсказуемый дурак.

И она не уверена была, что вообще хочет возвращаться.

Проблема в том, что она от него беременна. Лахджа подозревала, что Хальтрекарок – ужасный папаша, но в точности этого не знала. И понятия не имела, как он отнесется к пропаже не только жены, но и ребенка. Если повезет – поверхностно... но наверняка-то не скажешь.

– Почему ты вообще с Хальтрекароком? – спросил Дегатти.

– Ну он красивый... богатый... могущественный... знаменитый... а еще есть шанс, что он меня сожрет, если я его брошу.

– Довольно много причин.

– Возможно, если бы я все еще была смертной, он бы даже не заметил моей пропажи. Но он в меня вложился. Вылепил... вот это все.

Лахджа провела руками вдоль тела – и взгляд Дегатти следовал за ними.

Она была красива. Она была очень красива. Серебристая кожа, платиновые волосы, длинный гибкий хвост. Сложенные за спиной крылья – такие тонкие, ажурные. Почти паутинные.

И сияющая улыбка.

Они выпили еще немного. Солнце садилось в море, и то стало оранжевым. Пляж почти опустел, только несколько детей кидали мяч через сетку, да играл на флейте беловолосый эльф. Вдали колыхалась на волнах рыбацкая лодочка.

Ну а потом случилось то, к чему давно уже шло. Демоница и волшебник поцеловались. И хотя оба они давно сбились со счета в своих партнерах, этот поцелуй стал каким-то особенным. Нежным и осторожным, с боязнью спугнуть.

Как у подростков в первый раз.

– *Янгфанхофен, давай не будем, – поморщился чуть покрасневший Дегатти. – Ты откуда вообще знаешь такие подробности?*

– *Слухами земля полнится, – подлил ему виски Янгфанхофен. – Но ладно, я опушу слишком интимные детали. Я их в точности и не знаю, конечно. Меня же там не было.*

– *Эх, что ж ты как, – хмыкнул Бельзедор. – Самое интересное – и опускаешь.*

О третьем желании они после этого долго не заговаривали. Что Дегатти, что Лахджа. После Шайха они вернулись в Мистерию, волшебник расплатился с долгами, и у него еще осталось больше сотни орбов. А это огромные деньги. Обычный человек на обычной работе за год зарабатывает орбов десять, не больше.

– И все-таки тебе нужно загадать третье желание, – наконец сказала демоница, когда игнорировать размер живота стало уже невозможно.

– Зачем? – спросил Дегатти, поглаживая ее волосы. Лахджа положила голову ему на колени. – Меня и так все устраивает.

– Майно, извини, конечно, но я беременна не от тебя, а от Хальтрекарока. Он захочет вернуть свое. Когда ему напомнят. Ты знаешь, кого он за тобой пошлет?

– Кого?

– Ну... в обычной ситуации послал бы меня. Он меня вечно припахивает к чему-то такому. А сейчас... честно, я даже и не знаю. Но кого-то он точно пошлет – и ты не обрадуешься.

– Почему ты вообще решила стать демоном? Только честно на этот раз.

– Знаешь... я не знаю. Я уже не очень хорошо помню свою смертную жизнь... это все как сон теперь. Кажется, в последний момент я даже хотела передумать... но не передумала. Я была сильно не в ладах с собой...

– *Кстати, а что думал на этот счет сам Хальтрекарок? – спросил Бельзедор. – Он кого-то отправил на розыски любимой жены? Или действительно махнул на нее рукой?*

– *Терпение, я как раз к этому перехожу, – загадочно улыбнулся Янгфанхофен. – Этому эпизоду я как раз лично был свидетелем.*

Хальтрекарок сидел в малом зале «Соелу», смотрел на своего доброго друга Янгфанхофена, что смешивал в хрустальном кубке очередной шедевр... а на него орал Гаштардарон. Рыцарь Паргорона навис над Темным Балаганщиком, тыкал его пальцем в грудь и спрашивал, есть ли в этом комке дерьма хребет.

– Я все понимаю, – цедил сквозь зубы величайший гохеррим. – Ты гхьетшедарий. Убогий, ничтожный гхьетшедарий, умеющий только жрать и трахаться. Я многого от вас и не жду. Но у тебя похитили любимую жену. Прямо у тебя на глазах. Прямо на глазах у доброй сотни свидетелей! Некоторые из них были из других миров! И я тоже это потом увидел – в записи по кэ-оку! Весь Паргорон знает о твоём сраме! О тебе анекдоты в народе ходят! Презренные храки над тобой смеются! Тебе до этого и дела нет, каналья?!

– Ты преувеличиваешь, – отмахнулся Хальтрекарок. – И да, мне нет дела до смеха храков. Гаштардарон, успокойся. Выпей лучше со мной. Ну похитили и похитили. По-твоему, у меня мало жен? Я ее вообще-то разыскивал. Мы там целый день провели, дно обшаривали... и ты не представляешь, как это было скучно. Я чуть не помер со скуки – до этого тебе нет дела?! Зачем ты вообще вспоминаешь эту старую историю?

– Это было ровно сто дней назад! – рявкнул Гаштардарон. – Я потому и вспомнил, что сегодня в кэ-оке мне предложили посмотреть повтор! Это позор, что какой-то смертный похитил Лахджу, а ты...

– Кого?.. – перебил Хальтрекарок.

– Лахджу! Это твоя любимая жена!

– Правда?.. – наморщил лоб Хальтрекарок.

– С твоих слов! И она еще и беременна, если я правильно помню! Носит твоего наследника! У тебя вообще нет чувства собственного достоинства, раз ты такое спускаешь?!

– Да что тут такого-то? – отмахнулся Хальтрекарок. – Суть Древнейшего, Гаштардарон, да у меня двести жен! А наследников еще больше! Одним больше, одним меньше... да хоть бы они все затерялись!

– Ты позоришь Паргорон своим бездействием, – тихо произнес Гаштардарон. – Ты демолорд. Один из двадцати семи владык нашего мира. Тебя прилюдно оскорбили и обокрали, а ты делаешь вид, что ничего не произошло. Ты роняешь наш престиж. Ладно бы еще тому не было свидетелей – но они есть. Поэтому ты либо позаботишься о том, чтобы исправить ситуацию, либо...

– Либо?.. – поднялся со стула Хальтрекарок. – Договаривай, Рыцарь.

– Не выбирай второй вариант, Балаганщик, – снова ткнул его в грудь Гаштардарон. – Он тебе не понравится.

Хальтрекарок запрокинул голову и тоскливо застонал.

Был вечер, и было лето. Мистерия со всем остальным Парифатом справляла Игнедис, Огненный День. Праздник в честь Солары, дарующей солнце на небе и огонь в очагах. Волшебники в большинстве своем не сеvigисты и богов особо не славят, но календарем они пользуются тем же самым, а факельные шествия и огненные феерии очень даже любят.

А в том, что касается фейерверков, Мистерия кому угодно даст сто очков вперед.

Лахджа и Дегатти любовались пляшущим в небе огненным колесом. У обоих в руках были сладкие огоньки – удивительные пылающие палочки, сделанные волшебниками-кулинарами. Они горят, но не обжигают, а холодное пламя долго еще скачет по языку и зубам, заставляя детей визжать от восторга.

И в этот момент рядом появился демолорд.

Хальтрекарок возник из ниоткуда. Просто вышел из воздуха. Лахджа от неожиданности остолбенела, а Дегатти... Дегатти выхватил меч.

– Надеешься одолеть меня этой штукой? – злобно спросил Хальтрекарок.

– У меня премия Бриара, – напряженно ответил Дегатти. – Пару минут продержусь, думаю. А потом... мы в Валестре. Тут найдутся волшебники и посильней меня.

Хальтрекарок огляделся и скривился. Самый центр Мистерии. Не Клеверный Ансамбль, но близко. Волшебников действительно пруд пруди, настоящее средоточие.

Некоторые из них не испугаются и демолорда.

– Я пришел за своей женой, – процедил Хальтрекарок. – Я здесь в законном праве. Верни ее – и никто не пострадает.

Лахджа сглотнула. Она, как никто, оценила, насколько невыносимый для себя подвиг совершил Хальтрекарок. Оторвал задницу от дивана, лично отправился в другой мир, чтобы качать там права.

Любо-дорого поглядеть.

И на них уже поглядывали. Гхьетшедарий, разумеется, был без одежды. А его аура... о, ее он приглушил, конечно. Снизил накал до минимума. Но даже так демолорд остается демолордом – и прохожие останавливались, недоверчиво глядели на Хальтрекарока. Детей уводили прочь, а кое-кто из чародеев, наоборот, придвинулся...

– Не перейти ли нам в укромное место, мой господин? – спросила Лахджа, касаясь плеча Хальтрекарока. – Я... я не хотела бы, чтобы тебе пришлось утруждаться, уничтожая всю Мистирию.

Хальтрекарок чуть нахмурился – и скрыл ауру совсем. А у зевак затуманило рассудок, образ обнаженного демона стерся из памяти. Настолько сильных магов, чтоб с этим совладать, рядом не оказалось.

Кроме, конечно, Майно Дегатти. Его воля поборола импульс Хальтрекарока, и только меч в руке чуть заметно дрогнул.

– Вон там не занятая беседка, – торопливо указала Лахджа.

В главном парке Валестры такие стояли на каждом шагу. Большие, на целую компанию, и совсем маленькие, на двоих. На каждой лежали чары уединения: пока внутри никого – беседка видна, а если кто-то вошел – исчезает.

– Заказать тебе что-нибудь, мой господин? – с беспокойством спросила Лахджа, когда в воздухе проявилось лицо духа-служителя. Бесстрастный ко всему, он и глазом не моргнул при виде демолорда.

– Нет, – словно плюнул Хальтрекарок. – Какой у вас договор?

– Договор, господин?..

– Раз ты все еще таскаешься за этим смертным – у вас договор. Какой?

Лахджа глянула на Хальтрекарока с удивлением. Такой догадливости она от него не ожидала.

Хотя демоны, наверное, впитывают подобные вещи с молоком матери...

– Она должна мне три желания, – ответил вместо нее Дегатти. – Осталось одно.

– Загадывай его, – приказал Хальтрекарок. – Здесь и сейчас, при мне.

– А что если нет? – оперся на столик Дегатти.

Он смотрел прямо в глаза демону. Дерзко так, с вызовом.

Хальтрекарок на секунду задумался. Он мог просто сожрать этого волшебника или превратить в кучку праха. Тот сильнее обычных колдунцов, но демолорду не ровня, долго сопротивляться не сумеет.

Но тогда у его жены останется незакрытый контракт. А это всегда проблема. Не слишком большая и в общем-то даже мелкая – но все-таки лучше сначала его закрыть, а уж потом превращать смертного в прах.

– Загадывай желание, или я сожгу дотла этот парк и всех, кто в нем есть, – буднично сказал Хальтрекарок, складывая пальцы в шепоть.

В Паргороне эта угроза не сработала бы. Но смертные обычно не любят, когда дохнут другие смертные. Дегатти вздохнул, пристукнул пальцами по столу, болезненно покривился и произнес, не глядя на Лахджу:

– Мне нужны гарантии.

– Какие? – осведомился Хальтрекарок.

– Что ты не убьешь меня... и вообще никого здесь, когда договор будет аннулирован.

Хальтрекарок несколько секунд молчал. Потом медленно сказал:

– Надо внести тебя в список существ, которых я ненавижу.

– У тебя есть такой список?.. – удивился Дегатти.

– Нет. Ты будешь в нем первым.

– Хорошо, это я как-нибудь переживу. Что насчет гарантий?

– У тебя они есть, – процедил демолорд. – Загадывай последнее желание – и я клянусь, что не стану тебе мстить. Ни прямо, ни косвенно. Ни сейчас, ни потом.

Лахджа с беспокойством смотрела на своего мужа и повелителя. Сейчас он выглядел не так, как обычно. Хальтрекарок большую часть времени проводит как будто под кайфом – расслабленный-расслабленный, даже слегка одуревший.

Но сейчас... в таком состоянии Лахджа видела его всего пару раз.

– Третье желание, – мрачно сказал Дегатти. – Хорошо. Но проблема в том, что твоя жена не так уж много умеет, Хальтрекарок. Я потому и продержал ее так долго, что никак не мог придумать, к чему это никчемное создание приспособить.

Глаза Лахджи запылали гневом... но он тут же угас. Демоница поняла, зачем Дегатти это говорит, зачем нарочно смотрит на нее с таким отвращением.

– Загадывай любое желание, – раздраженно ответил Хальтрекарок. – Я исполню вместо нее. И поспеши, пока у меня не лопнуло терпение!

– В таком случае я хочу, чтобы за мной больше не охотились, – заявил Дегатти. – Хочу снова посещать Паргорон, если мне захочется.

– Всего-то? – фыркнул Хальтрекарок. – Глупец, награда за твою голову была снята сразу после великой охоты Тасваркsezена. Встратый кодекс гохерримов гласит, что если добыча сумела спастись – ее перестают преследовать.

– Но ты же не гохеррим.

– Гохерримы навязали это правило всему Паргорону. Если жертва каким-то образом ускользнула – ее больше не трогают. Это идиотское правило, но его соблюдают все, даже я. Так что ты впустую потратил свое желание.

– И я могу посещать Паргорон? – спросил Дегатти.

– Хоть поселись там, – отмахнулся Хальтрекарок. – Только к моему гхьету не суйся.

– Мне нужно материальное подтверждение, – потребовал Дегатти. – Бумага с подписью и печатью.

– А моего слова тебе недостаточно?! – возмутился демон.

– Я хочу гарантий.

Хальтрекарок закатил глаза, щелкнул пальцами – и в руках волшебника появился светящийся лист пергамента. Прямо на его глазах там вспыхнули огненные буквы, под ними – роспись с завитушками, а в углу – алое пятно сургуча.

– Доволен теперь? – процедил Хальтрекарок.

– Да, – кивнул Дегатти, рассматривая страницу. – Подтверждаю. Мое третье желание выполнено.

– Надеюсь, теперь ты счастлив, – фыркнул Хальтрекарок.

Он схватил Лахджу за руку и растворился с ней в воздухе. Демоница только еще успела шевельнуть губами, но все слова остались невысказанными.

Оставшийся один Дегатти посмотрел на духа-служителя и попросил принести виски.

Интерлюдия

– Мы провели вместе четыре луны – и это были самые счастливые луны в моей жизни, – произнес Дегатти, опорожнив очередной кубок. – Не сразу, не с первых дней – но я узнал ее настоящую. Она была демоном. Но она была особенная.

– И больше вы не встречались? – спросил Бельзедор с живым интересом.

– Встречались пару раз, – неохотно ответил Дегатти. – Но это уже к рассказу не относится. Ты ведь закончил рассказ, Янгфанхофен?

– Закончил, – кивнул старый гохеррим, сам опорожняя кружку пива. – Долгая была байка, у меня аж в горле пересохло. Может, следующую расскажет кто-то из вас? Ну же, пополните мою коллекцию чем-нибудь интересным. Какой-нибудь романтической историей. Можно со счастливым концом, можно с печальным. На ваше усмотрение.

Бельзедор задумался. Он, разумеется, тоже знал уйму историй, в том числе и романтических.

– Я знаю одну, – постучал о стойку пустым стаканом Дегатти. – Из старых времен. Мой дедушка был историком, хотел даже написать детальную хронику всей Мистерии. Он к ней так и не приступил, правда, но мечту лелеял всю жизнь. И когда я был маленьким, он рассказывал мне кучу баек из старых времен. Некоторые довольно занимательные.

– Превосходно, мэтр Дегатти, мы с лордом Бельзедором счастливы будем послушать, – подлил ему еще Янгфанхофен. – Карпаччо?.. Оливок?.. Как называется ваша история?

– Хм... называется?.. Ну, скажем... эм... «Рыцарь и ведьма».

– Прекрасное название, сразу настраивает на нужный лад.

– Спасибо. Так вот, началось с того, что один рыцарь сражался со злым великаном...

– Подождите, мэтр, – перебил Янгфанхофен. – Вы не назвали время и место действия. Всегда начинайте рассказ с этого.

– М-м... ну хорошо. Давным-давно, в одном далеком королевстве...

– Мы тут не сказки рассказываем, а совершенно правдивые истории, – покачал головой Янгфанхофен. – Точное время и место действия. Моя корчма – мои правила.

– Послушайте, но я не знаю точных времени и места действия! – возмутился Дегатти.

– Тогда выдумайте их. Право же.

– Хорошо, хорошо! Это было в Смутную эпоху, задолго до основания Мистерии. В году... допустим, в 1060 до Новой Эпохи. Но я не уверен в датировке на сто процентов, так что на самом деле там плюс-минус десяток лет. А место... кажется, то королевство называлось Ларватораном... кстати, Корчмарь, у тебя тут можно курить?

– Можно, можно.

– Тогда я закурю, – достал трубку Дегатти. – История довольно длинная.

Рыцарь и ведьма

1060 год до Н.Э., Парифат, королевство Ларваторан, Озерная марка.

В ушах сэра Ульганда свистел ветер. Копье из ствола ясеня отягощало ладонь. Конь храпел, ноги были мокры от его пота.

А навстречу топал великан тридцати локтей ростом. Вчетверо выше самого высокого человека, он страшно ревел, размахивая громадным шестом. Вырезанный из молодой сосны, тот вертелся, будто мельничные лопасти.

Берегись, не стой близко! Один раз заденет – улетишь в небеса! Упадешь уже мертвым!

Но Ульганд уже побеждал великанов. Может быть, не таких высоких, но побеждал. Великаны огромны, великаны могучи... но великаны и неповоротливы. Медленны. Неуклюжи.

И тут уж самое главное – чтоб конь не испугался. Испугается, отвернет в последний момент – конец и коню, и рыцарю.

– Не бойся, – прошептал Ульганд, пуская своего Ветронога точно между ударами шеста.

Свистнуло в шаге перед мордой. Свистнуло в шаге позади крупа. Рыцарь на всем скаку пролетел под ногами великана... и резко вздел копье.

Отточенный наконечник вонзился в то место, кое не упоминается в порядочном обществе. Сразу разжав ладони, Ульганд проскакал дальше – и тут же развернул коня.

Великан с ревом упал на колени. Из крохотных глаз брызнули слезы – такая боль охватила чудовище. Спрыгнув на землю, рыцарь выхватил меч, взлетел по огромному телу – и всадил клинок в горло.

Бить в сердце бесполезно – у великанов их два. Лишившись одного, он погибнет, но не сразу. Известны случаи, когда великан с одним сердцем прожил несколько лун.

Огромное создание умирало долго. Уже и шест выпал из рук, и кровью залило землю, а великан все хрипел, все силился подняться, дотянуться до своего убийцы.

Сэр Ульганд смотрел на это спокойно, с легким сожалением. Ему не доставляло радости зрелище чьей-то смерти. Но этот великан разорял поля, крал скот и даже, поговаривают, ел людей.

Им тоже непросто, великанам. Иные из них живут тихо и мирно, никого не трогая. Некоторые даже честно трудятся на благо королевства. Но великан, увы, не может устроиться батраком на хутор или подмастерьем в мануфактуру. Найти работу им не так-то легко.

О, безусловно, великаны очень сильны. Великан может трудиться за сотню человек. Проблема в том, что ест он тоже за сотню. Там, где человек съест свиную отбивную, великан съест свинью целиком и назовет это легкой закуской перед ужином.

И вот, многие выбирают путь греха. Становятся грабителями. Слишком уж велик соблазн, когда живешь среди крошек, не достающих тебе и до колена. Когда можешь унести под мышкой целую корову.

Но эти земли защищают рыцари его королевского величества. Лучшие из лучших, знатнейшие из знатных. Родовое древо самого сэра Ульганда насчитывает две тысячи лет, восходит к аристократии Старой Империи. Его отец, дед и прадед несли в этот мир справедливость, сражались с именем короля на устах – и погибали с незапятнанной честью... кроме отца, конечно. Отец-то жив-здоров, дай-то ему боги.

Ульганд ничего не взял у мертвого великана. Обирать покойных, даже людоедов – дело недостойное. Только отрезал ухо – представить командору как доказательство исполненной миссии.

В обратный путь Ульганд пустился незамедлительно. Дорога была пустынна до самого горизонта – буйствующий великан распугал всех. Рыцарь спустился с холма, проехал мимо сгоревшего хутора и углубился в рощу. Сразу за ней будет городок Листвор, у бейлифа можно

пополнить припасы. Местные власти обязаны снабжать королевских рыцарей всем необходимым.

Он не доехал совсем немного. Когда заросли уже стали редеть, на тропу выбежала девушка. Оборванная, до смерти перепуганная, она чуть не попала коню под копыта – сэр Ульганд еле успел натянуть поводья.

А за бедняжкой, выкрикивая угрозы, неслись трое детин со зверскими рожами. Грязных, с выщербленными кинжалами и рогатинами... лесные разбойники, чтоб их!

Ульганд таких уже навидался.

– А ну, мужичье, раздались!.. – пустил вперед коня рыцарь. – Зашибу!..

Эти недоноски не посмели напасть на вооруженного всадника. Только с женщинами и горазды воевать, трусы. Выкрикивая проклятья, они сразу бросились наутек – и сэр Ульганд не стал их преследовать.

Спешившись, он помог девушке подняться. Все еще всхлипывая от ужаса, та прижалась к рыцарю столь тесно, что тому стало неловко.

– Не волнуйтесь, сударыня, все позади, – галантно произнес он. – Теперь вы в безопасности... ай!..

Резко оттолкнув спасенную, Ульганд схватился за шею. Его словно укусила змея.

Человеческие зубы так кожу пронзить не могут... но у этой девицы они не были человеческими! Шипя и облизывая кровь с губ, на Ульганда кинулась упырица!

– А-а... могильная баба!.. – осенило рыцаря.

Он не успевал выхватить меч. Упырица уже прыгнула снова. Но спасти ее еще и от голода Ульганду не хотелось – и он ударил просто кулаком. Кожаной рукавицей.

Нежить таким не пронять. И хоть весила мертвая девчонка как перышко, силы в ней оказались немереные. Она снова рванулась к горлу – но тут уж в брюхо ей вошел кинжал. С посеребренной полосой вдоль лезвия, специально для таких вот.

Упырица завyla и отшатнулась. К сожалению, серебра на нее не хватило – она не сдохла, а удрала в чашу, роняя черные капли. Ульганд хотел погнаться, но его вдруг замутило, перед глазами поплыли круги, и он упал на колени. Шею жгло огнем.

Трупный яд. Ульганд уже знал эту дрянь. У многих выходцев из могилы такое на клыках и когтях. Рану надо срочно промыть, и лучше не водой, а крепким вином. Борясь со слабостью, рыцарь снял с луки седла флягу, повернул голову и щедро полил на шею.

– Мерзкая тварь... – изумленно произнес он.

– Вот он, вампирилюб!.. – раздался крик. – Хватай его!..

Ульганд попытался вытянуть меч из ножен, но рука слишком дрожала. А парой секунд спустя в голову угодил камень. Трое вернувшихся разбойников принялись мутузить упавшего на колено рыцаря – и к ним присоединились еще двое.

Били сэра Ульганда долго.

– Итак, досточтимый рыцарь, потрудитесь объяснить, из каких соображений вы помешали городской дружине посадить на кол вампиршу.

– Обознался, ваша светлость, – покаянно ответил Ульганд. – Неверно понял их намерения. Готов лично принести извинения сударям из дружины.

Маркиз Пфаль прошелся по залу. Когда ему донесли, что какой-то всадник напал на его людей и спас вампиршу, он пришел в ярость. Хотел высечь этого мерзавца, заковать в колодки, повесить... но то оказался опоясанный рыцарь королевского дома. Благородный кавалер, имеющий право на титул сэра.

Такого не высечешь.

И это оказалось простым недоразумением. Конечно. При других обстоятельствах сэр Ульганд наверняка сам бы проткнул вампиршу осиновым колом.

– Что ж, думаю, вы вполне сами себя наказали, сэра, – неохотно кивнул маркиз. – Как ваша рана?

– Ваш лекарь хорошо о ней позаботился, благодарю, – невольно коснулся травного компресса на шее Ульганд.

– А синяки от колотушек?

– Заживают. Ваши люди знатно меня отмузили, ваша светлость, но, к счастью, не повредили ничего важного. Дайте мне три дня отлежаться – и я к любым вашим услугам.

– Не будь вы рыцарем, мои люди убили бы вас.

– Не кружись так у меня голова после укуса могильной бабы – неизвестно еще, кто кого, ваша светлость. Пятеро простолюдинов с дубьем – это просто пятеро простолюдинов с дубьем.

– Да, я слышал, вы одолели великана Блакинбора, – бросил взгляд на стол маркиз. Там лежали личные вещи рыцаря, и среди них – отрезанное ухо размером с лопух. – В одиночку. Вы доблестный воин, сэра Ульганд.

– Благодарю на добром слове, ваша светлость.

– Не благодарите, вы еще не знаете, о чем я хочу вас попросить. Вам доводилось иметь дело с колдунами?

– Колдунами, ваша светлость?..

– Колдунами. Чародеями, ворожеями, знахарями, ведьмачами, чернокнижниками... Людьюми, что практикуют забытое Искусство, да будут прокляты их души.

– Не совсем мой профиль, ваша светлость, я больше по чудовищам...

– А колдуны – это не чудовища, по-вашему?

– Безусловные чудовища, хотя и в человеческом обличье. Просто я раньше с ними не боролся, только и всего. Но если прикажет король – схвачусь и с колдуном.

– А если прикажет маркиз?

– Вы бейлиф Озерной марки, ваша светлость. Королевский наместник. Одно ваше слово – и я схвачусь даже с драконом.

Пфалю понравился воодушевленный тон рыцаря. Тот был в самой цветущей поре – лет двадцати пяти, полный сил. Уже набравшийся боевого опыта, но еще не уставший от сражений.

– Когда выздоровеете, поезжайте в деревню Эстерброк, – сказал маркиз. – У них там ведьма шалит. Раньше-то она сидела тихо, сводила крестьянам бородавки и гадала по ореховой скорлупе. Я и закрывал глаза на эту старуху... зря, как оказалось. В последнее время она словно с цепи сорвалась. Травит посевы своими снадобьями, насылает бури, пьет молоко у коров в змеином обличье... поручаю вам это пресечь.

– Прикажете расправиться с этим исчадием на месте или доставить на ваш суд?

– На суд, сэра рыцарь. Ведьма – это не великан и не вампир. Она все-таки человек, подданная его королевского величества. Я не обвиню вас, если захватить ее живой не удастся, но все же помните, что это будет предпочтительней.

– Повинуюсь, ваша светлость.

– И будьте впредь осторожнее. Не обманывайтесь больше внешним обликом, как тогда в лесу. Помните, что не всегда вещи таковы, какими кажутся.

– Благодарю за наставление, ваша светлость.

– Можете идти, сэра рыцарь. Мой ключник снабдит вас припасами в дорогу и деньгами, если у вас их нет. Также возьмете у него один предмет... одна из реликвий Старой Империи, специально для усмирения колдунов.

Ровно через три дня Ульганд выехал из городских врат. Его путь лежал далеко на восток, к самой границе славного королевства Ларваторан. Марка его светлости Пфаля – самое протяженное из королевских земель, но и самое малонаселенное. Можно целые сутки скакать, не встретив ни одного поселения.

Поля, леса, озера. Особенно много озер. Марка Пфалья не просто так прозывается Озерной. Солнце всходило и заходило, а Ветроног все нес рыцаря вдоль голубой глади, пока не привез в деревню Эстерброк.

Их тут много оказалось, деревень. У самой границы, вдали от ока короля и его бейлифов, раскинулась россыпь вольных поселений. Среди них и Эстерброк – тишайшее местечко, с одной стороны почти касающееся леса, а с другой окруженное пшеничными полями.

Ульганда сразу окружили любопытные. Визит королевского рыцаря стал настоящим событием для этого медвежьего угла. Дети тарасились на человека в доспехах, вилланы ломали шапки – почтительно, но без подобострастия. В этих краях платили подати только маркизу и королю – местного лендлорда не было, крестьяне управлялись сами.

Благо по ту сторону границы – Сумеречное озеро. Огромная яма, полная тухлой воды. Ульганд никогда ее не видел, но слышал, что земли там мертвые, человеку негодные. Во времена Старой Империи там был большой город, но после Волшебных войн его не стало. Говорят, уничтожили звездными катапультами и черной магией.

Рядом с самим Сумеречным озером жить нельзя. Вода отравленная, и кишит в ней всякая нечисть. На берега она тоже выбирается частенько. Но от озера сильно не удаляется – уже в нескольких вспашках вполне безопасно.

Вот и расплзлись тут деревеньки. Словно расплевали их среди лесов и озер, разбрызгали, как семена репы.

Староста принял рыцаря в собственном доме. Был он уже очень стар, наполовину слеп, и по хозяйству хлопотала даже не дочь его, а внучка. Выпив предложенного с дороги сбитня, Ульганд спросил:

– А что, отец, не страшно ли вам рядом с Сумеречным озером жить? Никто оттуда не забредает?

– А кому оттуда забредать? – степенно ответил староста. – Да и где ж тут рядом-то, милок? Тут, поди, два дня на коне ехать будешь – не доедешь. Это не рядом.

– Ага. То есть и нечисти в округе нет?

– Ну как это нет? Вот, о прошлом годе заезжал к нам сборщик податей – так и сгинул.

– Упыри задрали, что ли?

– Какие еще... а, да, упыри. Кому ж еще? Рядом же Сумеречное озеро. А ты к нам сам-то по какому делу? – подлил рыцарю еще сбитня староста.

– А я к вам, отец, по поручению маркиза Пфалья. У вас, он мне сказал, ведьма завелась, житья не дает.

Вот тут староста помрачнел, а внучка за его спиной ойкнула. Зачем-то оглядевшись по сторонам и понизив голос, старик сказал:

– Ведьма завелась, есть такое. Уж лучше б упыри завелись. А ведьма... ох, раньше-то она не трогала никого. Это теперь она посева портит и снег посреди лета колдует, а раньше-то жила себе в лесу, в пещере, а мы к ней и не ходили вовсе, потому что добра от чародейского племени вовсе-то и не бывает...

– Мне говорили, что она сводила вам бородавки и гадала по ореховой скорлупе.

– А это, верно, из Илькендока к ней ходил кто, – тут же предположил староста. – Там народ такой, знаете ли, темный. Богов не боятся, бесовства не чураются. Вы бы ими занялись!

– Этим без меня займутся. Расскажи лучше, как эту ведьму найти, отец.

– Да найти-то ее несложно. Идешь по большаку, а у кривой сосны сворачиваешь. Там еще по тропке пройдешь где-то вспашку, а дальше и сам увидишь. Там пещера приметная, и дверка деревянная, в красный цвет выкрашенная.

– Эка подробно излагаешь, отец.

– Так люди ж ходили, видели... из Илькендока, да.

Найти ведьмину пещеру по таким приметам оказалось легче легкого. Но Ульганд до нее не добрался – еще на большаке, у самой кривой сосны, он встретил гомонящую ораву вилланов. Возглавлял их толстый старик с огромными усищами – и кричал он громче всех.

– Что случилось, добрые люди? – спросил рыцарь, подъезжая ближе.

Его толком и не заметили. Добрые люди шумели, потрясали вилами, рогатинами, охотничьими луками. Усатый старик размахивал треснутым арбалетом.

– Что случилось, отец? – тронул его за плечо Ульганд.

Старик только сейчас обратил внимание на рыцаря. Охнув от изумления, он схватил сэра Ульганда за рукав и принялся тараторить, кляня на чем свет стоит некую Ирошку.

Оказалось, что Ирошка – это и есть пресловутая ведьма. Или, точнее, внучка ведьмы. Но тоже ведьма. Короче, все запутанно.

А старик – староста деревни Илькендок. И остальные все тут тоже из Илькендока. Собрались Ирошку ловить, на вилы поднимать. Возможно, в озере утопить – от этого ведьмы дохнут, говорят. Не держит их водица чистая, бесовщина на дно тянет.

– А почему... – открыл было рот Ульганд.

– А потому что мочи уже нашей нет! – крикнула какая-то женщина.

– На вилы ее!..

– На рогатины!..

– Мы ж все терпели, ваше рыцарское, – проникновенно сказал староста. – Ради бабки ее покойной... святая старушка была, я вам клянусь, святая!.. Но Ирошка-то не в нее!..

– Совсем не в нее!..

– Утопить ведьму!..

– Утопить!..

– Совсем не в нее, ваше рыцарское!.. Она и молоко у коров сцеживала, и змей в дымоход подбрасывала!..

– И Вазила моего охлостила! – крикнула все та же женщина.

– Да!.. – пробубнил топчущийся рядом детина. – Она!.. Это!.. Того!..

– Но когда эта тварюка дочку мою скрала!.. – простонал староста. – Ваше рыцарское, ради богов, ради всех богов, вы б нам помогли!..

Ульганд терпеливо слушал еще минут десять. Вилланы выкрикивали каждый свое, но общий смысл был понятен. Нынешняя ведьма – Ирошка, внучка старой. Да не родная внучка, а двоюродная – своих детей у покойницы не было. И, видать, то ли чему научилась от бабки-то, а то ли демона после ее смерти к рукам забрала.

Известное же дело, у всякой ведьмы есть демон, который ей служит за такую плату, что при детях и не назвать.

Возглавлять разъяренную толпу Ульганд не собирался. Мужичье в таких делах только мешает. Много криков, много неразберихи, и в трех случаях из четырех спугнут цель. Знаем, имели дело.

Так что он распорядился или вернуться всем в деревню или хотя бы оставаться здесь и тихо-спокойно ждать, пока он разбирается с ведьмой и спасает дочь старосты. Деревенские спорить и не стали – кажется, им не очень-то хотелось лезть к ведьме в логово.

Здорово же та их запугала.

Но пещера у старухи оказалась уютная. Вырытая в заросшем осинами холме, с аккуратной подметенной дорожкой у входа, медным фонарем над дверью...

И никого внутри. Дверь распахнута, на полу разбросаны бумажки. Ваза разбита.

Дрались тут, что ли?

Есть следы. Сэр Ульганд преотлично умел их читать. Дорожка хорошо утоптана, но вот здесь они круто сворачивают. Трава примята. Шаги широкие – значит, человек бежал. Причем не один – двое.

И было это, считай, только что. Ветер сильный, трава быстро выпрямится и следы исчезнут. Но пока что они видны отчетливо – значит, прошли считанные минуты.

Ульганд вскочил в седло и дал коню шенкелей. Он пока не знал, кого преследует, но собирался это выяснить.

Лес в этом направлении скоро поредел, сменился заливным лугом. Вдали замерцала водная гладь. Озерцо. А следы... следы вдруг исчезли. Сначала их стало меньше – словно раньше бежали двое, а теперь один. А потом пропали и оставшиеся. Просто на ровном месте.

Но Ульганд даже не спешил. Ветер донес женский крик. Еще сильнее стиснув конские бока коленями, он пустил его вскачь – туда, где над водой металась две фигурки.

Дракон?... нет, мелковато. Да и вымерли драконы, кажется, много веков их в королевстве не видали.

Виверна?... тоже мелковато, пожалуй. Что-то вроде огромной летучей мыши.

Неважно, как оно называется. Главное, что в лапах чудища бьется девушка. Видно, демон ведьмы восстал против хозяйки и терзает либо ее саму, либо похищенную дочь старосты.

Летать Ульганд не умел, конечно. Зато отлично стрелял из лука. Это не рыцарское оружие, и против человека и даже великана применять его подло. Настоящий мужчина не бьет издали, а встает против копья и сам поднимает копье.

Но охота на крылатую дичь – дело совсем иное! Копьем не взять ни утку, ни бекаса, ни виверну! Тут нужен лук – и Ульганд поднял лук.

Запела тетива. Стрела со стоном ушла вдаль – и еехватило, единственной. Не сбавляя хода, Ульганд смотрел, как две фигурки падают в воду.

Когда он подъехал к берегу, из озера выползали две мокрые девушки.

У одной из задницы торчала стрела.

Ульганд спешил, выхватил меч – и приставил к горлу оборотня. Он не собирался повторять ошибку, что совершил с упырицей. Человек эта тварь или демон, холодная сталь...

– Скройся с глаз! – рыкнула на него ведьма, пытаясь выдернуть стрелу. – В лягушку превратить?! Это я мигом!

– Мне приказано взять вас живой, сударыня, но разрешено и мертвой, – сказал Ульганд. – И я обучен схваткам с ворожеями вроде вас. Не вынуждайте плевать вам в глаза.

– Да иди ты в анналы, медный кувшин, – закатила глаза ведьма. – Я даже драться с тобой не буду. Я тебя просто уроню...

Она резко повела плечами – и Ульганда будто ударило в грудь. Толкнуло словно могучим ураганом. Кувыркнувшись через голову, он отлетел на десяток шагов.

– ...И пока ты будешь трепыхаться в своих доспехах... – выдернула стрелу ведьма.

Но тут ее сзади ударили камнем. Дочь старосты была девушкой хрупкой, тоненькой – но врезала со всей силы. Ведьма свалилась кулем и завывала, держась за голову.

А сэр Ульганд уже поднялся на ноги. Его доспехи не были так уж тяжелы, как казались. Он снял с луки седла выданную маркизом Пфалем реликвию и, отчаянно хромя, защелкнул ее на шее ведьмы.

– Ты!.. – захрипела та. – Ты что!..

– Поднимайтесь, сударыня, – устало сказал Ульганд. – А вы, сударыня, хорошо ли себя чувствуете?

Дочь старосты сделала книксен, в ужасе глядя на скрипящую зубами ведьму. Та пыталась сорвать ошейник. Тот казался железным, но был из того металла, что железа железней – корония.

Диво Старой Империи.

Без своих гнусных чар ведьма стала обычной крестьянской девчонкой. Замарашкой лет семнадцати на вид, босой и простоволосой. Ульганд рывком поднял ее на ноги, скрутил запястья и привязал к луке седла.

Дочери старосты он галантно предложил усесться верхом. Та была вся в царапинах, на левом глазу расплывался фингал. Ульганд попытался расспросить ее, узнать хотя бы имя, но перепуганная крестьяночка отвечала односложно, а то и невнятно что-то лепетала.

Впрочем, это и не имело особого значения. Рыцарь довел обеих девушек до Илькендока, где сразу и передал одну родителям.

А вот ведьму он выдавать деревенским отказался. Хотя те наседали со всех сторон, кричали, требовали ее крови. Женщины плевали в связанную Ирошку, кто-то кинул камнем...

– Прекратить! – возвысил голос рыцарь, вынимая до середины меч. – Самосуда не будет! Сия особа – подданная его величества, и за совершенные преступления ее будет судить маркиз Пфаль, бейлиф Озерной марки!

Вилланы с ворчанием подались назад. На Ульганда и Ирошку они глядели с неприязнью, но нападать на опоясанного рыцаря не посмели. Староста часто кланялся, благодарил за спасение дочери.

Ведьма же после драки на берегу озера не проронила ни звука. Только таращилась на Ульганда так, словно пыталась убить взглядом.

Часа через полтора они добрались до Эстерброка. Здешние вилланы были не так озлоблены на Ирошку и камнями кидаться не стали. На привязанную к коню ведьму показывали пальцами, шептались, кто-то испуганно прилагал персты, но и только-то.

– Что, Ирошка, доигралась? – спросил староста, подслеповато шурясь на девушку. – Достукалась? И-и!.. А говорили, говорили тебе – не балуй, не озорничай!..

– Да пошел ты, храк старый, – огрызнулась ведьма.

Сославшись на приказ бейлифа, Ульганд попросил перевязать Ирошку и дать харчей в дорогу. Староста покряхтел, пожалился на скудость своей деревни, но все же принес из чулана пару больших хлебов, кусок соленого сыра и мешочек чечевицы.

Ирошка хранила презрительное молчание еще часа два. Покорно семенила за конем, только время от времени хлюпая носом. Ульганд пару раз оборачивался, смотрел на измученную девушку... но тут же вспоминал лесную упырицу и гнал из сердца непрошеную жалость.

Первой не выдержала ведьма. Наглотавшись дорожной пыли, сбив ноги в кровь, она выдавила из себя:

– Помедленней!.. по... пожалуйста!..

Ульганд ничего не ответил, но коня притормозил. Настолько, чтоб Ирошка перешла с трусцы на шаг.

Она устала, видно. День у нее выдался непростой. Впрочем, у Ульганда тоже болели плечо и нога – причем именно по ведьминой милости.

Крепко она его приложила своим колдовским ветром.

– Как тебя зовут? – спросила Ирошка, когда рыцарь сделал привал.

– Ульганд, – ответил тот неохотно. – Сэр Ульганд.

– Благородный рыцарь, – с легкой насмешкой сказала ведьма. – Какая честь для простой крестьянки. Издалека изволили ехать, ваше благородие?

– Не титулуй меня так, я не барон, – покосился на нее Ульганд.

– Ох, простите великодушно, мессир. Мы тут люди темные.

– Мессиром тоже не титулуй. Я ношу рыцарский пояс.

– А как же правильно обращаться к рыцарю, сэр рыцарь?

– Именно так. Сэр.

– Понятно, понятно... Руки-то мне развяжешь или сам кормить будешь?

Ульганд задумался. Он как раз наломал хлеба, отрезал кусок сыра и достал из торбы остатки вяленого мяса. Ведьму в дороге, конечно, тоже придется кормить, иначе до суда не доживет.

– Развяжу, – сказал он. – Только ешь молча. Мне нельзя с тобой разговаривать.

– Молча так молча, – сказала Ирошка, грызя жесткую оленину. – Мне что? Благородный рыцарь велит молчать – я буду молчать. Сколько лет этому мясу? Кстати, в моей пещере был погреб с соленьями. Вкусными. Ты, конечно, оттуда ничего не взял?

– Я рыцарь, а не мародер, – сухо ответил Ульганд. – Я ничего не тронул в твоём жилище.

– Значит, теперь его разграбят добрые землепашцы, – спокойно произнесла Ирошка. – Хотя не сразу, конечно. Сначала они будут бояться несуществующих демонов, но потом начнут фантазировать насчет ведьминских сокровищ и каждый будет думать, что если он не успеет урвать свою долю, то все разберут остальные, а ему ничего не достанется. Впрочем, вернуться живой я не надеюсь, так что храк уж с ним.

– Маркиз Пфаль – справедливый человек, – сказал Ульганд. – Если ты невиновна, тебе нечего бояться.

– Я виновна. Хотя не во всем, наверное. Тебе про меня много наговорили?

– Говорили, что ты портишь посевы...

– Это правда. Хотя я не нарочно. Я хотела повысить урожайность, но напутала с зельем.

– Насылаешь бури...

– Экспериментировала с погодным колдовством. Перестаралась.

– Снег посреди весны...

– Эксперименты, эксперименты...

– Пьешь молоко у коров в змеином обличье...

– Вранье. Бредовое. Кто это вообще выдумал?

– Подбрасываешь змей в дымоход...

– Хе-хе-хе... – мелко рассмеялась ведьма. – Да, это у нас смешно получилось... Только у меня дара тогда еще не было. Поймали змею да кинули деду Изгору в трубу. А чего он нас хворостиной?! Мы просто мимо его двора шли!

– Охлостила одного виллана...

– Чистая правда, – помрачнела Ирошка. – Но я защищалась. Ты знаешь, что этот Вазил пытался со мной сделать? И это был не первый раз.

– Хм... а что насчет похищения дочери старосты? Тоже защищалась?

Здесь Ирошка отвела взгляд. А потом принялась скучным голосом рассказывать о своем детстве. О смерти матери, о вечно пьяном папаше, который тоже помер в прошлом году, утонул в озере. И о Адалке, старостиной дочке, королевичне деревенской. Все парни на нее только и смотрели, рот распахнув. Кроме одного Гадальбета, сына кузнеца. Он на Ирошку смотрел, с ней за руки держался, с ней хотел к алтарю пойти.

И Адалке Гадоль и не нужен-то был вовсе. Что ей в том сыне кузнеца, на зиму засолить? У ней таких парней полная деревня была.

Но вот, позавидовала. Позвала его как-то на танцы, когда ярмарка была, а он не захотел, ему только Ирошка нужна была. Адалка и разобиделась, трясогузка.

А потом она подлое сделала. Слух распустила гнусный. Ирошка-то и вправду внучка ведьмина, хоть и двоюродная. Адалка и стала всем рассказывать, что одна батрачка видала, как Ирошка с бабкой своей на шабаш ходила, да там демона вызывала и пониже спины его целовала. А потом еще и про другое рассказала, еще погаже.

Правды в том не было ни на полноготочка. Адалка и сама приговаривала, что батрачке той не верит, что вранье все. Но у навета крылья широкие, целый край покроют. Все соглашались, что вранье, что выдумала все безымянная батрачка – и дальше потом рассказывали.

– Про ведьмины поцелуи на шабашах я тоже слышал, – заметил Бельзедор. – Но сам не видел. Это правда, Янгфанхофен?

– Правда, конечно, – кивнул гохеррим.

– Что, серьезно?! – изумился Дегатти. – Я думал... а тебя так призывали?

– Нет, ты что... хотя было, конечно. Традиция-то древняя, освященная тысячелетиями. Не с нас пошло, не нам и заканчивать, – развел руками Янгфанхофен. – А ты продолжай, продолжай. В твоём-то рассказе девчонку и правда оклеветали, верно? Ну и нечего тогда в сторону уходить. Это наше с ведьмами внутреннее дело, куда они там кого целуют.

Короче, охладел Гадальбет к Ирошке. Сторониться стал. А как тут не станешь, когда день за днем только и слышишь, как твоя суженая голышом на шабашах пляшет, демонов убажает.

Ирошку после этого вся деревня избегать стала, коситься, персты прикладывать. Вспоминали, как она лягушек ловила у речки. Все дети ловили, конечно, но остальные-то для детских забав, а Ирошка не иначе как ради зелий ведьмовских. И тот случай со змеей в дымоходе аж со всех сторон обмусолили. Стали болтать, что Ирошка и сама-то в змею ночами превращается, по коровникам ползает.

А потом у Ирошки умерла двоюродная бабка. Та самая, что жила в лесу. И привиделось накануне Ирошке, что бабка ее зовет. Лежит пластом, рот раскрывает, сказать что-то хочет. Проснулась она в холодном поту, и мысли в голове неотступно – проведать надо бабушку. Хоть и ведьма, а все не чужой человек.

Ну и пошла. И успела как раз к последним бабкиным часам. За руку ту взять, последние слова выслушать.

И дар колдовской получить. Не могла бабка умереть спокойно, не передав его кому-нибудь. У ведьм это исстари заведено.

Радости с того Ирошке выпало немного. Ну да, теперь у нее сама собой стала получаться волшба. Без всяких демонов, враки это все оказались. Но деревенские, и прежде ее сторонившиеся, теперь стали шараться. Гадальбет вовсе говорить перестал.

Скрыть-то не вышло ничего. Оно по первости как будто само из Ирошки лезло во все стороны. Рукой махнет неосторожно – ветер подымается. Посмотрит исподлобья – цветок завянет или суп скиснет. Хорошего поначалу мало получалось... да и потом тоже. Все только порча какая-то.

– Понимаешь, меня ничему не учили, – объяснила Ирошка. – Если ты дар унаследовал, а не собственный развил – оно вот так обычно выходит.

– Почему?

– Если на норовистого коня садится новичок, тот может его сбросить. А магия – очень норовистый конь. Если не получил должного обучения – волшебство уничтожит волшебника. А меня почти не учили. Бабка только в последний день объясняла всякое, рассказывала... из последних сил. И еще я у нее книжку там нашла ветхую, тоже почитала.

– Ты грамотная? – удивился Ульганд.

– В наших краях прецептор одно время странствовал, жрец Мудреца. Он всех учил, кто хотел.

Впервые Ульганд посмотрел на Ирошку с толикой уважения. Сам он читать и писать тоже умел, но среди крестьян такое редкость.

Вилланам Ирошка поначалу пыталась помогать. Старалась изо всех сил. Дожди призывать в засуху, урожай обогащать. Только все выходило не так. Вместо дождей – то град, а то и снег. Вместо урожая – недород. С Вазилом вообще неладно вышло, хотя этот пусть только самого себя клянет.

А Адалка... она сама к Ирошке в пещеру заявила. Снова завидовать начала, глаза ее ненасытные. Теперь, дура такая, дару ее позавидовала. Навыдумывала себе невесть чего, тоже все про демонов, да про сокровища, да про власть над людьми. Тоже наслушалась разного, да и решила, что Ирошка этот дар получила, бабку родную прикончив.

А если, значит, Адалка так же прикончит Ирошку, то дар уже к ней перейдет. Вот и пришла с пирожками и словами сахарными.

А в пирожках волчья ягода была.

Ирошка их есть-то не стала. И не потому что неладное почуяла, а просто стряпуха из Адалки – что дровосек из кобылы. Нагрубила ей Ирошка, что уж. А как не нагрубить?! Бранью покрыла, пирожки ее в пыль выбросила и велела топтать куда подальше, пока в лягушку не обратили.

Ну Адалка на нее с кулаками и набросилась. А Ирошка сдачи дала. Толкнула. Адалка кувырк – и головой ударилась. Ирошке она в пещере не нужна была, а и тащить ее до дому не хотелось, козу драную. Она до деревни сбегала, там и передала, что Адалка у нее, идти не может, пусть родные придут, заберут.

И назад побежала. А там Адалка уже в себя пришла. В вещах Ирошкиных рылась.

Снова подрались, конечно. Адалка за нож схватилась. А Ирошка... она сама толком не поняла, как у нее вышло то, что вышло. Стихийно как-то, против собственной воли.

Ну а дальше Ульганд уже сам все видел.

После привала они преодолели еще вспашек двадцать. На этот раз Ульганд не стал привязывать Ирошку к седлу и даже позволил часть пути проехать верхом. Дорога впереди еще долгая, будет плохо, если ведьма стопчет ноги в самом начале.

Когда они встали на ночлег в тихой лощине, Ирошка насмешливо сказала:

– И ты только не думай, что этот ошейник не даст мне колдовать. С ним труднее, конечно, но я и так сумею превратить тебя в лягушку.

– В таком случае отчего же ты этого все еще не сделала? – осведомился Ульганд, разводя костер.

– А не хочу. Могу, но не хочу.

Рыцарь немного помолчал. Глаза ведьмы были хитрыми, на губах змеилась усмешка.

– В таком случае ошейник можно и снять? – предположил Ульганд. – Раз уж от этого ничего не изменится.

– Можно и снять... – пожала плечами Ирошка. – Он почти бесполезный, правда.

– Но лучше все-таки не снимать, – подытожил Ульганд. – И, наверное, лучше будет на ночь снова вас связать, сударыня.

– Не титулуйте меня так, сэръ рыцарь, – язвительно сказала Ирошка. – Я не просто крестьянская девка, я ношу ведьминский пояс.

– Какой еще пояс?.. – не понял Ульганд.

– Воображаемый. Он как рыцарский, только его не видно.

– И как же правильно тебя титуловать?

– Мэтресс Таль. Чечевица сварилась?

Уплетая вареные бобы, ведьма сказала:

– А не веришь ты мне зря. Я в любой момент могу скрыться. Так что можешь меня и не связывать. Ни к чему это.

Но Ульганд все равно связал ведьму. Не слишком туго, но скрутил ей запястья и привязал к дереву. Хотел еще и кляп воткнуть, но сжалился.

А наутро под деревом не оказалось никакой девушки. Только спутанный ворох веревок и свернувшаяся клубком змея. При виде Ульганда она подняла треугольную голову и зашипела.

– Мэтресс Ирошка, вернитесь в свой истинный облик, или я отрублю вам голову! – гневно воскликнул рыцарь.

– Сэр рыцарь, с кем вы там разговариваете? – донеслось сзади.

– Ни с кем, – ответил Ульганд, смущенно убирая меч в ножны.

Ведьма нарвала орехов. Она каким-то образом сумела освободиться, но не сбегала. Ошейник по-прежнему был на ее шее.

– Почему ты все еще здесь? – с подозрением спросил Ульганд.

– Ключ от ошейника у тебя, – ответила Ирошка. – Куда я пойду в этой штуке?

Ульганд внимательно посмотрел на нее. Потом на землю рядом с собой. Там валялась ветка. Увесистая, с узловатым комелем. Настоящая дубинка.

– Что? – тоже посмотрела на ветку ведьма.

Ульганд мазнул взглядом по примятой траве. Судя по следам, Ирошка всю ночь каталась и дергалась, но узел распутала только под утро. Убежала в лес... вернулась с тяжелой веткой... постояла неподалеку от спящего рыцаря... потом бросила ветку и снова ушла.

Она либо побоялась, что не сумеет ударить достаточно сильно, либо сжалилась.

Ульганд не стал спрашивать.

– А говоришь, ошейник не действует, – сказал он, отламывая ей кусок хлеба.

– Да он почти не ощущается, – фыркнула Ирошка. – Просто тяжелый. А колдовать я могу по-прежнему.

– Докажи.

– Не буду я ничего доказывать. Нашел скомороха.

– Значит, ошейник все-таки работает. Колдовать ты с ним не можешь. Брехать можешь, а колдовать не можешь.

– Продолжай так думать.

Теперь они коротали путь беседой. А на следующем привале Ульганд не стал связывать пленницу. Та и без этого казалась совсем измученной. Они остановились у реки, и рыцарь позволил девушке промыть раны, да и вообще очистить себя от грязи. Она изрядно в этом нуждалась.

Умытая, Ирошка стала почти хорошенькой. Простое деревенское личико, но свежее, с правильными чертами. В зеленых глазах плясали ехидные бушуйки.

– Как ты стал рыцарем? – спросила она, когда сэр Ульганд принес подстреленного на охоте зайца.

– Как и все, – пожал плечами тот. – Я сын рыцаря и внук рыцаря. Мой род очень древний. Двенадцати лет от роду я стал пажом, в пятнадцать – оруженосцем, а в девятнадцать меня опоясали мечом и нарекли сэром Ульгандом. И вот я уже шестой год служу его королевскому величеству.

– Охотясь на ведьм?

– Ты моя первая ведьма.

– Наверное, я должна быть польщена, – ядовито произнесла Ирошка.

– Зато я дважды побеждал великанов и трижды – виверн, – зачем-то сказал Ульганд.

– Хвастаешься?

– Нет! Я... рыцарю никогда не должно хвастаться, это один из семи главных грехов!

– А остальные какие?

– Тщеславие, зависть, ненависть, гнев, алчность, хвастливость и сладострастие.

– А тебе не кажется, что тщеславие и хвастливость – это почти одно и то же? Хвастливость – частный случай тщеславия, разве нет?

– Это не я придумывал, – насупился Ульганд. – Так сказано в рыцарском кодексе.

Он принялся ожесточенно сдирать шкуру с зайца. Ирошка подлезла поближе и пристально наблюдала за процессом. В животе у нее чуть слышно заурчало.

Свежего мяса они оба не ели уже давно.

– Поделишься? – с надеждой спросила ведьма.

Рыцарь молча сунул ей котелок. Ирошка сбегала за водой, заодно наполнив опустевшую за день флягу, и стала помогать потрошить зайца.

– Лучше бы сначала замариновать, – вздохнул Ульганд. – Если замочить зайца в молоке или вине, мясо становится нежным и перестает пахнуть. В замке моего отца подавали изумительную зайчатину под чесночным соусом...

– Давай просто потушим, – предложила Ирошка. – С чечевицей. Я не капризная, мне и пахнущее сойдет.

Ульганд снова вздохнул. Жизнь странствующего рыцаря налагает свои ограничения. Когда-нибудь он унаследует отцовский замок, как унаследовал отец после смерти деда. Но до тех пор он рыцарь безземельный, и его долг – служить королю.

А отцу едва за пятьдесят. Он может прожить еще лет десять, а то и пятнадцать. И Ульганд от всего сердца желал ему жизни долгой, как можно более долгой.

Но до тех пор зайчатину под чесночным соусом ему доведется есть нечасто.

– Может, снимешь ошейник? – нарушила его мысли Ирошка. – Он немного натирает.

– Действительно, почему бы и не снять? Колдовать же он все равно не мешает, – усмехнулся Ульганд. – А что бы тебе не снять его чарами?

– Да я могла бы, но... ладно, не могла бы. Ну сними. Я пообещаю, что не убегу.

– Прости, но у меня приказ бейлифа.

Когда котелок наполовину опустел, рыцарь пристально посмотрел на ведьму. Та немного отползла назад и покосилась на веревку, свисающую с конского седла.

– Я не стану тебя связывать, – помолчав, сказал Ульганд. – Но пообещай, что не убежишь.

– Хорошо, обещаю, что не убегу... этой ночью. Тут все равно вокруг только лес и волки.

Этой ночью Ульганд спал вполглаза. Вслушивался в каждый шорох, следил за каждым движением. Но Ирошка лежала тихо. И хотя проснулась она все же раньше рыцаря, но только потому, что ее манили остатки зайчатины.

На следующий день они ехали уже попеременно, а иной раз оба шли пешком, давая отдых коню. Под вечер, когда оба устали, Ульганд с легким смущением предложил Ирошке усесться верхом вместе – и та не отказалась. Ветрогон всхрапнул от возросшей тяжести, но весила юная ведьмочка немного, так что конь стерпел.

Потом был четвертый день. И пятый. Листвор постепенно приближался. Ульганд и Ирошка уже болтали так, словно знали друг друга всю жизнь.

И рыцарь понемногу начинал жалеть, что именно ему выпало задание ее поймать...

Он больше ее не связывал. И даже не очень-то следил. Пару раз он ловил себя на том, что подбирает слова, которыми будет оправдываться перед бейлифом, когда тот спросит, отчего ведьма сбежала.

Но она не сбегала. Даже не пыталась. Помогала разводить костер и носить воду, ходила в лес за ягодами и орехами.

Вела себя тише тихого.

Ульганд все яснее видел, что его пленница – не чудовище. Она далека от идеального женского образа, и ее точно не назовешь смиренной севиристкой... рыцарь вообще не видел, чтобы она молилась или прикладывала персты. Но, по чести говоря, он и сам знал всего несколько молитв, постыдно ими пренебрегая, так что уж не ему осуждать других.

По мере того, как приближался центр Озерной марки, все чаще попадалось жильё. Рыцарь и ведьма трижды останавливались на хуторах и деревнях. И если в первый раз Ульганд не скрыл, кого везет на суд бейлифа, то потом начал выдавать Ирошку за крестьянскую девушку, спасенную от великана-людоеда.

Просто очень уж недобро оживился люд в первой деревне. В Эстреброке было так же, но там Ульганду еще не было дела до своей пленницы.

А теперь ему стало неприятно видеть, как толкаются вилланы вокруг Ирошки, как перешептываются и отводят взгляды, как... да, какой-то мальчишка в нее плюнул. Ирошка снесла это с притворным равнодушием, но Ульганд едва удержался, чтобы не накрутить мальцу уши.

Поэтому в следующий раз он ведьмой ее не назвал. Да, просто девушка. Да, спас от злого великана, везу домой. Ошейник?... Великан надел, кто же еще. Да, съест потом хотел. Ключа

не нашли. Ваш кузнец рад помочь?.. Нет, спасибо, тут очень хитрое железо, особенное какое-то. Доедем до дома, а там уж спокойно разберемся.

От вранья у благородного рыцаря атели уши.

Стены Листвора показались на восьмой день пути. И чем ближе они становились, тем медленней шагал конь. А совсем немного не доехав до ворот, Ульганд вдруг сказал:

– А почему, собственно, ведьму должен судить какой-то маркиз?

– Он бейлиф Озерной марки, – мягко напомнила Ирошка.

– Ну и что? Я разве рыцарь маркиза? Я рыцарь короля. Я отведу тебя на суд к королю – а там уж он пусть решает, виновна ты или нет.

– Прекрасная мысль, – согласилась ведьма. – Всегда хотела предстать перед королевским судом. Говорят, справедливей него нет в целом мире.

– Это чистая правда.

– Далеко отсюда до столицы?

– Если ехать верхом – дней десять. А пешком... вдвое дольше, наверное.

– Конь у нас только один.

– Только один.

– И хотя бы на ослика денег у нас нет.

– Нет, – с грустью заглянул в тощий кошелек Ульганд.

– Если снимешь с меня ошейник...

– Прости. Я не могу.

И вот так сэра Ульганд отвернул от ворот Листвора, когда до тех оставалось меньше полусотни шагов. Только вот со стены его заметили – и был это один из тех самых дружинников, которым рыцарь помешал убить упырицу. Увидев, что он вдруг поехал мимо, совсем в другую сторону, человек маркиза заметался, окликнул рыцаря – но тот не услышал.

Ветрогон трусил неспешно, а Ирошка вовсе шагала пешком. И минут через пять дружинник догнал их, схватив коня под уздцы.

– Сэр рыцарь!.. – выкрикнул он, запыхавшись. – Сэр рыцарь, отчего вы не заезжаете?! Его светлость велели немедля просить вас к нему!..

– У меня изменились планы, – отвернулся Ульганд. – Передайте его светлости, что обсуждаемую нами особу я доставлю непосредственно на королевский суд. Отпустите узду и дайте дорогу.

– Но... сэра рыцаря, я... у меня приказ!.. столб уже подготовлен!..

– Столб?.. Какой еще столб?..

– Ну как же, для сожжения ведьмы.

– Сожжения?.. – заморгал Ульганд. – А как же суд?..

– Так давно уж состоялся, – пожал плечами дружинник.

– В отсутствие обвиняемой?..

Дружинник недоуменно нахмурился. Удерживая коня, он переводил взгляд с рыцаря на ведьму. А Ульганд угрюмо посопел, пожевал губами и что-то для себя решил.

– Уйдите с дороги, или я зарублю вас, сударь, – взялся за рукоять меча Ульганд.

Дружинник отшатнулся. Неблагородных кровей, он прекрасно понимал, что если опоясанный рыцарь убьет простолюдина – отделается штрафом и покаянием в храме. Ерунда, в общем-то.

Так что он не стал спорить. Только бросил злой взгляд на Ульганда и припустил обратно в город.

– Надо же, какой короткий был суд, – хмыкнула Ирошка, глядя ему вслед. – Впрочем, приговор немного предсказуем.

– Я отвезу тебя к королю, – упрямо повторил Ульганд. – Пусть он решает.

Рыцаря и ведьму догнали через пару часов. Двенадцать конных дружинников. Маркиз Пфаль пришел в ярость, услышав о самовольстве сэра Ульганда, и немедленно выслал погоню.

Топот копыт рыцаря услышал издали. Бросив на облако пыли растерянный взгляд, он помог Ирошке вскарабкаться в седло и дал Ветроногу шенкелей.

– Кажется, маркиз не согласен с вашим решением, сэр Ульганд, – заметила Ирошка, тоже оглядываясь. – Но он высокого мнения о вашем мече, раз послал целую дюжину.

– По-своему это лестно, конечно... – пробормотал рыцарь, берясь за копьё.

На победу он не надеялся. Но удрать тоже не выйдет. Ветроног совсем утомился за день, да и везти сразу двоих ему нелегко. Несколько минут – и погоня уже в полете стрелы.

И стрела только что вонзилась в землю.

Совсем рядом. Несколько шагов. Дружинники маркиза еще не могут стрелять прицельно, но и до этого осталось недолго.

– Прости, – произнес Ульганд.

Он сунул Ирошке что-то в руку... и выкинул ее из седла. Девушка упала на обочину и едва удержалась от крика.

Сам же Ульганд круто развернул коня и поскакал навстречу дружинникам. Он поднимал копьё.

Секунда!.. и наконечник врезался в дубовый щит. Раздробил его в щепу и задел плечо всадника.

– С дороги, мужичье!.. – воскликнул Ульганд, отбрасывая копьё и сверкнув мечом.

Отползая на обочину, Ирошка раскрыла ладонь и увидела крохотный ключик. Он мог быть только от одного замка.

А на Ульганда наседали со всех сторон. Левая рука уже висела у него плетью – кость переломили ударом дубины. По шее текла кровь – кто-то сумел резануть щеку кинжалом.

Но и двое дружинников покинули бой с тяжкими ранами. Ветроног мчался изо всех сил, Ульганд ожесточенно махал мечом... а!.. под лопатку вонзилась стрела!..

Он снова круто развернулся. Быть убитым в спину – позор для рыцаря. Пусть стреляют в грудь. Пусть разят в лицо.

Он заберет столько противников, сколько сумеет.

Его выбили из седла. Меч разрубил дубину – но другая шарахнула так, что Ульганд потерял поводья и свалился наземь. Клинок глухо упал в пыль, а рядом обрушились конские копыта. Несколько дружинников спешили и ринулись к силящемуся подняться рыцарю... по темени ударили чем-то тяжелым...

Небо разорвало воплем. Истошный крик, ревуший ураган – и дружинников разметало. Ульганда за плечи схватили когтистые лапы – и в небо устремилась крылатая тварь!..

Им стреляли вслед. Три стрелы прошли совсем рядом и четвертая вонзилась в ногу рыцарю. Но в ведьму никто не попал... а потом сознание Ульганда померкло.

Он очнулся, лежа головой в роднике. Вода приятно охлаждала больное темя. Левая рука была в лубке, на спине, ноге и щеке – травяные примочки.

– Зря ты меня пожалел, – сказала Ирошка, поя Ульганда из свернутого листа. – Оба теперь пропадем.

– А... почему ты... не сбежала?.. – слабым голосом спросил рыцарь.

– Думаешь, стоило? Тогда б один медный кувшин помер, нет?

– Не сейчас... с самого начала?..

– И потом всю жизнь бегать? Я не хочу. Я думала... ну может... ты же сказал, что маркиз справедливый...

Ульганд приподнял голову и огляделся. Конь со всеми пожитками остался у дружинников. Пропал даже меч. Ведьма тоскливо смотрела на бегущую воду.

– Король... – пробормотал рыцарь. – Королевский суд...

– У него-то столб для сожжения побольше, чем у маркиза, – кивнула Ирошка. – Наверняка.

– Не говори так. Я рыцарь короля.

– Возможно, уже нет.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурился Ульганд.

– Да ничего. Я, конечно, в глуши росла, но даже мне понятно, что покрывать ведьму – это почти так же плохо, как самому быть ведьмой. Ты там убил кого-нибудь?

– Двоих серьезно ранил. Не знаю, выживут ли.

– Давай надеяться, что выживут, – оперлась лбом о ладони Ирошка.

Пять дней они прятались в лесу, впроголодь. Охотиться без лука и копья было гораздо труднее, к тому же Ульганд с трудом передвигался и не владел левой рукой. К счастью, находить грибы, ягоды и орехи Ирошка умела где угодно. И это точно не было чарами – ведь она делала это и раньше, в ошейнике.

Ульганд старался не думать о том, что теперь она без ошейника. При нем Ирошка не колдовала. На рыцаря она смотрела виновато, явно удивленная тем, что он сделал.

А Ульганд напряженно думал, что им делать теперь. Нет, не к королю на суд, это точно. Маркиз Пфаль уже наверняка послал гонца. Оправданий у Ульганда нет, никаких. Даже если все дружинные выжили, он все равно дрался с ними, защищая ведьму. Этого не изменить.

А уж если кто-то из них погиб...

Но оставаться в лесу тоже нельзя. Лето, считай, закончилось, начинается осень. Ночами уже прохладно. Этим утром Ульганд, проснувшись, нашел Ирошку спящей подле себя, тесно прижавшись.

На исходе шестого дня рыцарь принял решение.

– Мы поедem... пойдem в мой родовой замок, – сказал он. – Я попрошу помощи у отца.

– Как скажешь, – покорно согласилась Ирошка. – Он далеко?

– Рядом. В баронстве Элькебрун.

К отцовскому замку Ульганд явился к концу третьего дня. Они с Ирошкой устали и измучились, а руку по ночам начало ломить. Хорошо хоть, раны не воспалились и обещали вскорости успешно закрыться.

– Больно, когда стрелами-то протыкают? – язвительно спрашивала ведьма, меняя рыцарю повязки. – То-то же.

Отца дома не оказалось, он отбыл на охоту. Но старый замковый управитель узнал молодого наследника и принял его радушно. Впервые за много дней Ульганд и Ирошка смогли выспаться в нормальных постелях и поесть приличной еды.

Ведьма изумленно таращилась на гобелены и статуи, а фонтан во дворе привел ее в какой-то детский восторг. Такого она в своей жизни еще не видала.

Донельзя поразила ее и замковая библиотека. Та и в самом деле была богатой – без малого сотня книг, а кроме того – три пупыря и два куба знаний. Реликвии Старой Империи.

– Что в них написано? – жадно крутила один из пупырей ведьма.

– Никто не знает, сударыня, – вежливо ответил управитель. – Их умели читать только волшебники.

Отец вернулся с охоты через два дня. В ворота влетела кавалькада всадников, и погруженный в сон замок наполнился собачьим лаем, конским ржанием, лихими возгласами.

Мать Ульганда умерла девять лет назад. Отец с тех пор безмятежно вдовел, повторно жениться не собирался. Унаследовав лен, пожалованный еще его прапрадеду, он с радостью забыл о жизни королевского рыцаря и день-деньской проводил в веселье. Либо охотился, либо гостил у кого-то из соседей, либо сам созывал их в гости. Его надел, не слишком богатый, приносил все же достаточно, чтоб не думать о хлебе насущном.

Сыну сэр Медох искренне обрадовался. Ульганд уже года три не заезжал в родовой замок, и сейчас пытался прикинуть, насколько с тех пор отец растолстел.

Кажется, набрал не меньше двух камней... или даже два камня и дюжину камешков...

– Ульганд!.. – от души хлопнул сына по спине старый рыцарь. – Сколько лет мы не виделись?!

– Около трех, батюшка, – скривился от боли Ульганд. Отцовская лапища угодила точно по заживающей ране.

– Ну и ну, около трех!.. – подивился сэр Медох. – А ты окреп, чадо!.. Возмужал!.. Только бледен что-то. И худоват. Я в твои годы пошире был.

Ирошка в этот раз обедала на кухне. Столовая, два дня пустовавшая, теперь оказалась битком набита рыцарями и их оруженосцами. Сэр Медох пригласил на пир девятерых соседей, в том числе своего сюзерена – барона Элькебруна. Приехавший в гости наследник оказался как нельзя кстати – Медох показывал его всем, хвастался героическими победами сына, требовал все новых рассказов о том, как тот служит королю.

– Так вы и в самом деле победили великанов Истерденга и Блакинбора? – подивился барон. – Я слышал о гибели этих чудовищ, сэр рыцарь. Это великий подвиг – в одиночку одолеть великана.

– Благодарю вас, ваше благородие, – поклонился Ульганд.

– Мой сын, впрочем, тоже славный рыцарь, – тут же добавил барон. – Не слышали о его подвигах? Сэр Альмар. Не так давно он пронзил железным трезубцем злокозненного чернокнижника. Тот был хоть и не великанского роста, но людей своими отравками погубил не меньше.

– Он отравлял колодцы, ваше благородие? Или родники?

– Нет, он обманно подсовывал отраву под видом лекарственных снадобий.

– Экий мерзавец! – бухнул кубком об стол Медох. – И что ж, насмерть травил?!

– Если бы. Хуже. Гораздо хуже. Люди от его снадобий даже как будто бы выздоравливали... но!.. – поднял палец Элькебрун. – Во внутренностях у них после того заводился некий червь, который выедал из этих несчастных всю доброту.

– Не понял, – нахмурился Медох. – Солитер, что ли?

– Да нет же! Солитер силы выедает, а этот – доброту. Эти демонские козни обнаружил мой личный духовник, благочинный отец Итрофокл. Но, к счастью, все прекратилось, когда чернокнижника вначале пронзили железом, а потом утопили и сожгли. Только всем пострадавшим пришлось еще выстоять очистительную службу и принести богам жертву золотом, но это была малая плата за спасение от демонских чар!

– Ох уж мне эти ведьмы, колдуны и чернокнижники! – снова бухнул кубком Медох. – Только им и потехи – вредить честному человеку! Всех бы лично своими руками передушил!

– А я бы зарубил!..

– Повесил!..

– Вспорол брюхо, как свинье!..

Рыцари возмущенно орали, потрясая кубками, вилками и хлебными ломтями. А Ульганд сидел мрачнее тучи, опустив глаза и от души надеясь, что Ирошка этого не слышит. Она, конечно, не в столовой сейчас, но отцовский замок невелик, а голоса рыцарей так, словно до богов докричатся пытаются.

– А вы, сэр Ульганд, не сталкивались ли с ведьмами или чародеями? – спросил барон, вгрызаясь в кусок оленины.

– Нет, – ответил рыцарь, пристально глядя на сюзерена отца. – Мне доводилось биться с великанами, ограми, вивернами, грифонами и упырями, но ни ведьм, ни иных кудесников я не встречал.

– Ваше счастье, сэр. Коварный это люд и злокозненный. Лично я предпочел бы столкнуться с драконом, чем с колдуном.

– Драконы вымерли.

– В Ларваторане – вымерли, – согласился барон. – Давным-давно. Но скажу вам по секрету, дорогой сэр. что за границей они кое-где еще поживают. Когда я совсем еще юным путешествовал на восток, к берегам Сумеречного озера...

И старый барон рассказал предлинную и презанимательную историю, которую мы тут приводить не будем, поскольку речь все-таки не о нем, а о сэре Ульганде и мэтресс Ирошке...

– Зря, кстати, – сказал Янгфанхофен. – Рассказ в рассказе – превосходный композиционный прием. Я бы с удовольствием слушал историю этого барона в рамках истории рыцаря.

– А потом еще и барон мог бы услышать какой-нибудь рассказ егеря или того же дракона, и тоже привести его здесь, – подхватил Бельзедор. – Таким образом один рассказ можно многократно зеркалить и растягивать до бесконечности.

– Да я не собираюсь растягивать этот рассказ до бесконечности, – ответил Дегатти. – К тому же историю барона я и сам не знаю. И дедушка, скорее всего, тоже не знал.

Когда барон закончил, другие рыцари тоже наперебой стали рассказывать байки. Сэр Угвор поведал о своей встрече с огром – большим любителем загадок и головоломок. Сэр Эстварк – о том, как посрамил гнусного бушука. Сэр Изельд – о своем трехлетнем морском путешествии, из которого вернулся в прошлом году.

– Мы обогнули Мирандию и острова Пяти Лун, после чего спустились к сказочной Боулкарии, – жестикулировал он, не замечая, что слушатели уже дремлют. – Там мы закупили изумительного жемчуга и взяли на борт пять живых тритонид, после чего вернулись на север, в сказочную империю Шевларов. После этого мы снова обогнули Мирандию, но теперь с запада, и посетили сказочный остров Великого Змея, где повстречались с нагами-змеелюдами. А если бы не струсил мореходы, наше путешествие продлилось бы и не три года, а все четыре, потому что мы с сэром Уставленом хотели отправиться еще дальше на запад и достичь сказочного острова древней волшбы, где, говорят, полным-полно еще сокровищ Старой Империи...

– Остров Мистерия? – нахмурился барон Элькебрун. – Правильно, что не поплыли. Это же настоящий рассадник чернокнижия! Не слышали разве?

– Слышали, слышали, – покивал сэр Изельд. – Потому и хотели. То-то славные были бы подвиги!..

– Подвиги... Не вернулись бы вы оттуда живыми, вот вам и все подвиги. Там, люди поговаривают... – понизил голос барон, – ...целая община колдунов гнездо свила. Они там сами всем заправляют, по улицам свободно ходят, волшбу творят прямо на глазах у всех!

– А далеко ли до этого острова? – с деланным безразличием спросил Ульганд.

– Э... а... не знаю, – пожал плечами барон. – Мне оно не надо, я и море-то видел раз всего, когда... эх... а когда ж то было?..

Болтать рыцарям уже наскучило, они принялись петь песни. Хозяин замка кликнул шута, тот прибежал со своими крохотными собачками и стал показывать трюки, от которых из рыцарских носов брызгало вино.

А Ульганд незаметно испарился из-за стола. Он пил меньше остальных и все еще оставался в почти полной внимательности. Известно же, что кроме семи рыцарских грехов есть и семь рыцарских добродетелей – доблесть, верность, учтивость, богобоязненность, справедливость, милосердие и сдержанность.

Последним, к сожалению, многие рыцари досадно пренебрегают. Да и другие добродетели, как часто видел Ульганд, постыдно попираются, в то время как грехи – принимаются радушно. На что уж он любил отца, но видя как тот, красный от вина, усаживает на колени

кухарку и лезет лапищей ей за корсаж... Ульганд не брался даже сосчитать, сколько добродетелей сегодня попораны.

Он отправился в библиотеку. Ирошка была там – сидела тихонько в уголке, крутила один из кубов знаний. Она как-то сумела его расшевелить – зеленый кристалл мягко светился, из него выползали будто облачка, слышался чей-то шепот.

При виде рыцаря она едва не уронила куб и втянула голову в плечи. Но Ульганд не стал ее порицать за то, что колдует даже здесь, в его родовом замке. Он достал с верхней полки «Географию» мэтра Иллавердоса, эльфийского мудреца. Дедушка заплатил за этот список немалые деньги, но книга того стоила – здесь есть не только описание трех континентов и сотен островов, но и их карты.

Самую большую карту Ульганд и развернул. В детстве он любил ползать по ней, разглядывать очертания далеких земель. Вот на востоке длинная, похожая на клинок Звитания. На юге – древняя Мирандия с ее россыпью крохотных королевств и великих империй.

А на крайнем западе – острова, на которые Ульганд раньше не обращал внимания. Один большой, а вокруг – дюжина маленьких.

Мистерия. Страна, где свили гнездо чернокнижники.

Она очень далеко. На другом конце океана. Ульганд измерил запястьями и получил, что от Ларваторана до Мистерии тысяч двадцать вспашек. Сколько лун нужно, чтобы туда доплыть?

Но ведь люди плавают. Слухи расходятся. Добираются туда купцы... хотя эти куда угодно доберутся, если прибыток будет.

И там ведьм не преследуют.

Об этом, запинаясь и захлебываясь словами, Ульганд и рассказал Ирошке. Та недоверчиво прищурилась, расспросила насчет подробностей. Потом вздохнула, опустила голову и сказала, что ей-то что до того чудо-острова? Ей в такую даль ни в жизнь не добраться. Задаром никто не повезет, а на своих крыльях она океан не перелетит...

– Я поеду с тобой! – решительно заявил Ульганд.

– Ты?.. – изумилась Ирошка.

– Да!.. если... если ты не возражаешь, конечно...

Рыцарь положил руку на ладонь ведьмы. Их взгляды встретились. И глядя в глаза Ульганда, Ирошка прошептала:

– С тобой – куда угодно...

Наутро, когда похмельные рыцари седлали коней, Ульганд недолго пообщался с сэром Изельдом. Тот единственный здесь совершил долгое морское путешествие, видел далекие острова. Узнав, что Ульганд тоже не прочь отправиться за горизонт, Изельд долго чесал в затылке, а потом стал его отговаривать.

– Оставьте эти мысли, юноша, – снисходительно поучал он с высоты своих тридцати шести лет. – Это из окна родного замка заморские страны кажутся дивными, закутанными в цветной туман. Поверьте, нет там ничего такого, чего вы не увидели бы здесь, в нашем славном королевстве. Такие же люди. Иногда эльфы. Ну наги еще, тритоны...

– И все же я хотел бы...

– А морское плавание – это, я вам скажу, совсем не то, чем оно кажется с берега. Вы думаете, что будете стоять на носу летящей вперед каравеллы, и дельфины будут играть в волнах, а небо всегда останется безоблачным. Это не так. Смотреть на море вам наскучит в первый же день. Оно все время одинаковое. Плавание от земли до земли длится по несколько дней. Самые долгие переходы занимают целую луну, а то и еще больше. Все это время придется ютиться в крошечной камерке, а то и трюмном гамаке. Без женщин. Без хорошего вина. На сухарях и солонине. Молитесь, чтобы в пути не кончилась вода или не случилась цинга. Когда

начнется шторм – а он начнется! – все забудут, что вы опоясанный рыцарь, и погонят вас на мачты или к помпам.

– Но вы провели в море три года.

– Два из них – на суше. В Боулкарии было неплохо, согласен, – признал сэр Изельд. – Там всегда тепло, вино дешево, а женщины прилежны. Но я больше не вступлю на борт корабля, хоть вы меня озолотите.

– И все-таки...

– Дело ваше, конечно, хотя я оказываю дурную услугу вашему несчастному отцу. Хотите за море – отправляйтесь на запад, в город Голеврек. Оттуда отходят корабли на Белые острова.

– Я не хочу на Белые острова, – нахмурился Ульганд.

– Корабли на Великий Змей и Олькатер оттуда тоже отходят, только реже. А если подождете луну-другую – сможете добраться до Мирандии и даже Боулкарии. Крепкие мужчины, владеющие мечом, там всегда в цене, вас охотно возьмут с собой. Сможете даже денег заработать, если прихватите что-то на продажу.

О том, ходят ли из Голеврека корабли не на юг и юго-запад, а прямо на запад, в Мистерию, Ульганд спрашивать не стал. Слишком подозрителен был бы такой вопрос.

Две луны они с Ирошкой провели в родовом имении. Ульганд залечивал раны, восстанавливал силы. Но по мере того, как заканчивалась осень и приближалась зима, отец все меньше радовался загостившемуся наследнику. Он уже не так часто ездил к соседям и на охоту, больше сидел дома и уже не раз заводил разговор о том, насколько почетна служба королевского рыцаря. Ирошке становилось все труднее не показываться хозяину замка на глаза.

И когда с севера задули холодные ветры, они отправились на запад. Отец как раз отбыл погостить к кому-то из друзей в Озерной марке, и Ульганд решил, что незачем тяготить его долгими проводами. Уверенный, что батюшка не будет против, он приказал седлать двух коней и как следует набить чересседельные сумки.

Путь предстоял неблизкий.

Отец так и не узнал, кто такая Ирошка. Ульганд ему ее даже не представил. Замковый управитель считал девушку спасенной от великана крестьянкой, которую Ульганд обещал вернуть в родную деревню.

– Зачем ты украла эти кубики? – спросил Ульганд, заметив, что крутит в руках Ирошка.

– Я не крада, – возразила ведьма. – Твой отец мне их подарил.

– Что?! – изумился Ульганд. – Ты с ним говорила?!

– Один раз. Я была в библиотеке, когда он зачем-то туда зашел. Я притворилась, что вытираю пыль, и он принял меня за поломойку.

– И отдал тебе кубы знаний?.. – усомнился рыцарь.

– Я спросила, что это за цветные стеклышки. Твой отец сделал умное лицо и сказал, что это женские амулеты, чтобы легче рожать.

– Да?.. – немного расстроился за батюшку Ульганд.

– Представь себе. И он их мне подарил.

– Ты их выпросила?..

– Он их мне подарил, – настойчиво повторила Ирошка. – Все равно они пылились там без дела.

Ульганд вздохнул. Что ж, отрадно хотя бы знать, что греху алчности его отец не подвержен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.